

ISSN 2409-8914

Журнал
**Российский
колокол**

Выпуск №7-8

Москва, 2018

УДК 821.161.1(051)

ББК 84(2)6

Р 76

Главный редактор Максим Замшев

Первый заместитель главного редактора Александр Гриценко

Шеф-редактор Анастасия Лямина

Верстка Александр Прохоров

Корректор Вероника Лапина, Анастасия Лямина

Рабочая редколлегия:

Дмитрий Дарин, Виктор Перегудов, Андрей Щербак-Жуков,

Николай Калининченко

Общественная редколлегия:

Владимир Бояринов, Альберт Иванов, Сергей Есин, Валентин Сорокин,

Алексей Проскурин, Лев Котюков, Альберт Оганян, Александр Фитц

(директор Западноевропейского бюро), Олег Гайданов, специальный корреспондент по Германии и Австрии Сергей Дербер

При перепечатке ссылка на Журнал «Российский колокол»

выпуск №7-8» – обязательна

Редакция не рецензирует присланные работы

и не вступает в переписку с авторами.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Учредители:

Московская городская организация Союза писателей России

Фонд «Литературный фонд Петра Проскурина»

Адрес редакции: 107023, г. Москва, Электrozаводская ул, д. 52, стр. 1-10

тел.: +7 (495) 988-89-79

info@inwriter.ru

Электронная версия: gos-kolokol.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за

соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и

охране культурного наследия 9.11.04, ПИ № ФС 77-18759

Журнал выходит при содействии Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

ISSN 2409-8914

Тираж 5 000 экземпляров, формат 60×90/16. Бумага офсетная,

печать офсетная

Оглавление

Слово редактора	5
Современная проза	7
Каюров Георгий	8
Кругосветов Саша	31
Шарапов Максим	98
Лисичка Олен	136
Современная поэзия	211
Калиниченко Николай	212
Литература молодых	225
Акопян Карина	227
Белавежская Алёна	230
Бережной Александр	233
Бургундец Стив	239
Кобец Антон	244
Краснощёкова Лидия	246
Мельков Алексей	251
Овсянников Дмитрий	254
Литература Республик России	257
Боован Куукан Валентина	258
Русское зарубежье	271
Спирко Дмитрий	272
Фантастика	295
Лазарев Дмитрий	296

СЛОВО РЕДАКТОРА

Анастасия Лямина

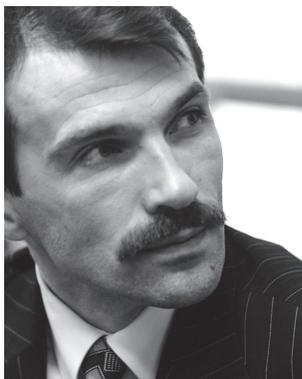
Член Интернационального
Союза писателей, журналист,
публицист.

Современная проза

Российский
колокол

Каюров Георгий

Секретарь Высшего творческого совета СП России.

Автор более сорока сборников прозы. Произведения переведены на европейские языки и входят в антологии и хрестоматии.

Книги выходили в Канаде, Молдове, России, Италии, Болгарии, США, Украине.

Создатель Хрестоматии современной русской литературы для лицеев и филологических факультетов.

Мастер спорта международного класса по шахматам.

Член Славянской литературной академии Болгарии.

Награжден литературными премиями, произведения входили в длинный и короткий список литературных премий России.

П.П.Ш.

Рассказ

Над пологим полем задиралось солнце, нижним краем теряющееся за кронами деревьев, окаймляющих надел в самой верхней границе холма. Словно наперегонки с солнцем – кто выше взберётся – выбрасывая клубами пыли по сторонам, к центру поля устремилась серая «волга». Она ехала к возвышающимся строительным лесам. Когда-то в этом месте стояла церковь. Во время войны разбомбили её, а разобрать всё не решались, так и опахивали руины. Поговаривали, что под церковью огромные подвалы и запутанные ходы. Поначалу слухи ходили разные об этих подземных ходах, но толком никто ничего не знал, а с годами и позабылось. Среди людей боязнь церковных руин закрепилась, так по наследству слухами и передавалась. Мальчишки из соседних сёл лазали, но тоже ничего толком не рассказывали.

С наступлением перестройки взялись восстанавливать храм. Огородили лесами, поставили огромный забор и вмиг накатали большегрузами колею. Всё везли и везли строительный материал. Работающие в поле по соседству колхозники наблюдали, как обратно вывозили машинами горы битого кирпича.

На прошлой неделе прошёл слух: у западной стороны фундамента раскопали захоронение из человеческих костей. Срочно вызвали представителей общества «Память» и научного сотрудника из областного музея. И вот, как первый результат, секретарь райкома вёз на служебной машине тётю Пашу. Все эти годы тётя Паша твердила о том, что в церковных руинах похоронен её супруг. Куда только не писала, чтобы начали поиски, но всё тщетно. И вот

теперь всё подтвердилось. Поисковики решили пригласить её. Секретарь, сидя у окна и пристально вглядываясь вдаль, нет-нет, да и вздыхал, покачивая головой.

– Тётя Паш, с какого года, говорите живёте здесь? – завёл разговор секретарь, словно сам себе не верил. Ведь он-то хорошо знал, с какого года, но именно сейчас усомнился.

– Дак после войны и приехала, – вздохнула женщина, тоже не отрывая взгляда от окна. – Помнишь, как тебя голозадого гоняла крапивой из наших лопухов? – неожиданно сказала тётя Паша.

Секретарь только улыбнулся в ответ – когда это было? Он пристально всмотрелся в лицо женщины, но по нему никак не мог понять её настроения. Он только сейчас поймал себя на том, что такие лица пожилых людей он видел везде: и у себя в приёмной, и в булочной, и в троллейбусе, и на приёме у врача, и просто идущие по улице. Они все проходили мимо него и никак не касались его лично. И вот теперь одно из таких лиц сидит рядом с ним в машине, и это лицо их многолетней соседки и подруги матери – тёти Паши.

В это путешествие тётя Паша собралась как на парад. Надела всё новое – косынку, яркое платье, туфли и даже повязала платочек на запястье. На груди у женщины постукивали две потемневшие медали с растрепавшимися лентами. В складках платья затерялись планки ранений. Они иногда показывались, когда машина подпрыгивала на кочке и тётя Паша хваталась рукой за спинку водительского кресла, и снова их прикрывала складка.

– Едем, а может, нет его там, – задумчиво проговорил секретарь.

– Теперь я вдова солдата, – словно не расслышав слова секретаря, тихо проговорила тётя Паша.

– А до этого кем были? – с иронией в глазах секретарь посмотрел на женщину.

– До этого была женой без вести пропавшего, – и тётя Паша твёрдым взглядом посмотрела на собеседника. Её взгляд красноречиво показал – она не приемлет его легкомыслия.

– Какая разница? – не выдержав столь пристального взгляда, секретарь отвернулся, но краем успел ухватить, как тётя Паша покачала головой, взгляд её смягчился, и наполнились слезами глаза. Она не ответила, а он почувствовал, с каким горьким укором женщина отвернулась от него. Остаток пути доехали молча.

Навстречу почётным гостям вышли поисковики – группа молодых людей, состоящая из девушек и ребят; малочисленные строители и учёный-историк из краеведческого музея. Двое парней помогли женщине-ветерану выйти из машины и, поддерживая её под руки, вместе направились к найденному захоронению. Следом шёл секретарь райкома, озабоченно разглядывая всё вокруг и прикидывая, какую территорию пашни разворотили самосвалами и какой урон понёс колхоз из-за этого строительства. Уже неоднократно ему приходилось выслушивать укоры на заседании областного совета, да и председатель колхоза, которому принадлежала земля, бузу поднимал при каждом удобном случае.

У края ямы лежали растянутые два брезентовых полотна. На одном – укладывали найденные вещи, а на другом были разложены кости. Рядом с некоторыми группами костей лежал череп – это означало – целый солдат. Пока нет черепа, нет воина.

У брезента с вещами для ветерана подготовили табурет. Тётя Паша ещё издали нервно пробегала глазами с вещи на вещь. Глаза слезились, она уже сняла с запястья платок

и часто протирала им мокрые щёки. Для этого ей приходилось останавливаться, она виновато смотрела на молодёжь, как бы извиняясь за причинённые неудобства и за то, что те вынуждены переносить её медлительность.

– Спасибо вам, ребяташки, – тихо говорила она и, беря провожатых за руки, подолгу вглядывалась им в глаза. И снова тётя Паша оглядывала предметы, выложенные на брезенте. Неожиданно её взгляд остановился на неопределённом чёрном предмете, лежащем у самого края брезента и сильно испорченном временем и подземным хранением.

Тётя Паша протянула руку, указывая на этот предмет, и, от неожиданно нахлынувшего переживания, губы её затряслись, ноги подкосились. Едва успели подставить табурет, тётя Паша буквально рухнула на него. Молодой человек поднял предмет и повертел в руках, пошкрябал ногтем поверхность. Уже подавая ветерану, он обратил внимание на открывшуюся надпись.

– Что это написано? – всматривался он в буквы. – «П. П. Ш.»... Что это? – И юноша повернул предмет надписью к напарнику.

– Пистолет-пулемет Шпагина, – расшифровал аббревиатуру коллега.

– Может, в неё патроны запасные складывали, или это часть приклада, – предположил молодой человек.

– Кто-нибудь, быстро принесите воды! – что было мочи закричал секретарь, хватая тётю Пашу за плечи, которая, теряя сознание, чуть не свалилась на землю. – Николай помоги!

С подбежавшим водителем они перенесли женщину в машину.

– Быстро в больницу, – приказал секретарь. – Потом за мной вернётся.

– Сделаем, – отозвался водитель, и «Волга» сорвалась с места.

Тем временем поисковики колдовали над занятой вещцей, так взволновавшей ветерана. Один из молодых людей взялся очистить её поверхность от старой кожи, которой, по-видимому, была обклеена деревяшка.

– Ребята! Она должна раскрываться! – неожиданно воскликнул он.

Все поисковики и секретарь окружили парня. Тот заложил лезвие в появившийся прорез и аккуратно двигал им из стороны в сторону. Долго старое дерево не хотело раздвинуться, сминаясь под давлением металла, струшиваясь от старости.

– Да расколи ты его, – выдавая в голосе нетерпение, предложил кто-то из его коллег, но парень упорно двигал лезвием ножа из стороны в сторону, обходя по кругу деревянную вещьцу.

Вдруг деревяшка скрипнула и поддалась, образовав обнадёживающий зазор. Внутри зазора зажелтело дерево. Молодой человек, раскачивая половинки, медленно их раздвигал. Когда вещьца раскрылась, собравшиеся не успели перевести дыхания.

– Надо же, это деревянный портсигар, – сообщил секретарь. – Столько лет прошло, а бумага сохранилась как новая.

– Ура! – грянул общий восторг.

Молодой человек достал свёрнутый вчетверо тетрадный лист в косую линейку и уже трясущимися пальцами развернул его.

– Тихо ты, не порви, – одними губами проговорил кто-то.

– Она крепкая, – пояснил юноша, пробегая глазами по строчкам открывшейся записки.

– Что там? Что там написано? – загалдели со всех сторон.

– Товарищ секретарь, читайте вы, – молодой человек передал записку секретарю, а сам едва успел отвернуться, чтобы скрыть от товарищей слёзы.

– Ребята! Это письмо, – секретарь поднял на всеобщее обозрение листок и, выдержав паузу начал читать:

«Здравствуй, моя дорогая и любимая!

Пишет тебе твой супруг Кузьма.

В первых строках своего письма спешу сообщить, что я жив и здоров. Завтра, наконец, в бой. Почти месяц провели в этих окопах – это третье и последнее письмо. Следующее напишу уже из других. Командир сказал: «Утром дадут двойные фронтовые». Видно тяжело будет. Ты не думай ничего плохого. Я выкарабкаюсь. Так уже бывало. Помнишь, как мне осколком брюхо вспорол, а ты кричишь: беги в медсанбат. А я тебе – как бежать. А ты мне – кишки в утробу сложи и беги. Тогда я так и сделал и, как видишь, жив и здоров и даже мы после поженились. Тебя не испугало, что брюхо мне вспорол, и кишки валялись по земле.

Дорогая моя и любимая, я и в этот раз выживу. Осталось совсем чуть-чуть. Командир сказал, что до нашей границы осталось ещё тридцать девять километров.

У моего отделения задача очень простая – добежать до церкви и закрепиться. О ней я тебе уже писал. Всем взводом дивимся. Везде бомбят, а в неё не попадают. Стоит себе и стоит. Когда я вернусь, мы с тобой приедем и обвенчаемся в этой церкви. Будет и у нас судьба нерушимая, как у неё.

Ну, вот и всё.

Любящий тебя твой супруг Кузьма.

Солнце уже поднялось высоко, а обсуждение не утихло. Девчата восторгались судьбой письма и бесстрашными, любящими даже во время ужасной войны сердцами. Строились разные догадки и предположения. Секретарь поделился с молодёжью воспоминаниями, как тётя Паша приехала много лет назад, практически сразу после войны,

и поселилась в их местах. Он тогда был совсем мальчишкой, но до сих пор помнит её рассказы о том, как в этих местах воевал её муж, и они собирались после войны вернуться сюда жить. К возвращению машины секретаря поисковики успели обговорить многое и теперь сидели погружённые в свои мысли, но их глаза горели.

– Почему она приехала? – задумчиво проговорил белобрысый паренёк.

– Ты, что, письма не слышал? – возмутилась девушка сидящая рядом с ним. – Они с мужем собирались в этой церкви обвенчаться.

– Чего ты? – обиделся на резкий тон коллеги белобрысый. – Я, правда, не понял, они обвенчались или нет?

– Заткнись! – рыкнула на него девушка.

– Может это письмо не ей адресовано? – упрямылся белобрысый.

– Заткнись, сказала! – взорвалась девушка.

– Ребята, машина! – заметил кто-то из поисковиков.

Снизу поля поднималось облако пыли. Ребята повскакивали со своих мест. Секретарь положил письмо в папку, на неё – заветную вещицу – портсигар – и с торжественным видом замер в центре. «Волга» въехала на стройплощадку на полном ходу и, резко затормозив, остановилась у самых ног ожидающих, обдав пылью и строительным сором.

– Николай! – вспылел секретарь на вышедшего из машины водителя. – Сдурел совсем!

– Умерла, – срывающимся голосом проговорил водитель.

– Кто умерла? – не понял секретарь. – Где тётя Паша?

– Сердце, – сжатыми губами выдавил Николай.

– Ничего не понял. Говори внятно, – снова вспылел на недотёпу-водителя секретарь: – Почему умерла? То есть, как умерла? А это? – секретарь протянул папку с письмом и портсигаром, но Николай, резко отвернул голову, пряча

люющиеся ручьями слёзы. Секретарь обвёл глазами замерших поисковиков и опустил на табурет, силой сжав себе рот, чтобы не взречь.

На всю округу опустилась тишина. Солнце зло палило. Восторг десятка молодых людей сшибло трагической вестью. С потерянными лицами сгрудились вокруг папки с портсигаром молодые поисковики, устремив свои застывшие взгляды на тетрадный листок в косую линейку, исписанный крупным карандашным почерком солдата.

– Товарищ секретарь, – неожиданно проговорила сухим голосом девушка, которая некоторое время назад приструнила белобрысого: – Как фамилия тёти Паши?

– Шаповалова, – тяжело задумавшись, проговорил секретарь и, обведя всех взглядом, добавил: – Павла Платоновна Шаповалова.

– ППШ, – тихо отозвался молодой человек, поворачивая к секретарю деревянную вещицу с аббревиатурой П.П.Ш.

Немая судьба

Рассказ

Наконец отменили визы в Европу, и можно от этого получить такое же удовлетворение, как от моря. Человек живёт у моря и ни разу на него не посмотрит, но оно должно быть в лёгкой доступности. Вот так и с отменой виз – неважно, соберётся человек ехать или нет, но сама возможность, само ощущение – можешь свободно ехать куда захочешь – должно быть. Проку мало от золотой рыбки в аквариуме, но она должна быть.

И вот я еду в поезде Берлин – Баден-Баден, на русский курорт в Германии. В этом городе всё построено русским

человеком. Там русский дух даже в немцах. Надо отдать должное великой немецкой нации: она трепетно относится ко всему великому русскому.

На память пришёл случай. В начале двухтысячных баденцы обнаружили вензеля на досках, из которых были сколочены стеллажи аптеки, расположенной на одной из центральных улиц – Софиштрассе. Историки изучили находку и выяснили: вензеля принадлежат двору Его Императорского Величества – российского самодержца. Русский царь выделил деньги для организации аптеки ещё в середине девятнадцатого века. Даже аптечные весы имели императорские вензеля! Жители города собрали средства и установили на стене аптеки памятную доску, а мэр Баден-Бадена день открытия памятной доски объявил выходным. На торжество собрались все жители, и заурядное мероприятие превратилось в большой городской праздник. Кто после такого посмеет подвергнуть сомнению право немцев называться великой нацией?!

Сюда же, в Баден-Баден, после дуэли с Александром Сергеевичем Пушкиным направился и злыдень русской литературы – Дантес. Он прогуливался по аллее Софиштрассе и наслаждался курортной жизнью. Возможно, заходил в императорскую аптеку за лекарствами. А Пушкина император так и не соблаговолил выпустить за границу, о которой мечтал поэт и куда стремился.

Просторные, светлые вагоны, приветливые проводники и тихий шум колёс умиротворённо действуют на путешественника. Со мной в купе оказалась женщина преклонного возраста, по манерам – гранд-фрау, с холёными руками, ухоженным лицом и мягким, странно для немки, тембром. Она вошла в сопровождении вагоновожатого. По нашим меркам, это обычный проводник, но мундир, пафос, менторство, с которым встречал пассажиров этот служитель,

меньше чем на звание вагоновожатого не тянули. Следом за ними носильщик внёс в купе саквояж. Взглянув на меня, фрау отдала тихое распоряжение служителю. Для этого ей пришлось слегка наклонить голову. Фрау была выше среднего роста, а вагоновожатый – толстячок-коротышка. Откланявшись, тот так же бросил короткий взгляд в мою сторону и удалился. Не стану скрывать, поскольку дорога дальняя, я бы предпочёл общество мужское или если женское, то помоложе.

– Вы русский? – устроившись напротив, неожиданно обратилась ко мне фрау по-русски. Её пронизательность и лёгкий, приятный для слуха акцент показались мне любопытными.

– Как вы это определили? – не смог я скрыть удивления.

– А-а! Вы одессит! – мило воскликнула фрау. – На вопрос отвечаете вопросом.

– Извините! – попытался я исправить свою бестактность. – Да, я русский, но не одессит. И всё-таки, как вы определили, что я русский?

– По глазам, – запросто пояснила она, махнув платочком и с выражением лица человека, знающего, о чём говорит. – Смотрите с интересом на всё, даже на малоинтересные детали, например, на такую, как я.

– Не могу понять, как вы донесли саквояж до поезда, – ухватился я за спасительное оправдание.

– Сама не могу понять... – и фрау повела плечами.

Мой ответ сбил её с последовательности умозаключения, и она задумалась, вспоминая, о чём говорила, но быстро спохватилась.

– Не сбивайте меня, я и сама собьюсь, – и снова умолкла, а настроившись, продолжила: – Взгляд вроде скользнул, и я вижу, уже смотрите в окно, но на меня навалилось

беспокойство: всё заметил, всё рассмотрел, всё обо мне знает. Или я ошиблась?

– Вы хорошо говорите по-русски, – решил я ответить комплементом, тем самым уводя разговор от дальнейшего разоблачения.

– Данке, – поблагодарила фрау с лёгким поклоном и спрятала платочек за манжету. – Уступаю вашей галантности. Не взыщите, если что-то не так. Всё-таки я уже бабка.

– Всё так, – ответил я, и мы долго посмотрели друг на друга.

Не знаю, что волновало фрау, но мне показалось: мы всё поняли с полуслова, и я испытал неловкость от первоначального сожаления о попутчике. В её улыбающемся взгляде я прочёл: моя «бабка» прощена.

– Раньше я говорила лучше, – успокоено продолжила она. – Много практиковала. Теперь всё больше стару... старушечьи... Я правильно сказала? – и, получив мой одобрительный кивок, продолжила, – ...разговоры с подружками, а они все немки. Я люблю говорить на русском. Живёте в Германии или вояж?.. – моя собеседница снова запнулась, подбирая правильное слово. – Как правильно сказать? В гости приехали?

– Можно сказать – гошу, – мне не хотелось вдаваться в детали своего путешествия.

– Гошу, это что такое? – свела брови фрау.

– Гости – действие, глагол.

– Только у русских может быть и предмет, и глагол одним словом, – задумчиво проговорила фрау. – Гости – люди, и гости – процесс. Чем вы занимаетесь?

– Писатель, – признался я.

– Я должна была сразу догадаться! – Мои слова привели фрау в восторг, и она уставилась на меня вспыхнувшими глазами. – Этот цепкий взгляд! Конечно, вы писатель!

Вы мне и нужны! – восторженно протараторила она, протягивая руку. – Грета Филипповна. Можете также обращаться ко мне Галина Фёдоровна. Моё настоящее отчество по-русски – Фёдоровна. Моего папу на родине, в России, когда он там жил с мамой, звали Фёдором.

– Очень приятно. Георгий Александрович, – представился я.

Моё любопытство лезло наружу, но я и не собирался скрывать: меня заинтересовало сказанное экстравагантной соседкой по купе.

– Как быстро я завладела вашим вниманием?! – продолжала возбуждённо Грета Филипповна. – Будьте любезны, подайте мой багаж, – и фрау Грета указала рукой на саквояж, который носильщик еле-еле затолкал на верхнюю багажную полку. – Зачем он туда поднял? Под ногами полно свободного места. Я часто езжу этим поездом, и людей всегда мало.

Мне пришлось приложить усилия, чтобы спустить саквояж, не уронив.

– Открывайте, – подавая маленький ключик, распоряжалась Грета Филипповна. – Я всё равно без очков плохо вижу. То отделение не трогайте. Оно не для постороннего глаза, а вот это, маленькое, можно свободно.

Когда я открыл указанное отделение, хозяйка извлекла оттуда несколько толстых тетрадей, перевязанных лентой, и протянула мне.

– Вы должны посмотреть. Это дневники моего отца, русского морского капитана, – Грета Филипповна заговорила надрывно-взволнованно, она то и дело клала руку на тетради, словно принося клятву. – Это мой долг. Я везу их Ренате Эфферн в Тургеневское общество в Баден-Бадене. Хочу передать ей. Рената училась в России ещё во времена Сталина, а теперь председатель этого общества. Она замечательный человек и большая русистка! Так можно сказать?

– Можно, – подтвердил я.

Пока Грета Филипповна посвящала меня в историю своей семьи, я раскрыл первую тетрадь и просматривал исписанные ровным почерком жёлтые листки. Начало дневника датировалось сорок шестым годом. Каждая запись сопровождалась указанием времени суток, в которое делалась. Пролистывая страницы, я словно переходил от часа к часу, от дня ко дню – автор в основном писал ночами: 23.15, 02.30, 00.20.

В первых трёх тетрадях записи делались ещё чернильным пером, затем перешли на шариковую ручку, но попадалось много страниц, исписанных химическим карандашом. Чернильные записи раскрыли некоторые черты автора. Это был обстоятельный, выдержанный, уверенный в себе человек: все линии ровные и равномерно заполнены чернилами. Нельзя было определить, в каком месте перо макали в чернильницу: не было ни одного разрыва и ни одного неровного стыка.

«Дорогая дочь! Обстоятельства заставляют вести эти дневники, потому что не имею другой возможности с тобой поговорить, а ты должна знать всю правду о нас с мамой, о своей семье. Ты русская девочка, и нам с мамой очень бы хотелось, чтобы такой и осталась. Никогда не забывай: настоящее имя твоего папы – Потапов Фёдор Кузьмич».

Сверху, над именем отца было дописано, но уже женским почерком: *«А мамы – Амалия Арнольдовна Бригген – русская».*

«В России есть у тебя дедушка и бабушка – это мои родители». Окончания в словах «дедушка» и «бабушка» исправлены на «и» и снова, над «мои» дописано той же ручкой, что и в предыдущем случае: *«и мамы».* В отличие от основного почерка этот был нервный, с разрывами, и оставил многочисленные царапины на бумаге: вносящий

дополнения продолжал водить пером даже тогда, когда заканчивались чернила. Затем, спохватившись, обводил буквы свежими чернилами, но уже не попадал в линии. Допи-сывающий не скупился на кляксы.

– Вы видите там дописочки? – поиграв указательным пальцем, фрау постучала по тетради. – Это мама своей рукой делала уточнения.

Грета Филипповна хотела ещё что-то сказать, но вошёл вагоновожатый, держа в руках два стакана с горячим чаем и упаковку цукатов.

– Битте, – улыбаясь, он поставил всё это на столик.

– Я сразу заказала чай на двоих, – лукаво прищури-вшись, прокомментировала фрау Грета.

– Спасибо, – я достал из своих припасов печенье и высыпал немного в тарелку. – Угощайтесь. Домашние. Делала моя жена.

– О-о-о! – воскликнула Грета Филипповна и, придвинув к себе тарелку с печеньем, внимательно его рассмотрела. – Она у вас кудесница. М-м-м, как вкусно! – не скупилась на похвалы моя соседка, причмокивая. – Тает во рту. Признаюсь, у меня никогда не получалось сделать тесто, чтобы оно было таким рассыпчатым. М-м-м, внутри что-то есть?

– Это грецкий орех.

Мне было приятно слышать лестные отзывы о кулинарных способностях жены, но особо забавляло то, с какой стремительностью печенье таяло в тарелке. Грета Филипповна двумя пальчиками брала печенье за краешек и откусывала, чтобы, закрыв глаза от удовольствия, медленно смаковать каждый кусочек.

– Ой-й, – вздохнула она, когда её стакан опустел. – Это было что-то изумительное. На чём я остановилась? – резко став серьёзной, спросила Грета Филипповна, но, поймав мой улыбающийся взгляд, стушевалась: – Что, смешная

старая немка? Напишите обо мне сатирический памфлет: как она поела вашу еду?

– Ну что вы! – рассмеявшись, поспешил я успокоить фрау. – Вы остановились на дневниках.

– Дневники мне попали в руки после смерти мамы, – продолжила рассказывать Грета Филипповна. – Я разобрала её вещи и обнаружила их. Надо сказать, смерть мамы стала для меня ударом. Смерть папы я перенесла очень тяжело. Но мама... это был удар. Последний год жизни папа тяжело болел, и я его почти не видела. Он лежал отгороженный ширмой. Я же никогда не слышала его голоса, – словно оправдываясь, неожиданно громко выпалила фрау Грета, но быстро справилась с эмоциями и тише продолжила: – Мама не болела. Легла спать и не проснулась. Мама всю жизнь прожила очень тихим человеком. Она даже говорила полусшепотом, – рассказчица перевела дыхание и, достав из рукава платок, поприкладывала им по лицу. – После её смерти я долго не могла заходить в их с папой комнату. Закрыла на ключ и словно потеряла его. На комнату родителей было наложено табу. – Рассказчица задумалась, прежде чем продолжить. – У меня пятеро внуков. У сына трое и у дочери двое. За ними глаз да глаз – шалуны, но и они знали: в ту дверь ни-ни. Спустя годы всё-таки решила войти. Что меня ожидало, только Бог знает... – Грета Филипповна закусил губы, сдерживая слёз, и нервно постучала пальцами по тетрадам. – Но самое ценное вот это.

За окном тянулась однотипная, уютная Германия, от этого становящаяся скучной. Где-то вдали пролегла полоска автобана, по поверхности которого, как по нитке, мчались автомобили, обгоняя поезд. Послышался протяжный гудок локомотива, извещающий о том, что впереди участок дороги повышенной опасности, – вскоре мы въехали

на мост. За окном замелькали металлические конструкции ферм, стянутые многочисленными клёпками, а внизу, искрясь и извиваясь, несла свои воды речушка. Автобан так же пересекал долину реки, но уже по своему мосту с высокими опорными террасами, сложенными из камней. Я не знаю, когда был отстроен этот мост, но мне представилось: этому мосту века, и по нему, наверно, ездили ещё рыцари. Есть ли летописи, которые могли бы это подтвердить или опровергнуть, я тоже не знаю, но я знаю точно: у меня в руках летопись семьи этой женщины.

«Мы с мамой договорились, эти записи ты прочтёшь после нашей смерти. Нам стыдно перед тобой, но ты поймёшь наш обман и простишь. Если же нет, то всё равно мы не узнаем этого и унесём его с собой к Всевышнему».

– Мой папа был глухонемой, – в сердцах проговорила Грета Филипповна. – Точнее, я так думала всю жизнь, – фрау Грета промокнула выступившие слёзы и, с усилием сглотнув снова подкатившийся ком, продолжила: – Я всю жизнь жила с тем, что мой папа глухонемой. И тут мне попадают эти записи, и из них я узнаю: ничего подобного. Мой папа прожил до восьмидесяти пяти лет, и я ни разу не слышала его голоса. Я даже не могу себе этого представить. Его истязали кошмарные боли, но он не проронил ни звука. По отношению ко мне разве это справедливо? – и фрау Грета всё-таки не выдержала и разрыдалась.

Я продолжил читать: *«Дорогая дочь! Настало время рассказать тебе нашу непростую историю. Много лет назад, а точнее, в сорок четвёртом году мы бежали из России в Германию. Наш побег был вынужденной необходимостью.*

Мы с мамой познакомились ещё в школе. Полюбили друг друга и собирались пожениться. Я окончил мореходное училище, а она стала учителем немецкого языка».

– Моя мама была немкой по рождению, но немкой прибалтийской, – забегая вперёд, дополняла моё чтение Грета

Филипповна. – Но родной язык у неё был русский. Она была советским человеком, комсомолкой, верила в коммунистическую партию. Мы тут, у нас в Германии, тоже верили в коммунистическую партию! – воскликнула фрау Грета, кулаком прижав губы. Она шумно задышала, гася эмоции, и, успокоившись, покорно продолжила: – И вот её пригласили в органы, сами понимаете какие. У нас они такие же, и мы их боялись не меньше. Так вот, пригласили и сказали, что она должна сопровождать американских моряков, когда те сходят на берег. Мама им отвечает, что не знает английского языка: «Я – учитель немецкого», – а он ей бросает с ухмылкой, этот самый товарищ: «Для этого дела знание языка вообще не нужно», – и стал ржать. Мама вспылила. Она у меня была всегда очень властной женщиной. Она им говорит: «я замуж собираюсь за капитана военного корабля». Тогда товарищи ей и отвечают: «если откажешься, то твой жених пойдёт в штрафбат, а ты поедешь на Колыму лес валить как враг народа», – фрау Грета взволнованно стала разглаживать трясущейся рукой складки платья. Её переполняло горе.

Меня удивляло: откуда брала силы эта женщина?

– Чтобы спасти свою жизнь, а больше папину, мама согласилась. Папа пришёл к ней вечером, а она ему от ворот поворот, – Грета Филипповна отсекла рукой. – Уходи. Никаких свадеб не будет. Папа тоже был нрава крутого. Идёт война. Не до сантиментов. Вспылил и хлопнул дверью, – Грета Филипповна задумалась и тише проговорила: – Почему она не сказала папе? Вместе что-нибудь придумали бы, – и умолкла, а я продолжил читать дневники.

«Весной сорок четвёртого меня, капитана военного корабля, вызвал начальник штаба и вручил приказ. Также он сказал, что для выполнения этого задания надо отобрать надёжный экипаж, потому что предстоит принять на

борт секретный груз и выйти в открытое море. А уже там, в море, получить инструкции, как с ним поступить. В назначенный час команда собралась на выполнение поставленной задачи. К причалу подъехали две хлебовозки, и из них выгрузили около сотни девушек. Это и был наш секретный груз. Их сопровождал майор со взводом автоматчиков НКВД. Все поднялись на борт, и мы вышли в море. Среди девушек я увидел твою маму. К вечеру конвоиры устроили попойку. Воспользовавшись этим, я увёл маму к себе в каюту, и нам удалось поговорить. Мы проговорили всю ночь. Страшную правду узнал я тогда. Ценой своей чести она спасла меня. Все девушки, которых к нам погрузили, обслуживали американских моряков из конвоев, которые доставляли военную технику для нашей армии. Также эти девушки должны были доносить в НКВД обо всём, что слышали. Узнав эту историю, я понял, какая участь уготована им. Среди трофейного хлама я нашёл мундир рядового немецкой армии. Переоделся в него, и мы с мамой выпрыгнули в море. Решение было обоюдное: мы готовы были погибнуть, но вместе. Нас подобрало норвежское торговое судно, а поскольку мама хорошо говорила по-немецки и успела выучить английский, ещё и мой мундир помог, нас передали береговым службам Норвегии. Там мне и пришлось стать глухонемым в результате контузии. После нескольких месяцев скитаний по фильтрационным пунктам, нам удалось добиться и выехать в Германию. На руках мы имели временные документы, которые выдали нам норвежские полицейские.

Фамилию пришлось записать мамину. У неё была фамилия немецкая – Бригген. Спасло нас и то, что у мамы было спрятано её свидетельство о рождении. Этот единственный документ и только случай, который благоволил нам, спасли нам жизнь. Так мы стали герр Филипп Бригген и фрау Амалия Бригген».

– Когда я прочла в его дневниках, что он слышал меня, но не мог заговорить, боясь, что я не выдержу и проговорюсь в школе или кому-то из сверстников, – Грета Филипповна уже не могла сдерживаться и заплакала. – Он не верил в мою русскую душу. Они оба мне не верили.

– Скорее всего, опасались за вас, – попытался я оправдать родителей Греты Филипповны.

– Да, да, конечно, опасались, – фрау Грета тяжело вздохнула. – Вы, русские, всегда готовы жертвовать и всё понять и оправдать. Я – немка, – одними губами вывела фрау Грета и задумалась.

Я старался не мешать. Самому необходимо было справиться с мыслями. Всё, что я узнал, потрясло меня. Мне было жаль сидящую передо мной женщину. Эта фраза – «Я – немка» – вырвалась из её сердца сгустком горечи.

– Моя мама работала учителем русского языка. Безумие судьбы: в России преподавать немецкий, а в Германии – русский, – неожиданно Грета Филипповна оживлённо заговорила, а глаза её, красные от слёз, загорелись. – Это была уловка мамы. Таким образом она могла научить меня русскому языку, чтобы папа слышал и понимал меня. Дома мы с ней всегда говорили по-русски. Только теперь я понимаю почему. Папа нас слушал и тоже как бы общался с нами, был участником нашей беседы. Какой сильной воли был мой отец! Он ни разу не выдал себя. Ни одним мускулом на лице. Улыбался всегда тихо, беззвучно, как все немые, – фрау Грета снова притихла.

«Я слушаю твой голос, как ты разумно рассуждаешь, и радуюсь. Мы с мамой гордимся тобой», – в подтверждение слов Греты Филипповны попалась мне на глаза строчка в дневнике.

– Надеюсь, он не знал немецкого, – спустя некоторое время Грета Филипповна заговорила, улыбаясь, – а то когда

приходили ко мне подруги, мы о таком говорили! Как представляю, что он всё понимал, и сегодня стыдно становится, – и Грета Филипповна зарделась.

В этот момент разговора я едва удержался, чтобы не спросить – сколько лет моей собеседнице. Воспоминания молодости преобразили фрау Грету так, что я видел перед собой молодую, бойкую женщину.

– Благодаря дневникам, я стала отдавать себе отчёт о тех событиях, которые происходили, о тех условиях, в которых мы жили, – в отчаянии проговорила Грета Филипповна, сжимая кулаки на груди. – Я же была ребёнком! Как может оценивать ребёнок? Нам, детям, кажется: весь мир вертится только вокруг нас. Но я помню, старики, – Грета Филипповна осеклась и, лукаво улыбаясь, задержала на мне взгляд, – в то время, старики рассказывали шёпотом, как ловили беглых советских солдат. Война закончилась, и было много русских солдат, которые не хотели возвращаться в Россию. Они старались любым способом остаться в Германии. Их разыскивали, ловили, связывали и отправляли на расстрел.

– Эта страница истории войны прошла мимо меня, – признался я и предположил. – Может, дезертиры какие-нибудь?

– Нет! – воскликнула фрау Грета. – Это были обычные русские солдаты. Они победили Гитлера, стояли у рейхстага. Но когда надо было возвращаться в Россию, они предпочли бежать, чтобы остаться в Германии. Их долго ловили. Некоторых поймали только в шестидесятые годы. Сначала НКВД, а потом и немецкие полицейские. Представляете, под какой угрозой постоянно жили мои родители? Если бы поймали отца, то я даже боюсь гадать, что бы его ожидало? Капитан не выполнил приказ, устроил побег врагу народа и бросил судно! Представляете? Его бы

разорвали на куски. А что ожидало бы мою маму, я даже думать не могу без боли в сердце.

Во время встреч с читателями я часто говорю: я продукт советской системы. Я искренен, когда это говорю. Пока я слушал сидящую передо мной бедную женщину, меня начал одолевать вопрос: и этой системы тоже? Воспитанному системой нельзя отделиться от её части и сказать: я продукт всего хорошего, а всё, что плохое, ко мне не имеет никакого отношения.

– Я продукт этой системы, – задумчиво проговорил я.

– Что? – фрау Грете потребовалось время, чтобы понять смысл сказанного мною. – Нет, вы не продукт. Вы писатель, вы не можете быть таким! – отрезала Грета Филипповна, оценивая разглядывая мою перекошенную улыбку. – Вы зачем приехали в Германию?

– В гости, – глядя в окно, тихо ответил я.

– Потом уедете домой, – не находила себе места от нетерпения моя собеседница.

– Уеду.

– Вот видите! – воскликнула женщина. – Если перед кем-то Германия повинна и кому-то Германия и должна, так это только русскому человеку. Я не могу понять, почему мы, немцы, налогоплательщики Германии, должны содержать евреев, каких-то поволжских немцев и всякий другой человеческий сброд, который к нам едет, и ни одного русского не берём на обеспечение? Ведь все эти приезжают на нашу шею, живут за наш счёт и пользуются нашими благами, но не хотят учить наш язык, историю, знакомиться с нашей культурой. Зато знают, как требовать! Какое же нахальство?! – Грета Филипповна едва отдышалась от переполнявшего её возмущения. – Мне рассказывала подруга. Её дочь работает в социальной службе, которая занимается поддержкой вот этих самых. На днях один еврей

по фамилии Левензон подал на них в суд. Это же каким надо быть наглецом! Мало того, что повесил на нашу шею свою маму-инвалида, так он ещё и сам живёт за наш счёт. Ну, бог с ним. Но ты хотя бы не нарушай условий твоего обеспечения. А он что сделал? Бросил свою маму на социальных работников и укатил на несколько месяцев к себе на родину. Мы ему перечисляем деньги на счёт, а он гуляет где-то там и тратит наши денежки, вкладывая в чужую экономику. Думал, никто не заметит. Германия – гуманное, социальное государство, но если мы и выделяем деньги ни за что, то хотим, чтобы тратились эти деньги на покупку товаров немецкого производителя, чтобы деньги оставались в обороте Германии. И вот этот еврей подал в суд на социальную службу за то, что его лишили социальной помощи. Извините за каламбур. Каков нахал?! Но ничего не вышло! Мы его заставили вернуть все денежки.

«Да, Фёдор Кузьмич Потапов, – размышлял я, слушая дочь русского моряка, – ваша русская дочь с настоящей немецкой душой».

Кругосветов Саша

Саша Кругосветов, член Интернационального Союза писателей (ИСП), куратор петербургского отделения ИСП, член Международной ассоциации авторов и публицистов АРΙΑ (Лондон). Имеет медали имени А.С. Грибоедова, имени Адама Мицкевича, имени Мацуо Басё, имени С.Я. Надсона, Императорскую Медаль «Юбилей Всенародного подвига 1613–2013».

Дипломы и премии:

Диплом победителя «Школы Буковских лауреатов» по классу прозы (руководитель – В.В. Ерофеев) с вручением медали им. А.С. Грибоедова, Милан, 2012.

Дипломант Франкфуртской книжной ярмарки, 2012.

Дипломант Фестиваля Славянской Поэзии в Варшаве, 2012.

Дипломант Book Fair в Лондоне, 2013

Certificate of participating in Writer's Annual International Conference (New York City, 2016)

Гран-при Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг – 2013»: «Новое имя в фантастике». Лонг-листер премии «Золотой Дельвиг – 2014» «Литературной газеты». Победитель Всероссийского литературного конкурса «Бумажный ранет – 2014».

Премия Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг – 2014»: «Фаворит НИФа». Премия «Алиса» фестиваля фантастики «РосКон-2014» за лучшее детско-юношеское произведение года. Премия «Серебряный РосКон-2015» в номинации «Повести и рассказы». Лауреат Московской литературной премии 2014 года в номинации «Публицистика» имени Владимира Гиляровского. Премия «Изумрудный город» Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг – 2015» за лучшее произведение, обращенное к детской и подростковой аудитории. Премия «Созвездие Малой Медведицы», II место Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг – 2015». Лауреат премии «Специальный приз оргкомитета РосКон-2016» за крупный вклад в развитие фантастики. Лауреат гран-при международного музыкально-литературного фестиваля «Ялос-2016» в номинации «Проза». Диплом победителя (I место) международного музыкально-литературного фестиваля «Ялос-2016» в номинации «Публицистика». Финалист премии «Нонконформизм-2016» и «Нонконформизм-2017». Диплом премии-ордена Кирилла и Мефодия; Общество славянской словесности, ИСП, 2016. Международная литературная премия имени Владимира Гиляровского 1 степени, номинация «Художественная проза» (2016). Лауреат еженедельника «Литературная Россия» за 2016 год «За неутомимые жанровые эксперименты в художественной прозе». Премия «Рыцарь Фантастики» «РосКон-2017». Мемориальная премия «Орден Добра и Света» им. И.А. Соколова Фестиваля фантастики «Аэлита-2017». Гран-при «Белый лотос» литературного фестиваля «Поехали!» в Астрахани (2017). I место международной премии «Память предков» (Астрахань, 2017). Лауреат медали-премии Велимира Хлебникова журнала «Российский колокол» (Астрахань, 2017). Номинант премий Александра Грина, Ивана Хемницера, Ганса Христиана Андерсена, Даниила Хармса, Сергея Аксакова (издательство «Аэлита») и Международной медаль-премии Эдгара По (РФ – США) (Астрахань, 2017). Специальный приз

«РосКон-2018» «за книгу «Прогулки по Луне», стирающую грань между фантастикой будущего и реалиями настоящего».

Книги:

Большие дети моря. М. : Интернациональный Союз писателей. Продюсерский центр Александра Гриценко, 2013.

Остров Дадо. Суеверная демократия. Электронная книга. М. : Московская городская организация Союза писателей России, 2012.

Dado Island. The Superstitious Democracy. APIA-London-2014. International Union of Writers-Moscow-2014.

А рыпаться все равно надо. Продюсерский центр Александра Гриценко. Издательство Виктора Ерофеева. Интернациональный Союз писателей, 2014.

Сто лет в России. Продюсерский центр Александра Гриценко. Издательство Виктора Ерофеева. Интернациональный Союз писателей, 2014.

Архипелаг Блуждающих Огней. Продюсерский центр Александра Гриценко. Издательство Виктора Ерофеева. Интернациональный Союз писателей, 2013.

Киты и люди. Серия «Новое имя в фантастике». МТА IV. Интернациональный Союз писателей. Оргкомитет «Роскон». Оргкомитет «Созвездие Аю-Даг». Оргкомитет «Басткон». Продюсерский центр Александра Гриценко, 2014.

Живите в России. Серия «Современники и классики». Интернациональный Союз писателей. Продюсерский центр Александра Гриценко, 2015.

Бывальщина и небывальщина. Морийские рассказы. Интернациональный Союз писателей. Продюсерский центр Александра Гриценко, 2015.

Киты и люди. Серия «Сергей Лукьяненко представляет автора». Интернациональный Союз писателей. Продюсерский центр Александра Гриценко, 2015.

Послания из прошлого. Библиотека журнала «Российский колокол». Интернациональный Союз писателей, 2015.

Путешествия капитана Александра. Тома 1–4. «Большие дети моря». «Киты и люди». «Архипелаг Блуждающих Огней». «Остров Дадо. Суеверная демократия». «Остров Мория. Пацанская демократия». Серия «Сергей Лукьяненко представляет автора». Интернациональный Союз писателей, 2015.

Птицы. Серия «Премия Владимира Гиляровского представляет публициста». Интернациональный Союз писателей, 2016.

Светящиеся ворота. Серия «Таврида». Интернациональный Союз писателей. 2015.

Заметки в ЖЖ. Серия «Премия Владимира Гиляровского представляет публициста». Интернациональный Союз писателей, 2016.

Сечь мосты. Серия «Международный фестиваль Бориса и Глеба». Интернациональный Союз писателей, 2017.

Пора домой. Серия «Международный фестиваль Бориса и Глеба». Интернациональный Союз писателей, 2017.

Цветные рассказы. Том 1. Том 2. Серия «Современники и классики». Интернациональный Союз писателей, 2017.

Киты и люди. «Питер», 2017.

Остров Мория. Пацанская демократия. Том 1. Том 2. Серия «РосКон представляет автора». Интернациональный Союз писателей, 2017.

Прогулки по Луне. «Снежный Ком», 2018.

Клетка. Интернациональный Союз писателей. Серия «Золотые пески Болгарии». 2018.

Клетка

*(Продолжение. Начало в журналах «Российский колокол»
выпуски 1-2, 3-4, 5-6)*

16

Вот он ключ, который ему дала Мила. Дар любви и доверия, можно и так сказать – с некоторой натяжкой, наверное. Борис так ни разу им и не воспользовался. Часто бывал у Истомина, но всегда предварительно договаривался о встрече. Мила, конечно, знала об этих договоренностях, сама встречала КГ, и у молодых людей была возможность побыть наедине. Была у него возможность и ее трусики прибрать для своей коллекции. И не раз. Но почему-то его такие проказы больше не интересовали.

Мила казалась Борису обаятельной болтушкой. Она много говорила – о делах, как она считала, – и каждый раз примерно одно и то же. Что-то в таком духе:

– Иди, поговори с Валент Валентинычем. У него сегодня совсем нет времени. Но я доложу, и он тебя непременно примет. А на ночь ты останешься у меня. Даже и не думай отказываться. Я так по тебе соскучилась. Ты давно у нас не был. Товарищ Истомин сам уже несколько раз спрашивал о тебе. Скажу тебе прямо – мне кажется, ты запустил свое дело. Я, кстати, узнала много нового от судебных чиновников. Надо обязательно рассказать тебе, чтобы ты знал. Постараюсь что-нибудь сделать, буду помогать... – и так далее, и тому подобное. А потом заканчивала как-то так: – Но ты не думай, милый, никакой благодарности мне от тебя не надо. Мне надо только одно – чтобы ты меня любил.

И всякий раз после подобных слов КГ оторопело задавал себе недоуменный вопрос: «Почему, интересно, я

должен ее любить?» А потом, поразмыслив, приходил к неутешительному выводу: «Пожалуй, она права. Наверное, действительно я ее люблю, получается именно так».

Однажды Мила принялась обнимать и целовать Бориса прямо у двери перед кабинетом адвоката. Истомин уже ждал его, и КГ не знал, как отделаться от пылких объятий девушки. Он все-таки вырвался, успел заскочить в дверь, но Мила поймала его за рукав, ногой задержала дверное полотно и пыталась вытащить Бориса обратно. Ему удалось освободиться от ее рук и войти в кабинет. Мила не решилась последовать за ним, и Борис закрыл дверь изнутри на ключ.

Адвокат спросил удивленно:

– Зачем вы закрыли дверь на ключ?

Борис ответил коротко и жестко:

– Из-за Милы.

– Она приставала к вам?

– Приставала – в каком смысле?

– Вы, видимо, не придаете этому значения, но, думаю, что заметили, какая она все-таки назойливая иногда. Но, раз это ничего для вас не значит, тем лучше. А иначе мне пришлось бы извиниться перед вами за ее поведение. У нее такие причуды. Я сам тоже не придаю этому никакого значения и давно простил ей такое. И даже не стал бы затевать весь этот разговор, если бы вы не закрыли дверь на ключ. И потом у вас вид такой растерянный. Так что мне придется кое-что вам объяснить.

Дело в том, что моя помощница – девушка отзывчивая, это ведь неплохо, и быстро привязывается к моим клиентам. А они, вы понимаете, обвиняемые, в основном. В общем, она их всех любит, и они, естественно, тоже отвечают ей взаимностью. Во всяком случае, мне так кажется.

Вы удивлены? Зря удивляетесь. Это, видимо, такой

природный феномен. Когда человек становится обвиняемым, в его внешности происходят разительные перемены. Обвиняемые становятся фантастически красивыми. На это не влияет их вина – многие совершенно ни в чем не виноваты. На это, похоже, влияет исходно сам факт обвинения.

Правда, не каждый может заметить такие изменения. Потому что каких-то по-настоящему разительных перемен в их внешности вроде не наблюдается. А вот Мила сразу их замечает и отдает должное этому факту – вот она, по-настоящему отзывчивая натура. Поэтому-то моя помощница так любит всех обвиняемых и даже привязывается к ним и, конечно, старается вызвать их ответное чувство. А потом, чтобы меня поразвлечь, особенно если у меня неважное настроение... В общем, она иногда мне об этом рассказывает, довольно откровенно, между прочим. При условии, разумеется, моего согласия.

Короче говоря, на это влияет не вина. И даже не будущее наказание. Потому что наказание ждет не всех из них и не каждого. Хотя, может, я и говорил вам об этом, реальных случаев оправдания никто не знает, но легенды и предания о подобных вполне достоверных случаях существуют, их даже довольно много. Есть даже официальная статистика оправдательных приговоров – ноль целых тридцать пять сотых процента.

Конечно, это абсолютные предрассудки – я имею в виду признаки на лице. Тем не менее, кто-то говорит, что по лицу можно узнать не только об обвинении, но и о будущем наказании. Это тоже не все видят. Помните, вы были однажды в судебной канцелярии? Мне об этом рассказал мой старый клиент. Высокий такой. Он там был как раз в то время, когда вы туда приходили. Вот он вас и запомнил. В этом нет ничего удивительного. Вы были там, видимо, только один раз, а он бывает почти каждый день. Может,

и вы его запомнили. Вы спросили его что-то о браслетах, кажется, вы их кольцами называли, а он не смог ничего ответить. Потому что увидел по лицу ваш приговор и потерял дар речи. Но вам не стоит придавать этому значения. Предрассудки, предрассудки и еще раз предрассудки – до чего эти люди суеверны! Мало ли кто что говорит. И на Милу тоже не обращайтесь внимания. Это ведь неплохо, если она даже в самых павших и убогих умеет находить красоту.

Борис тогда подумал, что адвокат, как всегда, старается отвлечь его от дела какими-то общими разговорами. И когда тот договорил, решил, что, пожалуй, надо с этим адвокатом прервать уже эти бесполезные для дела и разорительные для кармана КГ отношения. И не приходится больше к массивному мрачному дому на Чайковского, откуда есть вход во все подземные коридоры, связывающие Смольный, бани, спортзал, квартиру и кабинет Истомина, а также места проживания и работы непонятной и любвеобильной девушки Милы. Чтобы не слышать ничего такого, не видеть их всех и постараться поскорее забыть.

Борис долго вынашивал эти планы. Никак не мог решиться на последний шаг. Приходил к Истомину и уходил, так ничего и не сказав. Но теперь он решил.

Пришло, наконец, время донести до адвоката рождавшееся в муках решение отказать адвокату в праве представлять интересы КГ по своему делу. Ему не хотелось делать это по телефону или просто прислать письмо. В этом случае опытный и дипломатичный Валент Валентинович мог бы просто отмолчаться. А Борису хотелось узнать, как адвокат видит возможные последствия такого решения, и с этим нельзя не считаться.

КГ хотелось встретиться с адвокатом лично. Потому что КГ не исключал, что во время такой прямой беседы,

он может и передумать, и получит тогда возможность отказать от такого решения.

В общем, Борис решил прийти неожиданно и без предупреждения. Где может при этом оказаться адвокат? В своем кабинете, в буфете «Колобок», в спортзале, у себя дома – везде КГ сможет легко добраться до него, войдя через заднюю дверь на Чайковского. Но надо прийти вечером.

Ключ оказался вполне работающим. Он открывал и закрывал замок, но дверь при этом оставалась закрытой – видимо, изнутри на задвижку. Не менять же свои планы. Борис позвонил. Звонил несколько раз. Долго никто не подходил, Мила вполне могла бы и поторопиться.

В конце концов, в маленьком окошке, встроенном в дверь, появились чьи-то глаза. Чьи – неизвестно. Но это – явно не Мила.

Вышел незнакомый человек в спортивном костюме.

– Вы здесь живете? – спросил КГ.

– Нет, что вы. Я – посетитель. Клиент адвоката Истомина.

– Почему вы не в деловом костюме?

Мужчина ничего не ответил.

– Мне надо поговорить с Милой.

Бориса отвели в помещение, в котором он раньше никогда не был и даже не подозревал об его существовании.

Он оказался в огромной кухне. Вокруг стола сидели люди довольно убогого вида. Борис в прекрасном дорогом пальто и в твидовом пиджаке чувствовал здесь себя очень уверенно и свободно и ощущал вполне свое превосходство над окружающими.

Мила была странно одета. Вернее – почти раздета. На ней была только короткая кружевная комбинация и коммнатные туфельки на пробковой платформе. Скорее всего, больше ничего. И каждый мог сколько угодно разглядывать

ее крепкие ножки, а возможно, и кое-что еще. Большим черпаком она добывала какое-то варево из огромной кастрюли на электрической плите и разливала его по тарелкам этой странной группы людей.

Увидев Бориса, – это оказалось для нее приятной неожиданностью – Мила очень обрадовалась, все бросила и попыталась его обнять. КГ отстранился и спросил:

– Кто эти люди?

– Эти несчастные люди – клиенты адвоката. Они судятся по несколько лет. Посмотри, какие они жалкие.

– Мила, почему ты в таком виде? Это все твои любовники?

Девушка промолчала и принялась что-то помешивать в кастрюле. Борис взял ее за обе руки:

– Не увливай, отвечай немедленно.

– Пойдем в кабинет, я все объясню, – спокойно ответила девушка.

– Нет, нет и еще раз нет. Объясняй сейчас, здесь и без промедления.

Мила повисла у него на шее, пытаясь поцеловать.

– Не смей меня целовать! – закричал КГ.

– Милый, неужели ты меня ревнуешь к этим несчастным? – ответила Мила и без страха посмотрела на него.

«Какое странное сочетание различных чувств в ее взгляде, – подумал Борис. – Сочетание несовместимого. Она умоляет меня простить за ее симпатию к этим людям, которая – и это очевидно – давно уже перешла границы приличия. В то же самое время она смотрит на меня открыто, как человек, который ни в чем не виноват».

Девушка обратилась к присутствующим:

– Помогите же мне. Объясните этому человеку. Вы слышите, в чем нас подозревают.

Некоторые присутствующие оторвались от еды, положили ложки и сказали вызывающе:

– В это невозможно поверить. Не понимаем даже, с чего это вы вздумали нас ревновать?

– Да вы посмотрите только, в каком она виде фланирует перед вами.

– Но она у себя дома. Может быть одета так, как ей удобней. И из-за таких вот пустяков вы вздумали ревновать, – ответил один из клиентов адвоката.

– Честно говоря, я и сам не понимаю почему, – улыбнулся Борис.

Обстановка разрядилась. Мила засмеялась и шепнула Борису:

– Оставь их. Ты видишь, это совсем убогие люди. Они судятся по несколько лет, опустили и почти потеряли человеческий облик. Я могу кого-то из них иногда пожалеть и даже приголубить, потому что они – все важные клиенты и для адвоката это существенно. Да, я оказываю иногда некоторым немного внимания, но только из-за этого. Исключительно из-за этого. Надеюсь, ты уже не сердишься. Хочешь, я сейчас переоденусь и доложу о тебе Истомину?

– Я хотел бы сам с тобой переговорить. Когда уйдут эти люди? Они уже поели. Пусть уйдут. Хотелось бы поговорить с тобой до встречи с адвокатом. У нас с ним предстоит очень важная беседа.

– Пойдем вместе, я доложу, и он тебя примет. А мы поговорим потом.

– А эти, они что – останутся?

Борис неожиданно почувствовал сильное раздражение против Милы и обратился к клиентам адвоката:

– Вы останетесь здесь?

Но присутствующие почему-то промолчали. За них ответила Мила:

– Они здесь часто ночуют.

– Как так ночуют, не понял?

– Знаешь, Боря, тебя пускают к товарищу Истомину в любое время. Почему тебя это никогда не удивляло? Адвокат очень и очень занят, а тебя он готов принимать всегда – даже сейчас. Пойду, доложу о тебе, и он, я уверена, подтвердит это. А всё потому, что так много делают для тебя твои друзья – Нестор Арсентьевич и многие другие. И я, кстати, в их числе. Причем, мы делаем это с удовольствием.

– Валент Валентинович принимает меня как своего клиента. И получает деньги за это. Неужели и здесь не обойтись без посторонней помощи? Или я должен постоянно канючить, кланчить и благодарить неизвестно за что?

– Он сегодня какой-то сердитый, – прокомментировала Мила, обращаясь к сидящим за столом клиентам адвоката.

– Адвокат принимает вашего гостя, – сказал один из них, – потому что его дело гораздо интересней наших. И потом – он новичок, и с ним интересней – он совсем ничего не знает. Да, и еще одно – его дело пока совсем не запутано. А наши – идут по несколько лет, и в них черт ногу сломит.

– Ну, ты совсем разболтался, – сказала Мила. – Несешь, бог знает что. Потому тебя адвокат и не любит. И всех вас тоже.

Потом она обратилась к КГ:

– Не обращай на них внимания. Они все чрезвычайно болтливы, и их болтовня всегда неуместна. Но они в целом милые люди. Даже симпатичные. Адвокат их не жалует. И принимает только тогда, когда захочет его левая нога. Я стараюсь заступаться за них, но это не всегда получается.

Только представь. Я прихожу к товарищу Истомину и докладываю о том, что его ждет клиент, с которым он работает уже несколько лет. А Валент Валентинович все откладывает и откладывает. День прошел, второй. На третий, может, и примет. А если в ту минуту, когда позвонит клиент, его нет, – пиши-пропало. Придется опять о нем докладывать и опять ждать несколько дней.

Поэтому я и разрешила им ночевать здесь. Адвокат может и ночью потребовать к себе. Так что они круглые сутки в ожидании. Потребуется, а как узнает, что клиент здесь, – тут же и отменит прием. И такое бывает. Ни в грош этих людей не ставит. И всячески измывается над ними. А они все ему прощают. Потому что от адвоката многое зависит.

КГ посмотрел на собравшихся немолодых уже мужчин, как бы задал им вопрос, и они дружно закивали головами. А один сказал грустно:

– Когда с начала процесса проходит много времени, начинаешь зависеть от адвоката буквально во всем.

– Они только так изображают, что им так плохо, – сказала Мила. – А сами очень любят ночевать здесь. Хочешь взглянуть, как они спят?

Мила открыла дверь в соседнюю комнату. Небольшое помещение без окон было разделено от пола до потолка на узкие клетушки. Отсеки имели три этажа – два дополнительных горизонтальных пола превращали каждый отсек в три узких и длинных пенала. В пеналах были постельные матрасы, туда можно забираться с помощью небольших раскладных лестниц и там, видимо, можно и спать, забравшись по этим лестницам и заползая внутрь пенала.

– Ты не подумай, что там тесно, – сказала Мила. – Если присмотреться, то увидишь, что у каждого изголовья в стене есть небольшая ниша, чтобы положить пачку бумаги, шариковую ручку и фонарик. Там они могут работать с документами. И Валент Валентинович всегда интересуется, насколько прилежно они изучают документы. А я докладываю ему об этом и, по возможности, защищаю их.

Внезапно КГ почувствовал, что дальнейшее лицемерие этих униженных людей становится для него совершенно невыносимым.

– Иди, иди, поспеши же, наконец. Пора укладывать их спать, – закричал Борис.

Его решение созрело: он пойдет к адвокату и откажется от его услуг. Освободится и от адвоката, и от его клиентов, и от этого жалкого притона, и от Милы, которая тоже вызывала у него теперь только отвращение – и своей бесстыдной откровенностью, и даже доступными для всеобщего обозрения – как выяснилось, не только для обозрения – кукольным восковым лицом, пухлыми губами и весьма зрелыми формами крепкого здорового тела.

– Послушайте, – сказал он, обращаясь ко всем присутствующим. – Я иду сейчас к адвокату, чтобы ему отказать.

– Неслыханное дело! Он отказывает адвокату, он отказывает адвокату! – клиенты выскочили из-за стола и забежали по кухне, беспорядочно размахивая руками.

Мила хотела остановить Бориса и преградила ему дорогу в кабинет. Но КГ было уже невозможно остановить.

Выходя от адвоката, КГ опять встретил во дворе вихрастого парня с сигаретой. И прежде чем тот успел отреагировать на его появление, демонстративно показал ему ключ от двери, подаренный когда-то Милой, и с удовольствием зашвырнул его в темноту двора.

17

Борис часто размышлял о том, где же находится та инстанция, из которой пришло самое первое, изначальное решение относительно его дела, и предположение о его виновности.

Он неоднократно расспрашивал об этом Людвига. И Людвиг объяснял, что на Манежном расположено то ведомство, которое как раз ничего не значит. Оно принимает бумаги, обрабатывает, оглашает, получает и исполняет поручения. Просто исполнительный орган высокой обвинительной инстанции, к которой на самом деле нет доступа

ни обвиняемым, ни адвокатам, ни даже обычным судебным чиновникам и судьям.

Всем очень хочется получить какую-то информацию из этого высокого суда, дать туда запрос, получить разъяснения. Но все равно приходится обращаться в нижестоящее ведомство, пытаться через него донести свои запросы, жалобы, объяснения и пожелания до высшего суда. Но это, конечно, абсолютно тупиковый путь. И простым смертным никоим образом не удастся добраться до по-настоящему обвинительной инстанции.

Людвиг был с Борисом неизменно доброжелателен, улыбчив и, пожалуй, излишне болтлив. Любил своими недоговорками и недосказанностью хитро намекнуть на какие-то тайные экспертизы и планы высших инстанций, о которых ему стало известно из частных источников. Но никогда не раскрывал полностью, что же ему действительно стало известно. И действительно ли произошло то, о чем он доподлинно информирован, или это просто ни на чем не основанные, досужие слухи, случайно возникающие и распространяющиеся время от времени в среде судебных чиновников. Художник любил изводить таким образом КГ и даже немного помучить. Но у Бориса сложилось устойчивое мнение, что Людвиг все-таки имеет какие-то знакомства среди высших судей, хотя тот старался не говорить об этом в ясной и отчетливой форме.

КГ уже неплохо знал характер Людвига, знал, что не стоит ему возражать, но не стоит и расспрашивать. Поняв, что он достиг своей цели, что ему удалось все-таки заинтриговать Бориса, художник только улыбался в ответ и переводил разговор на что-нибудь другое. Рассказывал, например, о своих новых городских пейзажах или о смелых и необычных проказах девочек-соседок. Борис мало зависел от художника и мог в любой момент отделаться от него.

Поэтому он старался особенно не огорчаться из-за психологических этюдов Людвиг. Он и сам поддерживал эту его игру и в свою очередь намекал, будто уже завязал какие-то контакты с обвинительной инстанцией. Но сейчас не рассказывает об этом только потому, что контакты пока еще совсем шаткие, и говорить о них по существу было бы несоразмерным риском. Людвиг, конечно, хотел получить от него какие-то более точные сведения, но Борис тут же решительно уходил от этой темы. Ждал вопросов Людвиг. И когда поступал такой вопрос, воспринимал его как свою маленькую победу и демонстративно отмалчивался.

Борис был уверен, что теперь он прекрасно понимает людей из числа судебных бюрократов или их окружения, может поддержать любую их игру и даже переиграть их. В силу, естественно, гораздо более высокого IQ, о существовании которого эти людишки даже и представления не имели. Неважно, как его дело будет двигаться в доступных ему нижних инстанциях. Ведь остается еще шанс спастись там, наверху. Необходимо только проникнуть в их ряды. И пусть у него нет шанса получить оправдание. Пусть они не смогут – в силу слабости, лени или в силу своей природной низости и подлости, – помочь ему получить оправдательный приговор. Но они смогут принять его, укрыть, уберечь. Надо только все детально обдумать и подойти к этим судьям осторожно, скрытно, сохранить все в тайне, и тогда они, без сомнения, не смогут ему отказать. Прежде всего, ему не сможет отказать Людвиг, с которым они теперь столь близко знакомы, и который не раз уже становился ему благодетелем, может даже и бескорыстным, хотя КГ постоянно покупал у того картины, которые, если быть откровенным, вообще-то очень ему, Борису, нравились. Художник ведь сумел уже дважды добиться отвода обвинения КГ у судей низшей инстанции. Не исключено,

что он знаком все-таки с кем-то из высших судей и сумеет добиться освобождения из-под ареста уже и на их уровне. Что куда более существенно, но, к сожалению, все равно носит временный и неокончательный характер.

Подобные размышления, безусловно, утешали КГ, хотя, он отчетливо понимал свое в целом незавидное положение. Тщательно анализировал все детали, пытаясь предвидеть подводные камни на своем пути и стараясь не упустить какой-нибудь мелочи.

Борис доводил себя до изнеможения, выстраивая в уме цепочки из самых незначительных событий, случившихся за день, чтобы понять заложенную в них многозначительность и могучие подводные, невидимые для внешнего наблюдателя, процессы.

Вечером после работы старался отдохнуть часок перед уходом домой. Лежал на кушетке в своем кабинете. В его голове появлялись образы не только чиновников суда, застывших навечно с выражением тупого глубокомыслия и напыщенной ответственности. Не только образы людей, связанных с СИСТЕМОЙ.

Он часто мысленно проходил большими шагами по помещениям и коридорам суда. Проходил через все здание. Хорошо ориентировался внутри здания на Манежном. И в здании высших, обвинительных инстанций. Знал все коридоры, комнаты, кабинеты, залы, приемные, которых он никогда в жизни не видел. Они были знакомы ему до мельчайших подробностей, будто он провел в этих помещениях всю свою жизнь. Иногда он напрягался, чтобы увидеть еще какие-то детали, и те услужливо всплывали в его памяти и запечатлевались в его несуществующих воспоминаниях о несуществующем прошлом с болезненной и даже мучительной отчетливостью.

По этим коридорам почему-то шли плотной группой

жильцы его дома на Гражданке. Впереди, конечно же, была героическая фигура мадам Гаулейтер с неестественно поднятой огромной грудью. Рядом чеканила шаг капитан Вагинян, – как она сюда попала? – соревнуясь с Евдокией Прокопьевной размерами груди. Старухи из соседнего дома, сын председателя кооператива в надвинутой на глаза кепке, узнал он и товарища Сокола Александра Архистраховича, начальника следственного отдела, с которым так и не встретился. Почему-то вместе с ними шли кавказцы – юный Хамзат и многоопытный дядя Шамиль, шли понуро, непривычно грустные и ко всему безучастные. Там же была и мадам Соловейчик. Как всегда, видимо, подшофе. Ступала нетвердо и, наверное, рухнула бы, если бы с двух сторон ее не поддерживали хроменькая товарищ Рейхельгауз с соблазнительным вырезом блузки и лейтенант Редько с мясистым лицом.

Все они довольно дружно открывали рты – вроде пели что-то, но из-за расстояния и многократного эха нельзя было распознать мелодию и слова. Скорее всего – «Широка страна моя родная». Хорошие слова. Но почему-то КГ воспринимал эти слова и дружное монолитное движение этой группы, как единогласное осуждение его, Бориса. Обвинительная песня. Правда, еще не приговор.

КГ очень хотелось подойти к группе, поговорить с ними, убедить их, что он ни в чем не виноват. Но было много незнакомых. Неудобно подходить, если много незнакомых. Наверное, это служащие канцелярии, которых он не знал. Не мог же он знать всех работников суда. Да нет, все-таки многих он узнавал. Если как следует приглядеться. Там была и миловидная девушка с толстой, пушистой косой, просматривалась кругленькая фигурка начальника канцелярии. Вот и охранники с кожаными перчатками на руках. А это товарищ Истомина – идет рядом со

своей уменьшенной генетической копией, старается затеряться в толпе и пройти незамеченным.

Борис был уверен, что если он захочет, то найдет несчастную и такую привлекательную Нюру с ее блеклым муженьком и никчемным студентом-любовником, найдет и товарища Плоского Ленина Ивановича.

Где же Марина Толоконникова? Он уже сделал несколько попыток, хотел поговорить с ней. Но так и не смог встретиться. Борис попытался подойти ближе к группе, чтобы приглядеться и разыскать все-таки Марину. Она, конечно же, должна быть здесь. В этот момент из толпы ему навстречу блеснули совершенно незнакомые колючие глаза. Заставили его остановиться. Чьи это глаза? Колючий взгляд немигающих глаз напомнил ему о лже-Николае. Непроницаемый жестокий взгляд на невыразительном и с виду таком добродушном лице.

Где же все-таки товарищ Толоконникова? И вдруг, он увидел ее в самом центре группы. На ней была вуалевая косынка, кофточка и очень короткая юбка.

«Почему мне так понравились ее ноги? – подумал КГ. – Довольно костлявые, а щиколотки и вообще кривые».

Марина казалась совершенно счастливой, она обнимала за плечи двоих мужчин, те выглядели вконец потерянными, и у каждого из них на лбу была заметна овальная наклейка из пластыря. Что напоминала ему поза этой троицы? А, вот что. Была похожая пляжная фотография в комнате Марины. Но там все трое были раздеты. Вернее, до пляжной одежды.

И вновь на Бориса наплывали детали интерьеров, мебель помещений для судебных заседаний, видение гнусной полутемной комнаты для адвокатов. КГ напрягал память. Что он мог забыть? Вот оно. Великий мим Марсель Марсо. Белые брюки в обтяжку, выбеленное лицо, матроска с

глубоким вырезом и огромная мятая шляпа с бутафорским цветком алой розы. Как же это нелепо – ходить в таком виде по административным помещениям. Что за маскарад! Не хочу его видеть. Борис изо всех сил сжимал веки, закрывал руками глаза, крутился на кушетке, вдавливался лицом в кожаную обивку. Но взгляд его не мог оторваться от этого человека.

КГ лежал уже довольно долго и в какой-то момент почувствовал, что напряжение неожиданно спало. Усталость отступила, и ему показалось, что он действительно отдохнул. Правда, и теперь он продолжал размышлять о своей жизни и ее проблемах. Но это было уже почему-то очень легко и вызывало ощущение подъема и радости.

На кресле сидел фон Мейстер. А КГ стоял перед ним на коленях и умоляюще смотрел снизу в его глаза. Людвиг хорошо знал, о чем КГ его просит, но делал вид, будто не понимает его. А Борис в свою очередь знал, точно знал: в конце концов, он сумеет получить от Людвига именно то, что ему надо. С другой стороны, Людвиг – человек крайне легкомысленный, абсолютно необязательный, может пообещать и не сделать. Или сделать ровно противоположное тому, о чем его просили, и что он так убедительно обещал. На такого человека ни в чем, абсолютно ни в чем нельзя было полагаться. Удивительно, что суд имеет с ним дело, удивительно, что Борис тоже имеет с ним дело. А с другой стороны, если где и возможен успех, если есть еще шанс на решающий прорыв, то это именно здесь – обратившись к фон Мейстеру, к этому смешливому и легкомысленному художнику.

Борис просил, Людвиг отводил глаза, смотрел куда-то вверх. Но КГ не дал сбить себя с толку. Он продолжал настойчиво смотреть снизу в глаза художнику. Борис был уверен в успехе. Он знал, понял, наконец, как, оказывается,

просто решить эту проблему. Обмануть судьбу-злодейку и перехитрить всесильную и несокрушимую СИСТЕМУ.

Будущее уже предопределено, мы просто его не знаем. Все, что будет дальше, неизбежно, как закон природы. И чему быть, то и должно произойти.

Борис погладил щеку Людвигу, тот наклонился и поцеловал КГ.

«Почему Искарриот, отверженный своими родителями, сразу после рождения и брошенный в ковчежце в море, поцеловал плотника? Мог и просто указать. Это загадка, – подумал Борис. – Ведь тогда промеж иудеев не водилось мужеложства. Сколько воды утекло с тех пор, как все изменилось».

Людвиг опустил веки, легонько пожал Борису руку, давая этим понять, что согласен исполнить просьбу КГ. Борис поднялся, он торжествовал. Людвиг терпеть не мог торжественности, он взял КГ за рукав и повел за собой. Да, они в здании суда. В том здании, где живут небожители. Вершители судеб, судьи высших инстанций.

Они легко бежали по лестницам вверх, вниз. И все это не требовало от них ровно никаких усилий – словно летели по воздуху, словно стали тоже небожителями – так же, как и судьи высших инстанций.

Борис взглянул на свои ноги, на его собственные ноги. Они открыли ему совершенно новый способ передвижения. И он сам, и его ноги, не имели теперь никакого отношения к той прежней, низменной форме жизни, к которой он принадлежал прежде – весь целиком, со всеми потрохами.

В эту минуту прямо ему в лицо хлынул ослепительный поток света.

Борис посмотрел на Людвига. На том была темная длинная одежда и конфедератка на голове. Никакие подробности уже не врезались в память. Все стало теперь простым

и понятным. Они с Людвигом шли по коридору, который казался Борису давно знакомым. КГ был счастлив, потому что точно знал, что с ним произошло. Понимал и не мог в это поверить. Тяжелая ноша прошлого свалилась с его плеч и осталась позади.

Борис тоже был в длинной, темной, приятной на ощупь одежде. Коридоры, коридоры с огромными открытыми окнами, через которые в помещение вливались потоки солнечного света. В одном из углов он заметил в большой куче свою обычную одежду: пиджак, брюки, галстук, сорочку, полы которой временами приподнимались и беспомощно дрожали под натиском веселого сквозняка, свободно гуляющего по широкому судебному коридору.

Перед ними был огромный зал с улетающими ввысь голубыми стенами и белыми колоннами. Своды светлого купола смыкались где-то в туманной мгле. Было впечатление, что они находятся где-то в облаках. Наверное, и суд этот напоминал чем-то небесный суд.

Посреди зала стояли очень большие весы – в точности такие же, как на картинах фон Мейстера. Людвиг держался очень сдержанно и строго и совсем не походил сам на себя.

«Он теперь мой адвокат, – подумал КГ. Почему он так подумал? – никто ведь этого ему не говорил. – Сам понял. Догадался, наверное».

На высоком постаменте стояло богато украшенное, роскошное кресло. В нем, видимо, кто-то сидел. Судья, верховный судья? Его закрывали клочья то ли тумана, то ли белых облаков. Видна была только нижняя часть туловища судьи, ноги в брюках с лампасами, начищенные до блеска черные ботинки и старческие дрожащие руки, пальцы которых беспокойно перебирали голубую с золотом обивку подлокотников.

– Снимите туфли, встаньте на колени, – шепнул Людвиг Борису.

Борису не понравилась эта идея. Зачем вставать на колени, тем более – снимать туфли? Носки – все-таки в каком-то смысле ниже белье. Разве это повлияет на решение суда? Он вообще может развернуться и уйти. Это, наверное, тоже не повлияет. КГ явно не хотелось что-то объяснять какому-то выжившему из ума старику. Тем более – выслушивать его мнение. Все предопределено – зачем же ломать эту комедию?

– Снимите туфли, встаньте на колени перед высоким судом, – повторил Людвиг. – Покажите, что вы отдаетесь во власть самого справедливого в мире суда.

КГ вспомнил, что на картине фон Мейстера обвиняемый был именно в такой позе. И выглядел очень трогательно. Это напомнило ему тогда картину «Возвращение блудного сына».

«Я возвращаюсь к своим истокам. Конец вольной и разгульной жизни», – подумал КГ. Он сам удивился, что эта мысль не расстроила его и не огорчила. Подумал об этом, как о свершившемся факте, который заранее он сам давно уже пережил и обдумал.

КГ снял ботинки. Немного подумал, снял носки и встал на колени перед весами и постаментом кресла.

Из-под купола раздался властный окрик:

– Борис!

КГ склонил голову.

– Кулаков!

– Я – Кулагин, ваша честь, – прошептал Борис.

– Молчите, молчите, – тихо подсказал ему Людвиг.

– Что вы там шепчетесь? Почему молчите? Отвечайте, когда вас спрашивают.

– Его фамилия Кулагин, ваша честь. Не Кулаков, а Кулагин, – робко произнес Людвиг.

– Я узнаю тебя, Людвиг. И твои, как всегда, беспомощные

объяснения. Кулаков, Кулагин... Разве написание фамилии что-то меняет? Это совершенно не оправдывает обвиняемого. Решил быть его адвокатом? Опять берешься не за свое дело? Знаю твое обычное объяснение: адвокатов не допускают в зал заседаний, поэтому ты и представляешь сторону защиты. Чтобы обвиняемый не остался без поддержки, один на один с судом. Знаю все твои штучки... Тем не менее, не возражаю.

Итак, судебное заседание объявляю открытым.

«Боммммммммммммммммммммм», – Борис и Людвиг услышали гулкий и глубокий удар гонга.

– Поручитель – художник и археолог Людвиг фон Мейстер – просит отклонить судебное обвинение против Бориса Кулакова, извините, судебное обвинение против Кулагина Бориса Илларионовича.

Слушаю вас. Что сторона защиты может сказать в оправдание обвиняемого? Кто будет говорить – обвиняемый или ты, Людвиг?

– Если высокий суд не возражает, буду говорить я, ваша честь, – сказал Людвиг.

– Говори.

– У обвиняемого есть два важных аргумента. Каждого из них, на мой взгляд, достаточно для его оправдания. Первый аргумент – обвиняемый Кулагин невиновен.

– Чем докажешь?

– Есть поручительства от нескольких судей, подтверждающих его невиновность. Составлены и подписаны два акта об отводе обвинения. Обвиняемый Кулагин был дважды освобожден. Все это подшито в его деле. Ходатайствую об окончательном отводе обвинения.

– Этого обоснования недостаточно для оправдания и для изъятия предварительного обвинительного заключения из дела. Только его изъятие снимает все вопросы.

Ваше ходатайство отклоняется судом. Продолжайте. Что еще у вас?

– Обвиняемого нельзя арестовывать. Он исполнил древние заветы, нашел свободу внутри себя. Совершил подвиг, который по силам лишь немногим. Стал по-настоящему свободным человеком, человеком будущего коммунистического общества. При всем желании никто уже не сможет отнять у него свободу и сделать его рабом.

– Предположим, это действительно так. И что из этого следует? Мы говорим не о его свободе, а о его вине.

– Кулагин – человек будущего. Он неподсуден СИСТЕМЕ, неподсуден другим судам. Мой друг, товарищ Кулагин, теперь уже вне вашей юрисдикции. Прошу немедленно поддержать защиту и отвести обвинение в связи с грубым процессуальным нарушением.

– Вначале надо доказать, что он исполнил древние заветы.

– Ваша честь. Он достиг требований двух триад, описанных в древних манускриптах и определяющих все грани свободы.

Первая триада: избавиться от страха, корысти и невежества.

Вторая триада объясняет пути преодоления невежества, которое в свою очередь может проистекать из тупоумия, лени и гордыни. Мой друг по-настоящему свободный человек, он не знает страха, корысти, он умен, энергичен, свободен от зазнайства и гордыни, его никак не обвинишь в невежестве.

Этого достаточно. Такого человека нельзя больше считать рабом. Обо всем этом сказано в моем поручительстве. Свободного человека нельзя лишать свободы. Это противозаконно и негуманно. И вы знаете это лучше меня.

– Я услышал тебя. И готов рассмотреть твое ходатайство.

Поручительство Людвиг фон Мейстера и поручительства моих коллег-судей много для меня значат. И этого никак нельзя сбрасывать со счетов. Но ты многого пока не понимаешь, Людвиг. И раз уж вы пришли сюда... Послушайте вы оба старого, немало повидавшего в своей жизни судью. Ты – обвиняемый. И ты – археолог Людвиг. Послушайте, что говорит Закон о свете и тени. Вот это предание.

Две тысячи лет назад жил на свете один человек. Особенный человек. Никого не хочу обидеть, но тот человек – не чета нашему обвиняемому Кулагину. Он называл себя сыном Божиим. Может, это и не так. Одно могу сказать: он был по-настоящему свободен. И хотел дать людям свет. Он принес свет и завещал нам свободу и жизнь без страха. Ты, археолог, нашел кумранские свитки и древние книги, написанные две тысячи лет назад. В них – свидетельства жизни этого человека, данные нам великими пророками и евангелистами. Эти люди тоже хотели дать людям свет.

А что такое свет? Что знали бы мы о свете, если бы не было тьмы? Что знали бы мы о тьме, если бы не было света? Если свет важнее тьмы, тогда ответь мне, почему свет не может существовать без тьмы? Что важнее для человека – свет или тьма?

Нельзя жить без света, нельзя жить без солнца. А может ли человек вынести свет? Почему мы прячемся в помещение от лучей светила? Почему идем по теневой стороне улицы? Почему никому не по силам сидеть на солнцепеке в полдень? Кому-то нужен только свет. Жить по законам света по силам немногим. Обычным людям нужна тень, где гораздо больше темноты. Почему самое сокровенное – любовь и соитие, дающее начало новой жизни, – творится в ночной мгле?

Что стало с тем идеальным, восхитительным плотником, который две тысячи лет назад возвестил нам о свете?

Мы распяли его. Мы все. И божественная церковь в том числе. Тот светоносец пришел к нам еще раз – пятьсот лет назад. Его опять казнили. Кто казнил? Обычные люди и Великий инквизитор. Тот человек был выше всех нас. Он был, говоря сухим языком судебных документов, вне нашей юрисдикции. Был неподсуден обычным людям. Но мы все, все без исключения, казнили его. Почему без исключения, спросите вы. А его сподвижники? Петр, самый близкий к нему... «И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде, нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько».

А теперь приходите вы оба и вновь читаете старые строки о свете. Свет делает человека свободным. Светоносец дал нам знание о двух триадах свободы. Этого нельзя отрицать. Об этом невозможно думать без благоговения. Почему вы забываете о том, что есть еще и тьма? И что люди почему-то живут скорее по законам тьмы. Тьма – это наша земная жизнь. Разум людей, острый, практичный человеческий ум, который склонен во всем сомневаться. Каждому тезису света он дает свой антитезис. Мир дуален, иного и быть не может. И кто из них прав? Светоносец, давший нам законы света, или тот, кто сформулировал законы тьмы?

Обычно мы судим злодея. Злодея за злодеяния. Теперь у нас другой случай. Судим Бориса Кулагина, человека, претендующего, по мнению Людвига, на роль праведника, разве не так? Шутка ли? Человек будущего коммунистического общества! Или я что-то не так понял, Людвиг?

Великий инквизитор объяснил, как к этому следует относиться и как действовать в подобных случаях. Поскольку сейчас речь идет о судьбе конкретного человека – о судьбе твоего друга, Людвиг, иначе бы ты не поручился за него, – придется повторить слова инквизитора, сказанные пятьсот лет назад, они справедливы до сих пор.

Две тысячи лет назад человека-светоносца искушали в пустыне. Искушал могучий дух сомнения.

Сомнения спросили того человека: «Не превратит ли он камни пустыни в хлеба, чтобы накормить голодных? Яви чудо». Тот человек ответил: «Не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».

Сомнения спросили: «Не бросишься ли ты со скалы? Ты знаешь тайну». Он ответил: «Не искушай Господа Бога твоего!»

Сомнения спросили: «Не поклонись ли ты мне, князю тьмы?» И он ответил: «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи». А до того другим праведником сказано было: «Не сотвори себе кумира».

Так вот я вам открою. Все три искушения – суть трёх источников несвободы: корысть, невежество и гордыня.

Свободный от корысти отвернется от чуда превращения камней в хлеба, отвернется от благ земных, от поклонения золотому тельцу, от стяжательства, преуспевания и успеха. И останется свободным.

Свободный от невежества отвернется от тайны, предпочтет свет знания. И останется свободным.

Свободный от гордыни откажется от власти и авторитета, отвернется от властей предержавших. Отвернувшись от властей предержавших, он избавится от страха. И останется свободным.

Но если все-таки наоборот: отказавшись от свободы, мы получим хлеб, чудо, тайну, зрелища, мы поклонимся тем, кого называем своими авторитетами и пойдем за ними, сняв с себя ответственность и трудности свободного выбора и свободной жизни. Это называется тьмой. Вроде, неуважительно. А что действительно нужнее человеку: свет или тьма, свобода или несвобода?

Обычный человек хочет счастья. Но хочет ли он сво-

боды? Дайте свободу толпе – что будет? Бунт. Восстание болельщиков в Византии. Футбольные фанаты в Англии. Фанаты кинозвезд и попзвезд. Моджахеды в Афганистане. Бунт бессмысленный и беспощадный. Уставшая от свободы толпа, всегда, в конце концов, приходит к нам и говорит: «Хотим быть в стаде, в обойме общего дела и общих интересов, нам нужны вожаки. Не знаем мы, что делать со своей свободой. Когда мы свободны, у нас нет хлеба, нет чуда, нет тайны и нет лидеров».

И тогда нам пришлось солгать. Сказать им: «Истинную свободу можно найти только в коллективе». Сказали так, чтобы они были счастливы. Ведь они не пророки. Им нужно совсем не то, что необходимо пророкам. Они просто люди. И разве они заслуживают счастья меньше, чем пророки?

Мы дали им хлеба. Дали материальные блага. Отняли у богатых. И все поровну поделили. Еду, землю, фабрики, заводы, знания, достижения науки. Сделали все общественным. И объяснили, что теперь каждый – владелец всего. Вам кажется, что у вас лично мало? Зато много у нас всех. Смотрите «Кубанские казаки», «Свинарка и пастух». Смотрите «Поднятая целина». Смотрите, верьте и наслаждайтесь иллюзией земного счастья. Это мы сделали для вас чудо. Создали общество всеобщего благоденствия. Ровно то, что светносец отказался делать для вас во время странствий в пустыне.

Мы дали им тайну. Тайнства церкви, захарок, святых мощей, тайны мироздания, науки, непостижимая тайна человека, которая не имеет разгадки. Объяснили, что невежество, скудоумие, лень – это не стыдно. Люди, что-то знающие, образованные – это люди второго сорта. Что интеллигент, да еще в очках, – обидное прозвище. Что страной лучше всего управляет кухарка, и должна управлять именно кухарка. Мы дали им «Семью Журбиных», объяс-

нили, что говорить грамотно – стыдно. Что надо жить так, как живут люди необразованные, такие, как они, – и большинство поверило в это. Почему так – тайна, а кто не согласен – на помойку истории. Мы дали им зрелища, самые простые, самые доступные, не требующие ни знаний, ни работы ума: фестивали, спартакиады, военные парады, футбол, спортивные состязания. Зрелища, одним словом.

Мы дали им тех, кто знает, как надо. Чтобы они вспоминали, что есть авторитеты. Партия и правительство. Чтобы они отказались от своих свобод и поклонились авторитету великих лидеров. Пусть лагеря, пусть туфлей по трибуне в ООН, пусть дряхлые старцы во главе. Но зато они – авторитеты, пастухи своего стада. А чтобы люди не думали, что может быть и по-другому, мы создали железный занавес.

И теперь они счастливы. «Хлеба и зрелищ!» – исполнилась вековая мечта человечества. И поклонение богам, живым и ушедшим авторитетам. Мавзолей Ленина, памятники «великим революционерам». И быть в коллективе, как все. Послушание и быть, как все. Человек не может быть свободен, если у него нет цели. Мы дали цель – построение коммунизма. Они счастливы. И мы объяснили людям, что это и есть свобода. Свобода, которую обещал тот, кто боролся с искушениями в пустыне. Мы обманули их. Взяли эту ложь, неправду на себя. Чтобы они были счастливы. И они действительно счастливы. Разве это не гуманно? «Пролетарии всех стран объединяйтесь».

Вместе строим коммунизм. Новую Вавилонскую башню. Мы, правда, никогда ее не построим. Но важна не цель, а процесс. Как в Олимпийских играх. Главное – не победа, а участие. Вот их цель. Мы построили счастливое общество для большинства. Вы скажете: «общество рабов». В вашем понимании – рабов. Но они счастливы. Это природа человека. Считается, что мы христианская цивилизация.

Ничего не осталось от христианских идеалов. В мире никто не живет в соответствии с этими идеалами. Все получилось ровно наоборот. Православный мир породил ГУЛАГ, католический – Освенцим, протестантский – Хиросиму.

Он сказал: «Не хлебом единым». – А мы строим общество потребления.

Он сказал: «Не ищущай». – А мы дали людям массовую культуру, зрелища для невежественных, предрассудки и тайны.

Он сказал: «Одному лишь Господу служи». – А мы дали непререкаемые и несокрушимые авторитеты. И страх, страх и еще раз страх.

Вот о чем говорит Закон. Закон, которого вы не видели. Но знаете о нем со дня своего рождения.

Бориса всерьез захватила речь судьи, и он, не дожидаясь ее окончания, торопливо сказал:

– Все это означает только одно: вы обманули людей, скрыли от них правду. Вы сами об этом и сказали.

– Не стоит спешить в толковании Закона, обвиняемый. Не надо интерпретировать слова в первом, кажущемся их значении. В Законе ничего не говорится, что за этим кроется обман.

– Но ведь это же понятно каждому, Ваша честь. Свобода дана человеку от рождения. И свобода для одного человека не может стать несвободой для другого. Свет свободы должен светить всем и каждому.

Мы строим коммунизм. Может, по-вашему, это и недостижимая мечта. Есть много такого, чего никогда не достигнуть. Не достигнуть края Вселенной, не определить пределы науки, не остановить человека в поисках света. Но нельзя отрицать очевидного. Есть ведь социализм. Мы живем при социализме. И трудящиеся всей земли смотрят с восхищением на нашу страну. Смотрят и видят в нас пример.

Человека слепили из глины земной. Он должен потреблять, это свойство его природы. Но именно в нашей стране, а не в условиях западного капитализма, мы отказались от общества тотального потребления. Для советского человека материальные блага и успех на втором и третьем местах. Личной скромности и стремлению к высшим идеалам учат нас лидеры Советского Союза и мирового коммунистического движения: Луис Карволан, Фидель, Че Гевара. Мы – материалисты и потому не ищем чудес. Нам не нужны чудеса. Как сказал Мичурин: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача»

Советскому человеку не нужна тайна. Мы против всякой поповщины и церковной галиматии. Наше общество растит человека просвещенного. Мы строим электростанции, БАМ, укрощаем атом, осваиваем космос. Наши школьники побеждают на Олимпиадах, а советские шахматисты – лучшие в мире.

Для нас нет авторитетов. Мы преодолели культ личности. А то, что партия – наш рулевой... Как может быть иначе? Партия – передовой отряд рабочего класса.

Вы, не знаю, кто вы... пытаетесь всех нас обмануть. Пытаетесь принизить человека, называете нас всех рабами. Но у вас ничего из этого не получится. Хотите внушить нам страх. А сами прячетесь по подвалам. Мы же не боимся вас. И руководит нами вовсе не страх, как вы считаете, а желание делать наше общее дело. Так что первое понимание свободы и света свободы было и остается единственно правильным. А все остальное только дополняет и расширяет наше понимание.

Внезапно Борис запнулся. Он подумал о том, что говорит и рассуждает о каком-то предании, о некоей легенде или притче, которую судья так красиво назвал «Законом». Разве легенда может быть Законом? Может, эта легенда

или предание входит в неведомый Закон или свод законов. Что это Закон, свод таких преданий и легенд, что ли? И зачем он спорит с текстом этой легенды, а сам не знает, откуда она взялась, что это за свод законов, о чем говорится в Законе, не знает и толкований легенд этого Закона. Он поймал себя на том, что судья искусно повернул его на совершенно неизвестный ему путь. Этот судья ровно такой же, как и все, кто, так или иначе, связан с СИСТЕМОЙ. Он не хочет говорить о деле Бориса. Какие-то неясные намеки и экивоки с его стороны – и все лишь для того, чтобы сбить Бориса с толку. Увести разговор в сторону, а после этого самому внезапно замолчать.

В зале наступила тишина. И почему-то стало заметно темнее. Слышно было, как где-то отсчитывал секунды метроном. После некоторой паузы судья решил продолжить беседу.

– Ты невнимательно слушал меня. И неверно понимаешь Закон, по которому мы все живем. Потому и неправильно его толкуешь.

Попробую объяснить еще раз, но немного по-другому. На наших знаменах написано – здесь, у нас, и на Западе тоже: «Свобода, равенство, братство!»

Свобода превратилась в свою противоположность. И все поверили, что это и есть настоящая свобода. Потому что именно такая свобода, которую иные назовут несвободой, принесла, наконец, людям покой и счастье.

Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому. Мы, руководители, дали вам гораздо больше. Свободу для каждого, которая открывает теперь любому гражданину возможность делать то, что не наносит вреда нашему государству рабочих и крестьян, самой передовой в мире демократии, нашей общенародной социалистической собственности. Свобода – это право на труд,

отдых и образование. Если ты не можешь найти работу по профессии, если ты музыкант, поэт, математик. Иди на завод, на стройку рабочим, стрелочником на переезд, сторожем на склад. Мы уважаем каждую работу. Человеку труда открыты все дороги. Хочешь отдохнуть – бери туристическую путевку, рюкзак на плечи и через горный перевал с дровами за спиной, пешком, конечно. Вот она – чистая радость общения с природой. Хочешь учиться? Школы, ПТУ, техникумы, вузы.

Равенство. Все граждане равны перед Законом, имеют равный доступ к постам, должностям, занятиям – без всяких различий, кроме тех, что обусловлены их личными добродетелями и способностями. Возможно, кто-то в злобе своей скажет и говорит уже – железный занавес, нищета, невежество, отсталость, убожество. Не верьте им. И смотрите – все счастливы, людям именно это и нужно.

Братство. Не делай другим то, что не хотел бы получить сам. Делай по отношению к другим то, чего хотел бы по отношению к себе. Но чтобы это было, необходимы закон и порядок. Руководящая роль партии. Цензура, партийная дисциплина, социалистическая законность, и что в результате? Народ безоговорочно и с восторгом поддерживает линию партии. Ему нужна именно такая свобода, именно такие равенство и братство.

Вы поняли? За эту свободу люди и шли на баррикады в России, Франции, Америке. Жизнь не стоит на месте, идет без остановки вперед и вперед, отбрасывая устаревшие стереотипы. История выбрала нас. Выбрала вот такие свободы. Свободы, которые ближе сердцу простого человека. Разве они похожи на то, что ты, археолог, вытащил в очередной раз из пыльных свитков истории? Ты бы еще рассказал нам о Трое. «Я знаю, ты один видал Елену без покрывала, голую, как рыба, когда ворвался вместе с

храбрецами в Приамов полыхающий дворец». И то, и другое – не что иное, как красивые легенды, которым уже нет места в нашей социалистической действительности.

Суд не может в своих решениях опираться на легенды. Жизнь теперь совсем уже другая. И суд у нас конкретный. Вы меня поняли? Оба поняли?

«То он говорит, что Закон – это свод легенд и преданий. И надо руководствоваться буквой и духом Закона. А теперь сам же и опровергает это – суд де не может опираться на легенды, – подумал КГ. – Что же это получается – на одни предания он, значит, может опираться, на другие нет? Обычная околосудебная галиматья, меня уже накормили этим досыта».

– Если бы сейчас опять появился тот человек, – продолжал судья, – и стоял бы передо мной, как вы сейчас стоите, я поступил бы в точности так, как первосвященники Анна и Каиафа, как Великий инквизитор. Казнил бы того. Потому что история человечества однозначно показала, что именно он и был неправ. А если бы мы спросили у народа? Народ говорил о тех, кто хотел принести ему свет, тысячи и миллионы раз говорил: «Враги народа, разбойники, жалкие шпионы и предатели, пятая колонна». И в этот раз люди, не задумываясь, сказали бы: «Распни его!», – и я, верный слуга трудового народа, я исполнил бы их волю.

Как бы ты, Людвиг, хотел, чтобы я отнесся к твоему протеже, к этому обвиняемому, твоему другу? Человек будущего коммунистического общества, так что ли? Не будет такого общества. Миф, сказка для маленьких. Или совсем глупых. Вы меня поняли?

– Все это отлично обосновано, Ваша честь, – ответил Борис. – Обосновано очень даже хорошо, и я верю в то, что люди, может, и хотят именно такой свободы, но они искренне заблуждаются, потому что не знают и боятся

другого. Это, однако, ничего не меняет, равным счетом – ничего. Подобные заблуждения появились не просто так. Вы сознательно внушаете их людям. Обманываете и объясняете при этом, что это все для их же блага. А лучше на самом деле только вам. Не знаю, кто вы. Тайная закулиса нашего мира, властители дум, манипулирующие человеческими надеждами и мечтами? Не людям нужна ваша свобода наоборот, несвобода. Их несвобода нужна вам. Вы сами забрали себе все блага этого мира, материальные и нематериальные. Хотите накормить народ коркой заплесневевшего хлеба и бездарными зрелищами на потребу толпы. Каждый день, каждый час превращает этих людей в своих рабов – для их же счастья, говорите вы. Уничтожаете несогласных, подпитываете жизнь людей несбыточными мечтами. Подчиняете их волю и заставляете поклониться вашим идолам. Куда бы человек ни посмотрел, вы в каждом направлении ставите картонную картинку, смотрите – вот вам пример, идеал, авторитет. Вы сами создаете кумиров для нас.

Для себя и своих детей вы приготовили госдачи с высокими заборами и охраной, ведомственные пансионаты, санатории ВЦСПС, МГИМО, «Артеки», персональные машины с водителями, закрытые распределители, персональные пенсии. «Мы поехали за город, а за городом дожди, а за городом заборы, за заборами – вожжи. Там трава несмятая, дышится легко, на дорогу брошено птичье молоко».

Вот, что для вас свобода, равенство, братство. А для нас ваши свободы – это «тройки», их, правда, уже нет, – но ведь были, мы помним об этом, – ГУЛАГ, СМЕРШ, заградотряды, депортация народов, высылка инакомыслящих, бульдозерные выставки. Стукачи, сексоты, железный занавес, соцреализм и долбежка пропаганды, пустые прилавки, дефицит товаров. Комнаты «торжествующей

справедливости». Вот свобода, которую вы приготовили для нас. И мы, по вашему мнению, должны радоваться этому? Или уже всю радуемся?

Не переубедили вы меня. Берете себе право обвинять и судить. Обманываете нас. Вовсе не для нашего блага – для собственного. Оглашаете мнение каких-то таинственных толкователей Закона, а это сплошной обман. Если не обман, то, во всяком случае, признак явного скудоумия каких-то неизвестных нам толкователей.

– Тебе будет интересно узнать диаметрально противоположное объяснение буквы и духа Закона. Многие считают, что Закон никому не дает права судить о его толкователях и служителях – о судьях СИСТЕМЫ. Каким бы со стороны ни казался судья, он – слуга Закона, а значит, суду человеческому не подлежит. Да и как судья может быть подвластен обвиняемому или потенциально обвиняемому? Да, судья связан по рукам и ногам, он несвободен. Но такая несвобода неизмеримо выше и важнее, чем просто жить на свете обычным, пусть и свободным человеком. Закон определил судьбу на служение ему. Усомниться в достоинствах судьи – значит, усомниться в Законе.

КГ покачал головой:

– С этим вашим мнением я никак не могу согласиться. Если искренне, от души думать именно так, как вы, значит, принять за правду все, что вы говорите. То есть – что человеку нужна не свобода, с которой он якобы не знает, что делать, а счастье в том понимании, которое вы определили. А вы только что сами сказали, что это обман, надувательство и ложь якобы во благо.

– Совсем не надо принимать все, что говорится и делается, за правду. Надо только осознать необходимость и обоснованность именно такого объяснения счастья для миллионов людей. Надо прокладывать новые дороги,

валить деревья, рубить лес. А щепки, попадающие иногда в глаз, неизбежны.

– Какой печальный конец, – воскликнул КГ. – Ничем не прикрытые ложь и обман возводятся в систему.

Борис сказал это очень решительно. Но для себя он не сделал еще окончательного вывода – слишком устал, чтобы успеть проследить во всех деталях движение мысли судьи. Кроме того, Борису все время хотелось прервать того и спросить, какое все это имеет отношение к судебному делу Кулагина? Он ведь пришел именно для этого, а во все не для отвлеченных и схоластических обсуждений. А Людвиг почему-то благоразумно молчит и не вмешивается в ход обсуждений. Далекие от жизни экзерсисы. Они годятся для профессионального обмена мнениями профессоров права или, может быть, философов. Простая формула свободы, столь конкретно сформулированная его другом художником в начале разговора, расплывалась у КГ в голове, о ней хотелось поскорее забыть. А судья, как ни странно, проявил удивительный для него такт и молча принял последнее замечание Бориса, хотя и был явно с ним не согласен.

Опять наступила тишина. Стало еще темнее. Неужели наступил вечер? Рановато вроде.

Борис спросил растерянно:

– Может, мы пойдем?

– Разве вы уже хотите уйти? Что ты скажешь, Людвиг?

Людвиг молчал. Борис не думал об уходе, но почему-то сразу ответил:

– Конечно, мне вообще-то надо бы уйти. Я работаю на очень важной государственной службе в НПО. Мы пришли просить поручительства. А решение за вами. Хотя, наверное, я неправ, что спешу. Подождите, не прогоняйте нас.

– Хорошо, я жду.

– Вам больше ничего не надо от нас? От меня и от Людвига.

– Нет, – кратко ответил судья.

– Вы так подробно нам все объясняли. Были при этом очень терпеливы и внимательны. А теперь прогоняете, будто вам до нас нет никакого дела.

– Но ведь ты сказал, что тебе надо уйти.

– Да, это правда. Надеюсь, вы сумеете правильно меня понять.

– Для начала вы оба должны понять, кто я такой.

– Вы – судья высшего уровня СИСТЕМЫ, – с сожалением сказал КГ. Ему вовсе не надо было так срочно бежать на службу, он вполне мог бы побыть еще немного здесь, в этом непонятном храме – то ли справедливости, то ли несправедливости.

– Правильно, я служу суду. Суду ничего от тебя не нужно. И мне тоже ничего от тебя не нужно. Захотел прийти – тебя примут, захотел уйти – тебя отпустят. Суд – воплощение Закона. Он работает всегда – без выходных и праздников, днем и ночью. Все видит и все знает. Каждое твое движение, слово, мысль, намерение – у нас все на учете. Бесплезно пытаться влиять на мнение суда. Суд долго наблюдает, и только потом выносит свое заключение. Надо принять все, что он делает. И не пытаться в этом разобраться. Суд существует в сферах, которые значительно выше ваших земных хлопот и суесть. Не под силу человеку понять жизнь суда и глубину Закона. Суд всегда прав. Обязательно понимать почему. Прими эту истину сердцем, и тебе станет легче.

Товарищи посетители, есть у вас еще аргументы в защиту обвиняемого?

Молчите? Нет аргументов. Пока все. На сегодня обвиняемый свободен. Идите. Думайте. Я тоже буду думать.

Сейчас я еще не готов. Не могу вам дать поручительство в невиновности обвиняемого. Но не могу также вынести и обвинительного заключения. На этом заседание верховного суда объявляю закрытым. Все свободны.

Боммммммммммммммммммммм – раздался удар гонга.

КГ проснулся. Что это было? Последняя его попытка добиться хоть какого-то ответа от суда высшей инстанции? Увидеть лицо судьи, задать вопрос, дать пояснения... Хотя бы во сне. Нет, похоже, что этот сон неспроста, он, видимо, означает завершение чего-то, подводит черту. Какую черту? Что дальше, конец наваждения? Что бы ни случилось, пусть худшее, похоже на то, что это конец его мытарствам. Дальше так жить невозможно. Пусть уж скорее случится то, что должно случиться.

Встал, помыл в туалете руки, лицо. Привел себя в порядок. Вернулся в кабинет. Разложил документы по своим местам. Домой, пора домой.

Телефонный звонок неожиданно гулко и требовательно взорвался в пустой приемной. Сотрудники отдела разошлись, рабочий день закончился, начальство и секретарь никогда не задерживаются – кому это могли бы так поздно звонить? Может, Мила его разыскивает? Нет, после той последней встречи у адвоката совсем не хотелось видеть ее, разговаривать с ней – тоже. Вчера именно она звонила вечером, спрашивала о его планах, а в конце сказала: «Они тебя затравили». Борису не нравилось, когда его жалели, а тут он совершенно неожиданно для самого себя ответил: «Да, похоже на то, что они меня затравили». Зачем он так сказал? Еще чего доброго эта ветренная и ненадежная Мила решит, что ему теперь без ее помощи никак не обойтись. Почему он все-таки забросил Клару? Сколько раз после мнимого ареста собирался навестить ее, но так и не сделал этого. «Пожалуй, сейчас к ней и поеду, – твердо решил КГ. – Позвоню, узнаю, свободна ли она, и поеду».

Борис снял трубку. Звонили именно ему, и звонили из судебной канцелярии: мать честная, час от часу не легче!

– Борис Илларионович, вам надлежит немедленно явиться в суд на заседание. Немедленно, прямо сейчас. Как зачем? Ваше дело чрезвычайно запутанное. И чтобы разобраться в нем, следует произвести несколько процессуальных действий. Да, мы вам звонили и неоднократно приглашали на допрос, на очную ставку, на собеседование. И каждый раз вы в довольно резкой форме отказывались. В протокол занесены все ваши ответы, довольно безответственные, кстати. Как вам такое вообще могло прийти в голову? Каждый раз вы говорили, что допросы наши ни к чему. В них нет конкретики, и поэтому они бесполезны и в ходе расследования ни на шаг не приближают нас к истине. Все прошлые наши приглашения вы проигнорировали, заявили, что никуда не явитесь, не будете снимать телефонную трубку, письменные вызовы будете рвать и выбрасывать, а если мы пришлем повестку с посыльным, то этих наших посыльных вы и на порог не пустите. Мы все это занесли в протокол и хотим уведомить вас, что это уже очень серьезно навредило вашему делу. В общем, мы вас предупреждаем. Потому что это злостное неповиновение и форменный саботаж. И переходит уже все пределы.

Причем, такое ваше поведение невозможно объяснить иначе как детскими капризами. Вам же не четыре года. Почему вы сопротивляетесь? Все это необходимо, эти шаги предпринимаются для вашего же блага. Мы – единственные ваши друзья и делаем буквально все возможное, работаем не покладая рук, не жалея собственных времени и сил, все для того, чтобы выяснить истину и разобраться в вашем сложнейшем деле. Вы ведь считаете себя невиновным, не так ли? Значит, вы сами должны быть заинтересованы в скорейшем завершении дела и не мешать нам

своими капризами и своевольным поведением. Мы еще ни разу не прибегали к насильственным мерам. Есть ведь и привод, вы этого хотите? Высокий суд не позволит вам шутить над собой и превращать его благородную миссию в клоунаду. Сегодняшний вызов в суд – последний. Учтите это и примите правильное решение – воля ваша, можете и отказать, но тогда уж не взыщите.

Бориса обрадовало то, что он может сейчас отказаться от поездки на Манежный, он ведь решил навестить Клару и уже почти договорился с ней об этом. На самом деле подобное оправдание некому предъявить, никто бы и не счел такое оправдание хоть сколько-нибудь серьезным. Оправдание как бы для самого себя. А не было бы этого решения, он, скорее всего, не пошел бы и так. Даже если бы не существовало никакой договоренности. А ее ведь и не было на самом деле. Но договоренность уже почти что есть, пусть и весьма незначительная, – ну, не откажет же ему Клара в его желании навестить ее – и это еще раз подтверждает его правоту.

– Так-так, и что случится, если я сегодня не появлюсь в вашей подпольной канцелярии? – спросил Борис и радостно улыбнулся. Как все-таки поддерживает и поднимает над обыденностью ощущение собственной правоты!

– У нас длинные руки, мы найдем вас, где бы вы ни были. Даже если уедете на Колыму.

– Вот уж куда-куда, а на Колыму я совсем не собираюсь. В общем, правильно ли я вас понял, что если не явлюсь добровольно, то меня ждет какое-то дополнительное наказание?

– Нет, дополнительное наказание за это не предусмотрено процессуальным кодексом.

– Тогда ради чего мне менять свои планы, все бросить и бежать к вам?

– Видимо, чтобы не навлечь на себя применения специальных средств принуждения, – произнес голос в трубке и внезапно затих.

«Пожалуй, мне следовало бы выяснить все-таки, что это за средства принуждения такие? Что это за привод? А если я ему не подчинюсь? И вызову, к примеру, милицию?» – размышлял КГ.

Ему захотелось вдруг немедленно оказаться в объятиях Клары. Он созвонился с ней – получается, все ОК! – выскочил на улицу, голоснул, взял такси.

Устроился удобно на заднем сиденье, сунул руки в карманы пальто и погрузил лицо в теплое кашне, с удовольствием разглядывая оживленное движение на вечерних ярко освещенных улицах. Смаковал внезапно возникшее приятное удовлетворение от сознания правильно принятого решения.

Нет, он не потерял бдительности, как это часто бывало с ним в последнее время. Хорошо владел собой. Не стал отвечать конкретно и недвусмысленно, явится он все-таки в суд или нет. Значит, судья или следователь будут ждать. Соберут опять огромное собрание – наверное, опять этих неопрятных стариков с неясными заслугами. Все будут ждать заседания то ли комиссии, то ли суда, и предвкушать удовольствие от будущего публичного унижения обвиняемого. Может, и Ньюра придет в надежде увидеться с ним и принести ему извинения за свое неприличное поведение и явный обман – возможно, и вынужденный, но это все-таки был обман. В общем, их всех теперь ждут небольшие затруднения в связи с его неожиданной неявкой. Правда, здесь не все ясно. Может, суд вовсе и не занимается его делом. Обычное перекалывание бумажек из папки в папку, имитация бурной деятельности, бесконечная бумажная волокита и крючкотворство. Но главное, он сделал так,

как считал нужным. Не испугался их надуманных угроз. И сейчас едет именно туда, куда хотел.

Неожиданно КГ вздрогнул – куда везет его такси, не на Манежный ли? А что если он машинально назвал адрес суда? Борис решил не переспрашивать. Нарочито громко произнес адрес Клары, водитель согласно кивнул – все в порядке – значит, никакого другого адреса он не давал.

Спокойствие понемногу возвращалось. Борис перестал думать о своем судебном деле, обо всех этих многочисленных прилипаниях, неожиданно оказавшихся в круговороте его жизни, и теперь его мысли, как в прежние времена, полностью вернулись к обычным служебным заботам, документам и расчетам, которыми он с таким удовольствием занимался в НПО «Базальт».

18

Вечер накануне очередного двадцать восьмого дня рождения. Завтра на работу идти не надо – Борис попросил день в счет отпуска. Не хотелось появляться на людях. Придут сослуживцы – «Боря, Боря, Боря, Боря, пей до дна!», профсоюзная, партийная... Опять же вечно не вовремя появляющийся Михаил Арзамасович – поразительная все-таки способность! – с его неуместными партийными идеями. Интересно, они все-таки родственники с Архистраховичем или так, однофамильцы? Какой-то туман в голове. Не вспомнить – у кого же он все-таки отпрашивался? Евгений Тимофеевич, увы, ушел в мир иной. Когда это было – несколько дней назад или полгода уже прошло? А может, это было и несколько лет назад. Во всяком случае, давненько они не ходили вместе, чтобы принять по рюмочке у «полковника Пестеля». Все это было в какой-то очень далекой прошлой жизни, которая, наверное, уже никогда

не вернется. Чудесная прошлая жизнь, полная радужных надежд и предчувствия безбрежного вечного счастья. Прекрасный был человек – Евгений Тимофеевич Полупанов, пусть земля ему будет пухом. Всегда симпатизировал КГ и хорошо его понимал. Это он сказал однажды Борису с грустной улыбкой:

– Берегите себя, Борис Илларионович. Боюсь, у вас скоро будут серьезные неприятности. Но я, к сожалению, ничем уже не смогу вам помочь. Рановато появились вы на белый свет. Вы – человек будущего, вам бы родиться лет на пятьдесят позже, а то – и на все сто.

«У кого я сегодня отпрашивался, кто сейчас начальник отдела, не Ивар ли Борисович? – подумал КГ. – Вряд ли, не может такого быть. Это было бы величайшей несправедливостью. А с другой стороны – так устроен наш мир. Нет, не у него я отпрашивался. Он вообще куда-то ушел – по профсоюзной линии, кажется так. Кто же тогда? Что-то вообще у меня сегодня с головкой бо-бо. Прислали, наверное, очередного варяга. Ну да все равно. Может, и не дожидаться мне очередного дня рождения. Хорошо, что квартиру свою оформил на маму. Если со мной что случится, они с Фридой переедут сюда, а жилье в Котласе продадут».

КГ подошел к зеркалу. Снял пластырь со лба – пятно настолько побледнело, что его уже почти не было видно. Выходит, что никакой нейтрализатор и не требуется вовсе. Что тогда сказал охранник Димон? «Когда придет время, с вас или снимут обвинение или, наоборот, огласят приговор, пятно тут же будет снято. Безболезненно и без всякого следа».

Похоже, мое время уже пришло. Вот-вот придет. Снимут обвинение или огласят приговор. «To be or not to be? Достойно ли смиряться под ударами судьбы, или надо оказывать сопротивление? И в смертной схватке с целым морем бед покончить с ними?»

Никто ни о чем Бориса не предупреждал. Тем не менее, он надел темный костюм, который берег для самых торжественных случаев. Внимательно осмотрел себя в зеркале. «Галстук следует перевязать, привести в порядок прическу. Шляпа, так... Чуть больше на лоб и немного набок – неплохо сидит. Нестандартно, но и не залихватски. Живо и естественно. Внешность серьезного делового человека. Не без шарма. Пальто? Пожалуй, еще тепло. Но можно и набросить на руку. На всякий случай. Если надену пальто, нужны перчатки. Печатки хорошие – дорогая лайковая кожа. Пальто и шляпу оставлю пока на вешалке. Возьму, когда буду выходить».

КГ сел на стул в прихожей у входной двери. Новые перчатки плотно облегли пальцы. Начищенные до блеска черные туфли приятно сжимали стопу. Он в порядке. Готов к новому решающему повороту своей жизни. Главное – всегда быть в форме, не оплошать и встретить во всеоружии новые вызовы судьбы. Всю жизнь он боялся что-то упустить, чего-то не успеть, хотел брать от жизни все без разбору обеими руками. Почему он всегда спешил, ни от чего не хотел отказаться? Почему Людвиг так часто называл его свободным человеком? Ведь он, Борис, неизменно был жаден до материальных благ, полон самолюбования и уверенности в своем превосходстве над окружающими. Людвиг забавлялся, играл с ним, змей искуситель, растлевавший все, к чему бы он ни прикасался. Иуда, предававший его каждую минуту и каждую секунду. Слова Людвиг фон Трахтенмейстера, как правило, были полны обмана и издевки. Разве сам он, Борис, стал хоть в какой-то степени свободным человеком? Разве он не был в полной мере подвержен абсолютно всем соблазнам, которые встречались на его пути? Может ли он сказать, что цели его всегда отличались бескорыстием и благородством? Скорее,

наоборот. И это было роковым заблуждением. Сегодня он отлично готов и совершенно спокоен. Надо принять все как есть. «Все сущее разумно».

«Мое судебное дело длилось год. Год... Мне кажется, прошла вечность – тридцать, сорок, пятьдесят лет, целая жизнь. Неужели я так ничему и не научился, тупой, самовлюбленный упрямец?»

За окном накопилась чернильная синева, и уличный шум начал стихать, когда в дверь позвонили. В коридоре перед лестничной клеткой стояли двое в потертых бесформенных кожанках, бледные, опухшие, мятые кепки надвинуты на уши – глаз из-под козырьков почти не видно. Каждый из них учтиво пропускал другого, состоялся безмолвный обмен любезностями на предмет того, кто должен пройти первым. Для усиления выразительности жестов в ход пошли снятые с голов кепки. В конце концов, два довольно полных товарища не без труда вместе протиснулись в прихожую через дверной проем. От одного из них неприятно пахло пивом. Борис стоял перед непрошенными гостями и довольно беззастенчиво рассматривал их.

– Так-так, – КГ задорно щелкнул пальцами обеих руки, будто собираясь приступить к испанскому танцу. – Знаচিতся, меня поручили именно вам.

Присланные товарищи кивнули, и каждый взглядом показал в сторону другого. Борис развернулся, обвел глазами квартиру. Подошел к окну: в доме напротив почти везде было уже темно. В одном из освещенных окон видны были две старухи – те самые, что когда-то наблюдали за его арестом. У их ног на полу играли дети. Старухи были заняты вязанием и не обращали внимания на то, что происходило в квартире Бориса.

«Не могли найти для меня нормальных сотрудников. Наняли за копейки каких-то статистов. Бомжей с улицы,

а может, и престарелых алкоголиков у пивной. Чуть отскребли щетками от грязи, вот вам по рублю – вот вам ответственное задание государственной важности. Накрыть врага народа в его логове и по возможности ликвидировать. Или как-нибудь по-другому уконтрапупить. Год занимались мною, а теперь надо срочно закрыть дело, списать Кулагина, вычеркнуть из всех возможных списков за ненадобностью и полной исчерпанностью интереса к его скромной персоне. Недорого же они тебя ценят, Борис Илларионович».

Неожиданно он обернулся к ним и спросил:

– Из какого такого вытрезвителя вас выковыряли, господа-товарищи?

– Вытрезвителя? – спросил один из них, невысокий и довольно миловидный. Он словно советовался с КГ, и уголки его рта растерянно дрожали. Второй, тот, от кого пахло пивом, – довольно рослый, изрядно облысевший человек с большим носом и впалыми щеками, казавшимися чужими в сравнении с его расплывшимся, бесформенным телом, беспомощно гримасничал, не в силах произнести ни слова. Его глаза почему-то затуманились, шея и лоб были разрезаны извилистыми струйками пота.

«Да, ребята, спецы из органов плохо подготовили вас к возможным вопросам», – подумал Борис и взял в руки шляпу и пальто.

Внезапно миловидный, словно очнувшись от спячки, улыбнулся и ласково спросил:

– Борис Илларионович, неужели вы нас не узнали?

Борис недоуменно посмотрел на его доброжелательную улыбку, на потное лицо его партнера, – неужели это те самые? Те были совсем молодые и подтянутые. А эти – пожилые, явно болезненного вида...

– Айн унд цванцих, фир унд зибцих, – вспоминайте,

вспоминайте, что это значит? Это то, к чему призывает партия – помочь слабым встать на путь исправления, раскаяться и разоружиться – довольно миролюбиво добавил потный.

– Вован и Димон, неужели вы?

– Обижаете, Борис Илларионович, – сказал тот, кого КГ считал похожим на Вована. – Владимир Анатольевич и Дмитрий Анастасьевич, Вов-Ан и Дим-Он собственными персонами. Мы все это время следили за вашим делом, переживали за вас. Вы нам тогда не помогли с пианистом, а мы за вас все равно переживали.

Миловидный держался уверенно, а потный кивал и кивал головой, все время поддакивая своему напарнику. Чувствовалось, что из этих двоих теперь именно милovidный считается главным.

– Извините, я вас не узнал. Вы оба очень изменились.

– Конечно – столько воды утекло. Лет тридцать, наверно. Видите, как мы выросли, жизнь удалась. Тот музыкально-судебный исполнитель, что высмеивал и мучил нас, где он теперь? А мы, между прочим, судебные исполнители особого назначения, не чета этому музыканту. Помните девушку, которая должна была ждать меня? Она тогда не дождалась, ушла, вот и хорошо. Все, что ни делается, все к лучшему – я на другой женился. У нас трое детей, прекрасная семья, устойчивый заработок, любимая работа. А у Дмитрия Анастасьевича уже внуки. Мы, как узнали, что ваше дело закончено, сразу к начальству, предложили, чтобы они именно нас послали по этому исполнительному производству. Потому что и тогда, в первый раз, вам с нами повезло. Мы – единственные ваши друзья, надеюсь, вы убедились в этом. И сейчас вам будет значительно спокойней, если все это проделаем именно мы. Так что вам и на этот раз повезло.

«Что за наваждение такое, какие такие тридцать лет? Всего-то год, год без одного дня. Что-то у меня в голове все помутилось, – недоумевал КГ. – Или это не Вован с Димоном? Просто чья-то искусная мистификация. Но очень похожи на них. Зря я ругал организаторов спектакля – вполне профессиональная работа. Опять меня разводят на пустом месте. Посмотрим, что они для меня приготовили. А с другой стороны, я же не могу вспомнить, когда нас покинул Евгений Тимофеевич, может быть, и давно, несколько лет назад».

– Вы, Борис Илларионович, вообще везунчик, – продолжал миловидный. – Столько лет пролетело, а вы без изменений, будто годы миновали вас. Столько мытарств, неприятностей, а вы как огурец. Ну что же, пошли. Мы же к вам не просто так, по делу. В этот раз вы ведете себя гораздо спокойней, чем в прошлый. И это правильно. Не стоит портить то благоприятное впечатление, которое вы всегда на нас производили.

Незванные визитеры вышли из квартиры к лестнице и лифту, Борис замешкался, никак не мог понять, в какой руке нести шляпу, в какой пальто, надо ли взять с собой шарф, и нужны ли ему сейчас документы или никакой необходимости в них уже нет. Решил надеть и шляпу, и пальто.

Из коридора до него донесся резкий солдатский окрик: – Арестованный, немедленно на выход!

Борис дернулся и стукнулся лбом об откос двери. Это был миловидный. Такого окрика, жесткого и безапелляционного, КГ никак не мог ожидать от мягкого Вована.

«Опять теряю внимание. Даю сбить себя с толку. А ведь такое уже было однажды, причем именно с ними. Забыл. Год прошел. Или все тридцать, как они уверяют. В одном они правы: с тех пор, с момента их первого посещения, прошла целая вечность». Борис вышел к лифту.

– Для вас было бы хорошим решением, если бы мы взяли вас под руки, – сказал потный.

– Давайте спустимся вниз. Возьмете на улице. Боитесь, что я прямо сейчас потеряю от волнения сознание и упаду? Или еще того пуще – грохнусь оземь шизым орлом под облаки, и поминай как звали – вы этого боитесь?

– Зря вы обижаетесь, Борис Илларионович. Мы ведь при исполнении и только добра вам желаем. Опять за старое? Лучше бы вы нам ни в чем не противоречили. Всем было бы от этого только спокойней, – увещевал его Вован. – Но если вы настаиваете, спустимся в лифте – просто как хорошие знакомые.

В полутемном подъезде дома опять стоял старый знакомый Бориса – крепкий, вихрастый парень в кепке, надвинутой на глаза, с сигаретой, приклеившейся к нижней губе. Он внимательно осмотрел подозрительную троицу, затянулся, вынул сигарету изо рта, щелчком пальцев отправил ее в звездное небо. Насмешливо подмигнул КГ, отошел в сторону, освобождая дорогу, и исчез в темноте.

При выходе на улицу сопровождающие вплотную приступили к Борису. Каждый согнул кисть КГ и зажал выпрямленный локоть его вытянутой вниз руки – так, чтобы тот не мог уже двинуться по собственной воле ни в сторону, ни вперед, ни назад. «Вот это хватка, – подумал Борис. – Неплохо же их обучили своему ремеслу. Профессиональная и абсолютно неодолимая хватка. Интересно, что бы они делали, если бы я не надел пальто и шляпу, и руки у меня были бы заняты вещами? Куда они меня ведут?»

Борис шел, вытянувшись как струна, но при этом не чувствовал волнения. Пусть все идет, как идет. Все трое словно прилипли друг к другу и превратились в один неодушевленный предмет, в космический болид, несущийся неизвестно куда в безвоздушном пространстве под действием никому не ведомых космических сил.

Он пытался рассмотреть физиономии этих людей. В тот момент, когда они проходили мимо фонарей, это можно было сделать лучше, чем в полутьме его прихожей. Нет, это не те самые Вован с Димоном, которые так специфически поздравили его с двадцать седьмым днем рождения. Совсем не те. Лже-Вован и лже-Димон. Во-первых, возраст. Во-вторых, те были расхлюстанные, неряшливые и настоящие. А эти – гладкие, ухоженные, какие-то нереально чистые. Лже-Димон, выйдя на улицу, перестал потеть, и теперь его лицо было точь-в-точь, как у лже-Вована, только щеки у одного – впалые, а у другого – выпуклые и как бы надутые изнутри. И глаза у обоих – какие-то затуманенные, что ли. Лица – немолодые, но без морщин, волосков, угорьков, кожа блекло-серая, неживая, но очень ровная, светится изнутри, словно у восковой персоны. Кто-то сумел фантастически привести их порядок. Чьи-то руки отполировали до фарфоровой гладкости лоснящиеся щеки, вычистили уголки глаз, выскребли складки между носом и ртом, между шеей и подбородком, протерли губы до неживого матового блеска, заменили глаза на мертвые стеклышки. Их кожанки и кепки казались подержанными и затертыми только с первого взгляда. Искусная имитация. Такой кич, наподобие модных рваных джинсовых брюк. Роботы, телевоксы, запрограммированные куклы, обученные шуткам под Вована и Димона. Удивительно, как, оказывается, может быть неприятна лоснящаяся чистота.

В полном согласии они перешли Третий Елагин мост. Борис остановился, повернулся к перилам, оба его спутника беспрекословно следовали малейшему его движению. Внизу – черная вода, дрожащая при лунном свете. На берегу – густые кусты и деревья. Дорожки вели к уютным площадкам и скамейкам. Это ЦПКиО, летом КГ нравилось здесь посидеть, поглазеть на прохожих, в первую очередь – на молоденьких девушек.

Необычная троица перешла по Второму Елагину мосту через Среднюю Невку и оказалась на каком-то пустыре, усеянном битыми кирпичами и гнутым ржавым железом. КГ остановился и оглянулся по сторонам, сопровождение послушно присоединилось к нему.

– Почему, интересно, вам так уж нужно было прийти именно ко мне? Не уладили со мной все отношения, может, опять захотелось что-нибудь из моей одежды получить? Пиджак, пальто, которые скоро уже мне больше не понадобятся, или эти туфли? – запальчиво выкрикнул КГ.

Его спутники явно не знали, что ему ответить. Для них он был кем-то наподобие больного, который попросил передышки после долгого пути, и они теперь терпеливо ждали его, переминаясь с ноги ногу, чтобы продолжить совместное движение к известному только им пункту назначения.

«Что они, эти безмозглые манекены, могут сделать с болидом?» – подумал КГ. А он, Борис Илларионович, не просто кусок камня какой-то. Он сложное существо со своими взглядами на жизнь, с личной историей, с замыслами, связями и сложившимися отношениями в обществе. Разве столь примитивные существа могут так просто взять и уничтожить его, превратить в ничто? Нанести урон смогут, разрушить какие-то важные структуры – тоже вполне. Пусть даже сердце остановится и дыхание прекратится. Это все равно лишь очень маленькая часть невообразимо сложной человеческой личности, человеческого космоса, соизмеримого по своим масштабам с Вселенной. От болида отскочит кусочек, образуется щербина, болид будет лететь дальше, его не остановить. Не так-то просто взять и полностью разрушить человеческую личность, ее грандиозную архитектуру, которая формировалась годами и десятилетиями.

– Все, finita ля комедия. Дальше не пойду, – сказал КГ и твердо уперся ногами в землю.

На это его неожиданное заявление восковые манекены точно имели свой безмолвный ответ. Они усилили хватку, попытались жестче прижать кисти и локти Бориса и сдвинуть его с места. С первой попытки у них ничего не получилось.

«Вам придется для начала оторвать мне руки и ноги, – подумал Борис, – а потом уже нести на себе, чтобы доставить меня в запланированное место, где должно, наконец, свершиться предусмотренное непогрешимым Законом торжество справедливости в вашем бесчеловечном и козобокком понимании. Для чего мне теперь что-то высчитывать, маневрировать, хитрить, экономить свои силы? Они мне больше уже не понадобятся. Только здесь и сейчас. Всякая тварь борется, не щадя сил, дойдя до последней черты. Волк отгрызает ногу, попавшую в капкан, ящерица оставляет хвост, муха, отдираясь от липучки, – ножки. Да, вам, ребята, предстоит изрядно попотеть – вы преодолели, видать, медиану своей суетливой и нечестивой жизни, посмотрим, как вы справитесь с молодым, спортивным парнем, донесете ли вы меня до пункта назначения или вам придется разделаться со мной здесь, именно на этом пустыре, и притом немедленно».

Внезапно он понял полную бессмысленность своего бунта. Так или иначе, его судьба предрешена. Разве в этом будет хоть капля геройства, если он предпримет попытку сопротивляться двум своим палачам? Ведь они просто исполнители, ограниченные и по-своему наивные, а осудила его СИСТЕМА. Да, он доставит этим двоим сопровождающим лишние хлопоты, сумеет в своей душе высечь напоследок еще одну искру движения и страсти. Но это будет лишь жалкая видимость настоящей жизни, которая шаг за шагом неминуемо уже покидает его. Даже если ему

удастся сейчас вырваться из объятий этих двух неумех, завтра придут другие – более сильные, бесцеремонные, более жестокие и безжалостные.

Борис сдвинулся с места и продолжил свой путь. Он заметил, как обрадовались его спутники. Они ведь тоже люди, у них своя достаточно непростая жизнь. Почему бы в этой рутинной, унылой и безнадежной ситуации не подарить им несколько секунд радости? Эта простая мысль неожиданно согрела его.

КГ заметил в конце пустыря будку с диагональными полосками черного и белого цветов – какая-то реконструкция николаевских времен. Из будки вышел милиционер, заметил группу – непонятно, чем они занимаются? – подозрительная группа, надо выяснить, что там происходит, и куда они направляются в этот поздний час. Милиционер приосанился и направился к ним, Вован и Димон остановились и прекратили бесполезную возню с локтями и кистями КГ.

– Государство рабочих и крестьян протягивает руку помощи честному труженику оборонной промышленности в трудную для него минуту, – шепнул Борис на ухо лже-Вовану. – У нас с вами есть возможность добровольно перенести наше противостояние в легальную сферу, где действуют государственные законы страны развитого социализма. Что вы об этом думаете, господа-товарищи? Видимо, мне придется в очередной раз защищать вас, на этот раз – от суровых, но справедливых социалистических законов брежневской конституции.

Провожатые замерли.

«Самое главное, что мне сейчас надо сделать, – подумал КГ, – это сохранить ясность ума и трезвый расчет. В начале своего судебного дела я думал только о его окончании. Прошел год. Мой судебный процесс завершен. Он закончился так, как единственно это и могло произойти.

Чего я ищу? Какого-то случая, чтобы выскользнуть из рук судьбы? Но тогда дело мое не закончится. И все начнется сначала. Только будет еще хуже. А конец тот же. Все скажут: «Он сам не знал, чего хочет. Вначале мечтал о завершении дела, а потом, после его завершения, решил все начать сначала. Упрямый и вздорный глупец». Нет, мне не хочется, чтобы обо мне именно так говорили. Не нужны мне больше чьи-то советы. Я сам скажу себе все, что сочту нужным. Они были правы, эти ребята. Повезло, что сейчас пришли именно они. Тупые, ограниченные, бесчувственные – с ними не надо ничего обсуждать, им не надо ничего доказывать. Именно поэтому у меня сейчас есть возможность принять единственно верное решение».

Милиционер подошел к ним вплотную, открыл было рот, но Борис рванул вперед и потянул за собой сопровождающих. Они уходили все дальше и дальше, КГ постоянно оборачивался, чтобы убедиться, что милиционер не последовал за ними. Вышли с пустыря, завернули за угол. Ему нравилось, что он сам принял нелегкое решение. Мог устроить этим двоим приключение на их дурацкие головы, но решил не делать этого. Пусть все идет своим чередом. Борис побежал. Бежал привычно легко, и его спутникам, несмотря на одышку и пот, заливающий их холеные лица, пришлось бежать вместе с ним.

Вскоре они оказались на окраине города, на берегу какого-то мутного протока.

Берег напоминал заброшенный пустырь. Доски, металлолом. Неподалеку на боку лежал ржавый гусеничный подъемный кран. Разрозненные останки старинной гранитной облицовки. В самом конце канала на обоих его берегах через муар сумерек можно было рассмотреть две небольшие сторожевые башни в стиле барокко – караульные павильоны со световыми окнами и флагштоками.

«Кроншпиц Трезини, XVIII век, – подумал Борис. – Это Шкиперка. В школьные годы мы здесь с одноклассниками брали лодку напрокат и выходили в заливчик Галерного ковша. Красивые башни. Напоминают о моей прошлой жизни – разумной, удобной и счастливой жизни в прекрасном городе, воздвигнутом гением Петра. А теперь мне остается только захламленный берег. Да еще лоснящиеся туповатые сопровождающие».

Спутники КГ остановились около небольшого сарайчика. По-видимому, они заранее наметили именно это место. А возможно, просто слишком устали после долгого бега. Бориса отпустили, и он стоял, осматривая убогие берега когда-то красиво проложенного канала и ожидая, что же будет дальше. Сопровождающие его судебные исполнители тоже поглядывали по сторонам, сняли свои головные уборы и отирали пот со лба идеально чистыми носовыми платками.

«Готовили их тщательно для этой миссии, – отметил про себя Борис. – Носовые платки выдали сегодня перед выходом на задание. Вот они, мои палачи. Палачи, а как же иначе? Да, палачи мне достались не очень-то фактурные».

Окружающий депрессивный пейзаж был залит куинджиевским лаком лунного света, внушающим неестественное, почти мертвенное спокойствие.

«Научило ли меня чему-то судебное дело? Ничего ведь не происходило. В чем меня обвиняют, я так и не выяснил. Почему я попал в поле зрения обвинительной инстанции, что это за обвинительная инстанция, и где она расположена, – я тоже ровно ничего не знаю. Если бы кто-нибудь спросил меня, дали ли мне возможность защищаться, что бы я смог ответить? Нет, не дали – почему, не знаю».

А сколько времени прошло от момента ареста до сегодняшнего вечера? Тоже ничего сказать не могу. Завтра –

мой двадцать восьмой день рождения. А эти считают, что прошло тридцать лет. Кто из нас прав? Если они – значит, я всю жизнь прожил в этом кошмаре. И теперь естественно пришел к ее концу.

Можно взглянуть на это и по-другому. Мы с ними живем в разных пространствах и разных мирах. Поэтому и не можем понять друг друга. В суетливой и несвободной жизни работников СИСТЕМЫ метроном тикает в тридцать раз быстрее. Их жизнь уже на излете. А моя, казалось бы, только начинается. Мне бы жить да жить. Велиарам подземного мира не по нутру счастье и жизнеспособность обычных людей. Вот они и приходят к нам. Выслеживают жертву и затягивают ее к себе в преисподнюю. Типа: «Наша жизнь на излете, и тебе тоже не будет больше жизни». Простая логика. И никакого суда не надо. Суд – только лишь видимость.

Но суд ведь есть. И канцелярию их я видел. Чиновников их, следователей, дознавателей. На картинах Людвига – в том числе. И судят они. По своему усмотрению, конечно. По собственному Закону, который, видимо, пришел из самой далекой глубины веков. Неясно, что древнее – человечество или этот непостижимый и жестокий Закон? Зачем Закону и его судьям быть милосердными, зачем входить в обстоятельства жизни простых смертных? Ведь он живет в вечности и оперирует абсолютными и недоступными для понимания истинами.

Если бы я был верующим, я бы сказал, что Закон должен расчистить провидению захламленную сейчас дорогу к светлому будущему. А на пути здесь и там попадаются грешные людишки, которых следует непременно смести на обочину истории.

Если бы я встретился с верховным судьей и задал ему свои бесчисленные вопросы, такие как: «В чем меня

обвиняют? Почему мне не дали возможность защищаться? Почему не были выслушаны мои объяснения?» Если бы я задал ему эти и многие другие вопросы. На все вопросы... На все без исключения вопросы верховный судья ответил бы мне одинаково. Какие бы ни были вопросы. Он ответил бы мне: «Неужели ты до сих пор не понял? Виновность – твоя, его, чужая – всегда несомненна!»».

Спутники КГ подошли к сараю и открыли широкие ворота. Выкатили какой-то лежак на колесиках.

Тот, кого Борис мысленно называл Вованом, подошел к нему и сказал:

– Прошлый раз мы допустили оплошность – не спросили вас, какую меру пресечения вы хотели бы избрать: биометку на лбу или браслеты на запястьях и щиколотках. Мы сочли тогда, что с биометкой вам будет легче перенести этот тяжелый период жизни, чем с металлическими кольцами, которые каждый раз надо куда-то включать. Дело прошлое. Сейчас у вас на лбу уже нет отметин. Поэтому и говорить об этом не приходится. Не о чем уже говорить...

Вован задумался, он, видимо, забыл, для чего начал этот разговор.

– Так мы можем теперь, наконец, пожать друг другу руки и спокойно разойтись с чувством выполненного долга?

Вован ошалело посмотрел на Бориса.

– Как разойтись, почему разойтись? Мы же еще не выполнили свое предназначение.

– Так в чем же дело? Исполняйте. Я здесь, никуда не бегу, что вам мешает?

– Я хотел бы спросить у вас, уважаемый Борис Илларионович, что вы предпочитаете: быстро и болезненно или медленно и сладостно? Нам бы не хотелось, чтобы вы подумали, что мы выполнили свой долг без должного уважения к осужденному.

«Осужденному... Первый раз меня не называют обвиняемым. Это правильно. Я уже совсем не обвиняемый. Просто осужденный. Таков мой приговор», – подумал Борис и спросил:

– Что вы имеете в виду?

Вован позвал того, кого Борис мысленно называл Димонем. Тот раздвинул полы кожанки, расстегнул шерстяной пуловер – на заплечном ремне под его рукой висели ножны. Вынул из них длинный, тонкий, обоюдоострый нож, поднял его и при свете луны попробовал на ногте остроту лезвия.

«Таким ножом, наверное, забивают скотину на мясокомбинате», – подумал КГ.

– По старинке – болезненно, но зато очень быстро, – сказал Вован. – Мы рекомендовали бы вам другой вариант – лежак, – и он показал рукой на лежак. – Это долго и отнимет у нас много времени, но для вас такой вариант будет лучше, уж вы мне поверьте. Но решение за вами.

Димон двумя руками бережно передал нож Вовану. Борис понял, что вот сейчас, именно сейчас он должен, он обязан выполнить свой долг перед обществом, снять с властей и СИСТЕМЫ самую неприятную и грязную часть их заранее предопределенной процедуры и работы. Выхватить нож из рук его спутников и самому без их помощи свести счеты с жизнью. Но его мысль так и осталась просто мыслью. КГ словно окаменел, не в силах сделать никакого движения. Мысли путались, тело не слушалось его.

«Нет, это не моя вина. И не моя ошибка. Это вина того, кто рассчитал все так, что у меня нет уже последней капли силы для выполнения моего последнего долга. «Последнего долга» – какие ужасные слова».

Луна выглянула из-за туч, и взгляд Бориса упал на

освещенный купол кроншпица. Ему показалось, что из красивой сторожевой башни вышла мама с Фридой, наклонилась вперед и протянула ему свои старческие, морщинистые руки.

– Да делайте уже поскорей то, что наметили, – закричал он. – Мне все равно. Делайте же хоть что-нибудь – лежак, так лежак!

Вован с Димоном начали обмениваться вежливыми репликами друг с другом, уточняя, правильно ли они понимают распределение своих обязанностей.

Димон двинулся к лежаку и стал укладывать на нем какие-то непонятные приспособления.

Вован тем временем подошел к Борису, помог ему снять пальто, пиджак, галстук и наконец – сорочку. Было холодно, тело КГ покрылось гусиной кожей. Он вздрогнул, а Вован ободряюще похлопал его по плечу. Потом долго складывал вещи на каком-то деревянном щите.

«Такое впечатление, что это еще может мне пригодиться, – подумал Борис. – Видимо, он так считает».

Димон все еще возился с лежаком. И тогда Вован взял КГ под руку и стал прогуливаться с ним – видимо, чтобы тот меньше обращал внимания на прохладу осеннего вечера.

– Что это за машина такая? – спросил Борис.

– Это аппликатор... Аппликатор Ляпко, кажется. Вы видите, что лежак покрыт мягким пластиком в дырочку. У пластика широкие края, мы оборачиваем в него ваше туловище. И такой же пластик в дырочку для обеих рук. Очень мягкий и теплый. Так что скоро вы согреетесь.

Внутри каждой дырочки есть иголка, вставленная в маленький электромагнит. Мы запускаем электронное управление лежаком, и оно начинает подавать управляющие импульсы на электромагниты. С каждым импульсом иголка по чуть-чуть выдвигается к выходу электромагнита

и вступает в соприкосновение с кожей. Так как это происходит очень и очень медленно, то боли вы почти не ощутите. Только легкое покалывание. Кстати, вы вполне могли бы иметь отношение к этой технике.

– Не понял, как это?

– Дело в том, что аппликатор Ляпко – любимое детище Сокола Александра Архистраховича, помните такого? Некто Ляпко придумал, а товарищ Сокол – и сделал, и до ума довел. А теперь носится с ним как с писаной торбой, совершенствует, совершенствует. Да, вы правы, это не имеет отношения к его прямым обязанностям. Хобби такое. Увлечение. Занимается в свободное от работы время. А аппарат сложный. Часто выходит из строя. Вот товарищ Сокол и хотел вас пригласить, чтобы электронику обслуживать. А вы отказались – э-э-э! Стали бы уважаемым работником СИСТЕМЫ. Тогда бы не пришлось на лежак укладываться самолично. Наблюдали бы себе преспокойненько за участью других, смешной вы человек.

– Нисколько не жалею об этом. И не надо мне таким образом добиваться общественного признания.

– Как знаете. Мы сами творцы своей жизни, вы свой выбор сделали. Кстати, еще не факт, что аппарат исправен. Может, придется вернуться к первому способу – как испокон веков наши отцы это делали. Ну, что скажешь, Димон, система не барахлит? Нет, говорит, вроде, все в порядке. Тогда продолжим.

Каждая иголка имеет внутри два тоненьких канала. По одному из них подается капельками вода, промывающая крошечную ранку, по другому – втягивается воздух, который высасывает из ранки небольшие капли воды с сахаром и кровью. Так что после окончания процедуры вы остаетесь чистеньким, хотя это вам уже совсем все равно.

Первые четыре часа осужденный живет так, как обычно.

Он перестает чувствовать боль и постепенно уплывает...
Покидает наш мир.

После четвертого часа наступает просветление мысли. Это какое-то сияние. Оно появляется в глазах, глаза начинают светиться. Потом сияние исходит уже из участков кожи вокруг глаз и постепенно расходится по всему телу. Мы стараемся не пропустить этого момента. Зрелище настолько захватывает, что хочется немедленно занять место обвиняемого на лежаке.

– Ну, хватит уже, приступайте, делайте свое дело.

Спутники Бориса вдвоем долго укладывали его на лежаки, оборачивали туловище и руки мягким пластиком. Стягивали руки, ноги и туловище ремнями, чтобы осужденный не дергался, не вздумал шевелиться или, чего доброго, не попытался выбраться из лежака.

Недалеко от берега высилась одинокая стена разрушенного дома. На верхнем этаже в одном из окон неожиданно вспыхнул свет. Из окна высунулся человек, он что-то показывал Борису руками – видимо, пытался подбодрить его. Человек этот располагался где-то очень высоко и далеко от Бориса, казалось, что разглядеть его было практически невозможно. Тем не менее, КГ почудилось, что он отчетливо видит улыбающееся лицо Людвига.

Людвиг, конечно, хочет помочь. Он один? Или их много – тех, кто хочет помочь? Не исключено, что были забыты какие-то дополнительные объяснения и обоснования, которые могли бы его спасти. Логика суда и процесса выстроена и отработана до мелочей, ее не сокрушить никакими аргументами. Каждый, кто попал в жернова СИСТЕМЫ, безвозвратно погиб. Казалось бы. Но человек хочет жить. Это сильнее любой логики. Логика суда не устоит против желания жить.

Машина еще не включена, надо напрячься. Есть еще

возможность, надо только вспомнить заветное слово, оно ведь совсем рядом... надо только его вспомнить. И все закрутится в обратную сторону. Все скажут:

– Да, конечно, этого мы как раз и не учли, как же мы сами не подумали...

Вдруг ему показалось – он услышал совсем тихий голос Людвига: «Бойся, не бойся, а смерть у порога».

В момент включения машины Борис почувствовал одновременное прикосновение нескольких тысяч острейших иголок, ему показалось, что его тело вспыхнуло и загорелось.

Глаза КГ потухли. Он еще видел, как Вован и Димон, прильнув почти вплотную к его лицу, наблюдали за развязкой.

Услышал чьи-то слова: «Жил смешно и умер грешно». Последней его мыслью было: «Дураки, дураки, а эпитафию хорошую придумали. Правильней было бы наоборот: «Жил грешно и умер смешно». Но обдумать эту мысль он уже не смог, потому что ленту сознания отрезали, и отрезанный кусок остался где-то позади и пропал вместе с его земной прошлой жизнью. А сам он существовал теперь в каком-то другом мире, в другом пространстве. Шел по сиреневым лугам, почти не касаясь босыми ногами теплой степной травы.

«Все-таки я был прав, летящий болид разрушить не так легко. Что-то я, наверное, потерял. Но если потерял только вес тела, к примеру, это даже неплохо».

Неожиданно появились две женские фигуры – Марина и Галя. В ситцевых платьях, почти не закрывавших их красивые ноги. Галя совсем не хромала. Бежали ему навстречу. Улыбались и смеялись. Шахат и Машехит – ангелы смерти, как же я не понял с самого начала? Они знали все заранее и хотели помочь. Подготовить к переходу в

мир иной. Они ведь все-таки ангелы. Чудесные ангелы. А вот и друг их Давэр.

Куда меня ведут? Разве это так важно? Здесь тепло, красиво. И здесь точно нет СИСТЕМЫ. Руки короткие. Я знал, я верил... Из клетки, в которую они меня поймали, есть все-таки выход.

Хорошо было бы сообщить об этом в том мире. Он для меня теперь – «тот мир». Скольким людям это поможет упростить жизнь. Но я не смогу, мне не дано. Мой поезд ушел. Марина и Галя, вот эти могли бы, наверное. И даже лейтенант Редько. Но почему-то они не делают этого, им, возможно, не разрешается. Это тайна. Такое смог сделать только один человек. Восхитительный плотник. Он был против тайн. Он все знал и не побоялся сказать нам, что мы рождены для свободы. Призывал быть и оставаться свободными. И ничего не бояться. Потому что есть выход. Свобода внутри нас, сказал он. Но мы ему не поверили. Поверили тем, кто высказывал сомнения. И выбрали вместе с ними другой путь. Вот и построили новое рабство, которое назвали почему-то обществом «всеобщего благоденствия».

Неожиданно Борис увидел впереди своего старого знакомого – крепкого вихрастого парня в кепке, надвинутой на глаза, с сигаретой в руке. Как он сюда попал, этот сын председателя? Кто он на самом деле? Парень внимательно осмотрел группу сопровождения Бориса, затянулся, вынул сигарету изо рта, щелчком отправил ее в небо. Насмешливо подмигнул КГ, выразительно показал на свой лоб, на то место, где раньше у Бориса была наклейка. Отошел в сторону, освобождая дорогу, и внезапно исчез, словно растворился в теплом мареве летнего дня.

19

Борис проснулся. Сегодня его 27-ой день рождения.

Из-под откинутого одеяла рядом с ним видны вмятины на теплой еще постели. Рядом с ним совсем недавно кто-то был. На тумбе для белья лежит открытая книга – «Процесс» Кафки. Мрачная вещь – бррр, не стоит читать на ночь. Надо же, чтобы такое приснилось. Чего и Кафка не выдумал. Комната «торжествующей истины» – она одна чего стоит.

Из кухни донесся звонкий женский голос,

– Борька, вставай, поднимайся, шлемазл, хватит уже валяться. Завтрак готов. Мой подарок на твой день рождения.

«Клара, кто же еще? Конечно, это Клара!», – подумал Борис и спросил:

– И это тоже?

– Не поняла, разве еще что-то было?

– Девичья память, – все уже позабыто. Сегодня ночью... ты преподнесла мне... несколько... неплохих подарков.

– Хватит болтать, вставай, кофе остынет.

– А зубы почистить, а побриться?

– Вначале завтрак.

Борис надел халат, вышел в кухню. Осмотрел нехитрый завтрак на двоих, кофе, приготовленные два бокала вина. Обнял и поцеловал веселую, раздурманенную Клару.

– Девочка, ты не хочешь перебраться ко мне? Чтобы не мотаться взад-вперед. Насовсем, можно сказать.

– А с чего мне жить? Надо техникум сначала закончить, да и вообще...

– Между прочим, я неплохо зарабатываю. Откажись от клиентуры. Будем вместе жить. Нам хватит на двоих.

– Ну, ты, Боря, даешь. Переехать к тебе?

– Почему нет? Ты веселая, добрая. Мне нравишься. От

тебя никаких подлянок. И вообще... Завязывай-ка ты со свободной жизнью. Выходи за меня замуж.

– Ты хоть понимаешь, что говоришь? На таких, как я, не женятся.

– Дурочка, как раз на таких, как ты, и надо жениться.

Раздался звонок во входную дверь. Кто это может быть, Евдокия Прокопьевна, что ли?

У входа стояли двое – пожилые, полные, в помятых кожаных куртках и кепках.

– Кто здесь Кулагин Борис Илларионович? Пройдите в комнату – в эту, эту. Спальня? Значит, – в спальню. Вы арестованы. А вы, девушка, на кухню. У нас к вам нет претензий. Посмотрим документы и, скорей всего, отпустим.

– По какому праву? Кто вы? Ваши документы, ордер на арест...

– Для начала успокойтесь. И послушайте меня еще раз. Вы арестованы – вам же русским языком сказано, вы понимаете русский? А у арестованного нет никаких прав. Никаких гражданских прав. Поэтому спрашивать наши документы, ордер на арест и прочее вы тоже не имеете права. Здесь теперь все зависит только от нас. Пройдите в спальню и ждите, пока решается ваша судьба.

Шарапов Максим

Максим Эдуардович Шарапов родился в 1968 году в Москве. В 1985 году окончил московскую среднюю школу № 516 и в том же году поступил на филологический факультет Московского государственного педагогического института им. Ленина (ныне МПГУ им. Ленина).

Профессиональный журналист. Практически вся деятельность связана с информационными агентствами.

С 1997 по 2006 г.г. работал в информационном агентстве «Интерфакс» корреспондентом в пуле мэра Москвы.

С 2007 по 2013 г.г. работал в информационном агентстве «РИА Новости» на должностях корреспондента, руководителя московской редакции, заместителя руководителя информационной службы.

С 2014 года по настоящее время является главным редактором Регионального информационного агентства Московской области – РИАМО.

Лауреат премии мэра Москвы в области журналистики.

С 17 лет пишет стихи. Стихотворения опубликованы в нескольких литературных журналах. В 2007 году в Новокузнецке вышла книга стихов «По мотивам снов».

Писать прозу стал значительно позже. Рассказ «Нюрнбергский лабиринт» в 2015 году удостоен премии издательства «Подмосковье» за победу в конкурсе «Наша победа. Наша история. Наша память».

Дипломат

– Спасибо, Ирфан, – седой мужчина лет шестидесяти пожал руку невысокому смуглому арабу, – твоя информация может спасти нам жизнь.

– Я знаю, Евгений Алексеевич, – под черными усами мелькнула улыбка, – я уверен, всё еще не раз переменится, как часто бывает у нас на востоке...

– И тогда услуга, оказанная русскому послу... – продолжил за него собеседник. – Ирфан, ты не просто политик, ты – философ!

Похвала разъела пленку надменности в глазах восточного человека, и впрыснула родственную ей сладость собственного превосходства:

– Евгений Алексеевич, мы же оба понимаем, что вся эта уличная суета, – он кивнул за окно, – только инструмент в руках умных людей. Она схлынет и опять придет время спокойно и выгодно договариваться. Или вы не согласны? – он взглянул на задумавшегося посла.

– Согласен, – произнес посол и потер левой рукой свои крупные, начинающие обвисать щеки, – но, когда

попадаешь во власть этой, как ты говоришь, уличной суеты... Знаешь, когда человек захлебывается в штормовых волнах, ему сложно размышлять, что волны возникают не сами по себе, что их приводит в движение и земное притяжение, и луна. Они просто отнимут сейчас последний воздух и всё.

– А вы тоже философ! – засмеялся Ирфан, – только очень уж грустный. У вас еще есть время на хороший глоток воздуха.

– Ты прав, – Евгений Алексеевич шумно выдохнул, – и это время нам нельзя потерять.

– Конечно. Я уже уйду.

Посол открыл первую массивную дверь своего кабинета и взялся за ручку второй:

– А настоящий философ, Ирфан, – он посмотрел гостю прямо в лицо, – и не может быть веселым.

– Почему?

– Потому что ничего веселого там, где бродят его мысли, просто нет, – Евгений Алексеевич толкнул вторую дверь и, прихрамывая на левую ногу, вышел в приемную своего кабинета:

– Андрей Вадимович, – ему навстречу поднялся коротко стриженный мужчина, – вывезите нашего друга в город на своей машине. Только аккуратно.

– Конечно, Евгений Алексеевич, – ответил тот, – как обычно.

Ирфан пожал руку послу:

– И все-таки мы будем ждать вашего возвращения.

Они попрощались.

– Света, – посол посмотрел на секретаршу, следившую за каждым движением своего начальника, – собери всех в зале. Минут через двадцать. А пока соедини меня с Москвой и срочно позови ко мне Игнатова.

– Всех собирать?

– Да, всех. Нет, – он мотнул головой, – пусть кто-нибудь из мужчин понаблюдает за улицей.

Через некоторое время все люди, находящиеся на территории русской дипломатической миссии в северной африканской стране, начали собираться в самом большом помещении посольства. Дипломаты, их жены, несколько водителей, повар и консьержка, задержавшиеся в стране представитель российского оборонного предприятия, его помощник и трое детей, двое мальчишек, ровесников лет тринадцати и семилетняя девочка. Не пришел только сотрудник, который по просьбе посла остался наблюдать за движением снаружи. Последним в зал вошел Евгений Алексеевич.

Пока, двигая стульями, рассаживались, к послу подошла женщина:

– Женья, совсем плохо?

– Да, Зоя, плохо. Наши не успеют нас отсюда вытащить и выбираться придется самим. Ты садись, я сейчас все расскажу.

Посол остался стоять.

– Товарищи, – чуть закашлялся, – думаю, подробные рассуждения о том, что и по каким причинам происходит вокруг нас в этой аудитории ни к чему. Напряжение в стране чувствовалось давно, людей в разные стороны растаскивали и внутренние, и внешние факторы, и мы это прекрасно понимали. Но рвануло все очень резко и слишком уж организовано. Не бывают стихийные бунты такими логичными и в деталях выверенными. Поэтому сразу перейду к тому, что нам всем предстоит. За два дня повстанцы взяли под контроль две трети страны и половину столицы, и, что самое для нас плохое, все аэропорты. И ни нам, ни Москве не удастся договориться с ними о нашей эвакуации, а час назад стало понятно почему.

– Мама, я писать хочу! – сообщила вдруг на весь зал маленькая девочка.

– Настя, потерпи, – зашипела на нее застеснявшаяся мать.

– Мария Андреевна, – улыбнулся посол, – да, отведите вы ребенка в туалет. Писать даже на войне необходимо.

Женщина с девочкой пробралась между стульев и вышли из зала.

– Еще и дети с нами, – посол покачал головой, – съездили в отпуск к родителям, называется. Ладно, продолжим. Аэропорты закрыты и для наших самолетов их не откроют, потому что мы с вами задуманы как жертвоприношение. – Он замолчал и обвел зал мутными пожившими уже глазами. – Сильно я бы этому не удивлялся, мы и сами – часть серьезной игры, и не только светские рауты наша работа.

Зал раздула упругая тишина и где-то вдалеке стали слышны звуки выстрелов.

– Я умышленно говорю это при всех, – он посмотрел на мальчишек, – каждый должен понимать, что нам предстоит. А Настя, которая к нам сейчас вернется... Пусть для нее это будет просто игрой.

– Евгений Алексеевич, подробности известны? – спросил один из мужчин.

– Ты о том, как нас будут убивать? Не знаю. Но сегодня ночью, когда большая часть города окажется в их руках, на посольство случайно, – он неопределенно махнул в воздухе правой рукой, – нападет группа мародеров. Их задача не просто разграбить тут все, но и показательно пролить кровь...

– Как же так... – негромко сказал повар, – мы же все-таки дипломаты.

Один из мальчишек хмыкнул в заднем ряду.

– Я имею ввиду дипломатическая миссия у нас, неприкосновенность и все такое, – поправился повар. – Скандал же будет большой.

– А они, Петя, нас дипломатов отпустят, а тебя съедят! – сидевший рядом с поваром пресс-атташе посольства ткнул соседа в мясной бок, и тот вздрогнул как от электрошока.

Вокруг засмеялись, и вялые щеки посла тоже тряхнула улыбка.

– Грибоедова тоже убили! – выкрикнул с полудетской гордостью мальчишка, хмыкавший над поваром.

В зале опять раздался смех, а повар обернулся и недобро посмотрел на эрудированного малолетку.

– Раз смеемся, значит страх наши мозги еще не развел, – проговорил посол. – И это неплохо. Егор Трофимович, – посол обратился к повару, – не переживайте, они не будут разбираться, кто тут имеет дипломатическую неприкосновенность, а кто нет. А что касается громкого скандала, так его и добиваются. Показать России, кто хозяин в арабском мире, а заодно наших союзников запугать. Если с русскими дипломатами можно так поступить, то с вами мы вообще церемониться не будем. Показательная история и на мятежный хаос списать можно всё. Кто-то поверит в спектакль, но те, кому это послание адресовано – они поймут. Конечно, это срыв наших отношений с Западом в пике, но симметрично отвечать мы не будем, и это сейчас, видимо, устраивает.

– Евгений Алексеевич, – одна из женщин встала со своего места, – вы так спокойно обо всем этом говорите, смеетесь, как будто все это не по-настоящему. А между прочим смеркается уже и скоро стемнеет, а вы сказали ночью... И что тогда?

– Тогда и начнем действовать, – интонации в голосе посла огрубели, – а спокоен я, Елена Олеговна, потому что, во-первых, дипломат своих эмоций никогда показывать не должен, а, во-вторых, я знаю, что делать.

Головы людей в зале почти одновременно шевельнулись.

– Вы помните, наверное, что зданию нашему больше ста лет. Когда в середине двадцатого века здесь открывали еще советское посольство, дом этот подробно изучили и нашли подземный ход. Кто его рыл и зачем – не поняли, да и не старались, я думаю, но и замуровывать не стали. Решили – вдруг пригодится, – посол ладонью потер прикрытые веками глаза. – И не ошиблись, к сожалению. Информация эта передавалась только от посла к послу, чтобы не было утечек. И я бы вам ничего не сказал, если бы не особая ситуация. Тоннель ведет метров за сто пятьдесят и выныривает в тупиковом дворе на параллельной улице. Выход замаскирован под обычный канализационный люк, который, правда, снаружи открыть нельзя. Но здесь этим жизнь себе не сильно усложняют. Игнатов сегодня по этой подземной тропинке прогулялся, там все в порядке, даже электричество есть. Это, видимо, наши уже постарались.

– Там очень комфортно и сухо, – добавил Иван Николаевич, – и можно спокойно передвигаться во весь рост.

– А крысы там есть!? – визгливо спросила Елена Олеговна.

Иван Николаевич хотел ответить, что кроме вас, Елена Олеговна, не будет, но вовремя перешел на дипломатический язык.

– Я пока не заметил, Елена Олеговна, – и не удержался все-таки, – но могут и появиться.

– Это кошмар! – Елена Олеговна вскинула руки выше своей замысловатой прически.

Несколько голосов одновременно попросили Елену Олеговну прекратить! И она прекратила.

Посол молча досмотрел эту сцену:

– Через два часа, – Евгений Алексеевич переменял ногу, – как раз, когда стемнеет, наши местные друзья подгонят к выходу из тоннеля микроавтобус и внедорожник.

Места будет мало, ну, придется нам потесниться. Аэропорты, как я уже сказал, для нас закрыты, но совсем недалеко Средиземное море... – посол сделал паузу и посмотрел на своих подчиненных. – Правильно! – уловил продолжение своей мысли на некоторых лицах, – а там постоянно дежурят наши военные корабли. Полчаса назад я говорил с Москвой, один эсминец уже направляется к нашему побережью. Ближе он не подойдет, конечно, но они спустят небольшой катер, и он заберет нас в условленном месте. Это если коротко. Поэтому, – он перебил чей-то вопрос, – разговоры заканчиваем. Через час собираемся у меня в кабинете, лаз начинается именно там. С собой только документы, одежду, воду, бутерброды какие-нибудь. Дипломатов попрошу остаться, остальным – собираться.

Люди задвигали стульями, кто-то вполголоса заговорил. Через несколько минут рядом с послом осталось только одиннадцать человек.

– А вы что сидите? – Евгений Алексеевич взглянул на мальчишек, тоже оставшихся в зале.

– А мы уже взрослые, – один из них.

– Взрослые, – неожиданно согласился посол, – а сегодня, наверно, еще больше повзрослеете. Но я попросил остаться не всех мужчин, а только дипломатов. А вам еще предстоит помогать женщинам, когда будем прорываться к побережью.

Мальчишки по-прежнему сидели, вжавшись в свои стулья.

– Антон, – повернулся к мальчишкам один из мужчин, – идите, времени в обрез.

Мальчишки поднялись и понуро вышли из зала. Посол дождался, пока за ними закрылась дверь:

– Хороший сын у тебя растет, Павел. Мне искренне жаль, что твоя жена и Сергей с Настей не успели уехать.

Павел Васильевич покачал головой.

– Но мы постараемся всех спасти, – посол глазами встретился с Павлом, и обоим стало понятно, что они не очень верят в эту чудесную возможность.

– Коллеги, – посол разбросал взгляд по лицам сидевших перед ним мужчин, – план, который я сейчас так спокойно и уверенно излагал, на самом деле полная авантюра. Прорваться к морю без прикрытия, – он подвигал ртом, – шансов немного.

– У нас ведь оружие есть в посольстве, – сказал Иван Николаевич.

– Да, есть кое-что, – согласился посол, – но большинство из нас – люди гражданские, с нами женщины, дети и придут за нами профессионалы. К тому же оружие в наших руках, это лишний повод сказать, что стреляли не в безоружных дипломатов. В этой ситуации рассчитывать, что мы дадим какой-то серьезный отпор – просто мальчишество. Я, мужики, – посол взял свободный стул и сел рядом с остальными, – надеюсь на другое. Не вся страна еще в руках путчистов, и приморская часть как раз в меньшей степени, и карта боев очень рваная, как почти всегда при гражданской войне. Люди, которые нам будут помогать, хорошо знают свою местность и постараются вывезти нас еще не захваченными дорогами. Это длиннее, конечно, зато надежнее. – Он помолчал. – И для этого нам нужно десять часов. Десять часов надежды, что за нами не будет погони, надежды, что те, кто придут убивать нас в посольстве, не сразу поймут логику нашего бегства и не смогут моментально перегруппировать свои силы, чтобы перехватить нас по дороге.

Евгений Алексеевич опять замолчал и смотрел куда-то в сторону окна. Он молчал уже секунд пятнадцать, почти бесконечно в таком разговоре, но никто не решился спугнуть эту тишину. Все чувствовали, что посол

настраивается на какую-то особенную мысль, страшную и жестокую, и поэтому не спешит с ней расставаться, понимая, что высказанная, она изменит все вокруг.

– Нам нужен человек, который отвлечет на себя наших убийц, – мысль превратилась в слова, которые проникли в сознание слушавших его людей. – Я уверен, если мы этот отвлекающий маневр не предпримем, никаких шансов спастись у нас не будет. А так они появляются, небольшие, но все-таки.

Проникшая в сознание людей чужая мысль начала жить своей, не подчиняющейся человеческой воле жизнью, и размножалась с безумной скоростью, как планктон в океане.

Размножалась эта мысль у каждого по-разному. Пресс-атташе подумал, вдруг, что и повар, и водители и застрявшие здесь оборонщики, они тоже мужики. И ему стало противно от этой излишне самостоятельной мысли, а потом очень приятно, что он её не произнес. А еще он тихонько обрадовался, надеясь, что на него выбор вряд ли падет, потому что по природе своей был очень субтилен. «Соплём перешибить можно», говорила за его спиной Елена Олеговна и эта бесившая его комплексы фраза, на которую он никогда не мог ответить, потому что лично ни разу не слышал, теперь делала его душу смелее.

Но в каких бы направлениях не разбегались мысли оставшихся с послем людей, все они понимали, что сейчас, всего за несколько минут, им предстоит выбрать и отправить на смерть сидевшего рядом человека, своего коллегу, с которым еще вчера могли играть в русский бильярд в подвале посольства или пить местное вино в соседнем баре.

Пресс-атташе взглянул на посла:

– А что должен делать этот человек?

– Я думаю, – посол не смотрел на пресс-атташе, – он должен как можно дольше поддерживать видимость

нашего присутствия в посольстве: яркие открытые окна, музыка, заведенные машины с зажженными фарами во дворе. Может быть, говорить что-то невидимым собеседникам, громко хлопнуть дверцей автомобиля. Что-то такое, напоминающее реальную жизнь. Вряд ли они сходу в посольство сунутся, им тоже нужно присмотреться, а значит, мы выиграем некоторое время. А потом... Потом он попробует сесть за руль нашего посольского автобуса с тонированными стеклами и попытается вырваться в город. И тогда, если они решат, что в посольстве есть еще люди, наверное, могут автобус и отпустить... – посол дернул правой рукой, из-под белого манжета с яркой синей запонкой, показались часы. – Ничего хитрее за оставшиеся сорок минут уже не придумать, а главное не реализовать.

Павел Васильевич слушал посла, с логикой которого был согласен, и думал о своей Насте. Такая подвижная, с большим улыбающимся ртом, она была самой главной энергетинкой в их семье. От нее постоянно исходило какое-то движение, вовлекавшее в себя и всех остальных, движение, которое уже раздражало повзрослевшего брата и утомляло маму. Он услышал, как несколько человек начали яростно спорить с послом, чего никогда не случалось в обычной рабочей обстановке. Евгения Алексеевича убеждали в том, что этот отвлекающий маневр – ерунда, что ничего он не даст и только человек зря погибнет страшной мученической смертью...

Привезти детей на каникулы жену убедил сам Павел Васильевич: хотелось показать древний арабский мир старшему сыну и просто потискать дочку, по которой ужасно соскучился. Все поступавшие к ним данные шептали, что резкое обострение в стране, конечно, готовится, но начнется только через полгода, не раньше. А вышло, что сами дипломаты, и люди из разведки, которые работали

вместе с ними «под крышей посольства», яростный крик переворота дружно прозевали. Жажнуло все позавчера, в один день. Их просто обыграли на этот раз, без чего тоже нельзя прожить.

– Ему или голову отрежут, или сожгут заживо! И бесконечные пытки! Вы же сами это прекрасно знаете! – долетал до Павла Васильевича голос советника-посланника. – Вы сейчас заставляете нас совершить насилие над личностью этим выбором! – усиливал голосовые вибрации Климент Борисович.

В их служебной иерархии Климент Борисович был вторым после посла человеком и выделялся среди всех, о чём сам любил напоминать, неформальным отношением к жизни. Он, например, терпеть не мог официальные костюмы, в которые его регулярно загоняла работа, и по вечерам нередко выезжал из посольских ворот на велосипеде, крутя педали торчащими из шорт голыми загорелыми ногами. «Свободу нельзя запереть в привычки, даже общепризнанные», смеясь повторял Климент Борисович, и во время этих оздоровительных прогулок нередко навещал колоритных местных женщин, о чем знали в дипмиссии многие.

Казалось, что личная свобода вообще была для Климента Борисовича какой-то больной темой. Он постоянно ввинчивал её в свои долгие мутные рассуждения, которые, несмотря на декларации о презрении традиций, даже не пахли свежестью мыслей. Но чтобы долго говорить ни о чём, Павел Васильевич давно это понял, мысли, как правило, вообще не нужны, поэтому в своем ремесле красиво и правильно выступать на официальных встречах и приемах Климент Борисович мастером был незаменимым. И дарованием этим в посольстве нередко пользовались, хотя за глаза и называли советника Рудиментом Борисовичем.

Как-то в неофициальном приятельском разговоре подвыпивший Павел Васильевич сказал заговорившему опять о свободе личности Клименту Борисовичу, что если следовать его логике чистой свободы, то и последняя блядь, причем не только в значении гулящей женщины, является просто совершенно свободной личностью, независимой от всех обязательств и приличий. Советник от такой дерзости захлебнулся весь в не ясных словах, потом бросил кий на стол и вышел из бильярдной. А уже на следующий день перешел с Павлом Васильевичем на исключительно деловые интонации, что было не сложно, учитывая его более высокий статус в посольстве.

– Да, – опять донесся до Павла Васильевича голос посла, – скорее всего, так и будет. И пытаться будут, и убьют! Но, думая о свободе и жизни этого человека вы, Климент Борисович, почему-то не вспоминаете про остальные тридцать восемь жизней! – посол весь покраснел и закашлялся. – Удивительная традиция, до истерики заботиться о конкретной личности и одновременно плевать на миллионы, и рудиментом вы ее не считаете!

– Это все метафоры, Евгений Алексеевич, давно уже скучные, – начал закручивать свои витиеватости Климент Борисович, но посол его перебил:

– Не метафоры это, самая реальнейшая жизнь! И пытки, на этот раз, бесконечными не будут. У того, кто останется, будет редкое для таких ситуаций преимущество: право через десять часов с чистой совестью рассказать всю правду и пытки оборвать...

«Оборвать пытки смертью и считать это счастьем, какая дикая в обычной жизни мысль, – думал Павел Васильевич. – А как посол вернул ему про рудимент! И не случайно ведь, знал, что в коллективе его заместителя так и зовут. Евгений Алексеевич сам Павлу про это сказал в

одном долгом личном разговоре, который состоялся у них наедине месяца два назад, и о котором Павел Васильевич вспоминал каждый день».

Павел Васильевич сделал тогда самый успешный свой дипломатический поступок, вернул домой российскую подданную, которую рассерженный поклонник не хотел отпускать на Родину. Точнее уговорил ее вернуть. Три с половиной часа проговорил с бровастым арабским красавцем, собиравшимся зарезать русскую женщину, самый трудный разговор в его жизни, и уговорил, без всяких даже условий. Похититель учился в Петербурге и любил русскую поэзию, особенно Гумилева, которого хорошо знал и Павел Васильевич.

На третьем часу потного от напряжения и жары разговора они начали цитировать друг другу любимые строчки, и Павлу Васильевичу удалось убедить его на время, что познание Вселенной через философское настроение гораздо достойнее и даже круче, чем убийство заблудившейся женщины, разочаровавшейся в арабской романтике.

Правда, через пять минут философскую благодать с неудавшегося мужа сдуло вихрем эмоций, и он бился о землю и кричал, что этот русский его обманул и женщину его похитил. Но было уже поздно: перепуганная девушка, совсем девчонка еще, плакала на плече у Павла Васильевича, который вез ее в посольство на заднем сидении дипломатической машины. Водитель иногда поглядывал в зеркало и видел, как слезы оставляют влажные следы на темно-синем костюме молодого дипломата. А Марина, чередуя слова и всхлипы, все признавалась какая она дура, что, поругавшись со своим парнем, поехала с подругой на курорт и тут поддалась яркому соблазну, а потом, когда всё поняла...

Павел Васильевич отдал ей свой носовой платок и говорил изредка какие-то утешающие слова, а сам думал, что

эта молодая женщина по своей глупости не только чуть не погибла, она еще едва не предала свою веру и весь свой внутренний мир, потому что там, где Павел Васильевич сейчас работал, и вера, и мировоззрение были совсем другими.

– Предательство – один из механизмов развития, – сказал посол и допил коньяк из пузатого бокала.

Павел Васильевич удивленно посмотрел на Евгения Алексеевича, но тот сделал вид, что пронзительного взгляда не заметил.

– Если очень внимательно приглядываться к этому явлению, – посол крутил в пальцах бокал, – можно и это в нем рассмотреть, как рассмотрели в молекуле атомы, а потом и еще много чего в самом атоме. А это значит, что при таком детальном взгляде и однозначной оценки предательства часто быть не может, слишком много разных факторов, – Евгений Алексеевич качнулся своим телом в большом кожаном кресле, наклонился к столу, обнял ладонью матовое стекло коньячной бутылки и снова наполнил бокалы.

Евгений Алексеевич и Павел беседовали вдвоем уже больше часа. Посол сам пригласил Павла Васильевича на это неформальное распитие через пару дней после освобождения русской девушки: захотел поближе познакомиться с молодым удачливым дипломатом. В гостиной рядом с его кабинетом уже были приготовлены коньяк и закуски: дольки лимона и овалы сырокопченой колбасы, маслины, сыр и орешки. Не обед, не ужин, а именно закуска.

Такое внимание посла было приятно, но очень ответственно. Евгений Алексеевич был дипломатище опытный и каждое слово, прежде чем произнести, взвешивал на языке. А еще он любого мог втянуть в откровенную, почти интимную беседу и разговорить его до гола, оставаясь при этом изысканно одетым.

Павел Васильевич об этой способности Евгения Алексеевича уже знал и раскрываться решил только симметрично, шаг за шагом, в их случае глоток за глотком. И посол эту его стратегию понял, улыбнулся в свои мясистые щеки и поддержал разговор, когда Павел поделился своими мыслями о едва не случившемся предательстве Марины.

– Получается, в каких-то случаях предать можно, а в каких-то нельзя? – Павлу Васильевичу не нравилась мутность формулировок, хотелось услышать ясный конкретный ответ.

Евгений Алексеевич помолчал:

– На прошлой неделе, слышали, наверное, наш высокопоставленный дипломат в США перебежал к ним...

Павел Васильевич кивнул.

– Я неплохо знал его, – посол наклонился к столу, не обращая внимания на лежавшие рядом пластиковые шпажки, взял двумя пальцами дольку лимона, положил в рот и начал разжевывать. – На совещаниях в Москве мы встречались, несколько раз даже выпивали вместе. Умница, тончайший стратег в нашей работе, о стране всегда говорил так спокойно, без масляного патриотического пафоса, но чувствовалось, понимает, что такое Родина. Помните супругов Розенбергов? – Евгений Алексеевич неожиданно перескочил на другой континент.

– Которые помогли Советскому союзу украсть схему атомной бомбы?

– Они самые. Их потом казнили на электрическом стуле за это предательство. Их документы помогли ускорить работы над нашей собственной бомбой и, возможно, предотвратили ядерный удар США по Союзу, который разрабатывался вполне серьезно. Розенберги тогда не нас спасли, они своим предательством планету защитили от кошмарной катастрофы. И эта общечеловеческая мысль стала

главным мотивом их поступка. Но в глазах американцев они – предатели.

– То есть, Вы хотите сказать, что и этот наш, – Павел почувствовал, что начинает хмелеть, – перебежчик, тоже не предатель?

- Почему же? Предатель, конечно.

Логическая нить в голове Павла Васильевича начинала путаться и послу это, похоже, пришло.

– Я про Розенбергов вспомнил потому, что у каждого незаурядного предателя, когда не за деньги продают, не за виллу на побережье, не под пытками, должен быть свой особенный мотив. Этим мотивом, кстати, очень любят поигрывать спецслужбы, вербуя свою агентуру. И общечеловеческие ценности, выходящие за рамки национальных государственных интересов, очень у них популярны. – Евгений Алексеевич пощекотал пальцами правой руки деревянную ящерицу, вырезанную на подлокотнике его кресла. – Так вот, у каждого из этих обязательно должен быть мотив, идея, которая позволит ему не считать самого себя предателем. Это очень важно, без этого и предательство для таких людей, скорее всего, невозможно! Потому что они прекрасно понимают, насколько предательство само по себе гнусно и что любой изменник, в конце концов, не нужен не только тем, кого он предал, но и тем, к кому перебежал, а главное и самому себе. Если такой мотив находится, приживается в душе, человек расчищает заминированное самодействием моральное поле. Тогда с этим хоть как-то можно жить. Евгений Алексеевич вытер пальцем случайную коньячную каплю на поверхности стола.

– Я почти уверен, что примерно так размышлял и наш бывший дипломат. Он должен был подвести какую-то монолитную философскую плиту под свой поступок, прежде чем его совершить. Не мог по-другому. Предать просто из-

за обиды, злости, неполученного назначения... Нет, слишком мелко для него. Он должен был выстроить стройную систему оправдания внутри себя, чтобы себя самого убедить, не предаст он, нет, наоборот делает важное и благое дело.

– Я всё равно не понимаю, как можно вот так взять и изменить! – Павел Васильевич заговорил громче обычного.

Евгений Алексеевич молча покивал, поднял свой бокал и глотнул коньяка. Выпил и Павел. Он старался не частить, не опережать посла, но ему всё равно казалось, что собственная трезвость выветривается быстрее.

– Знаете, – снова заговорил Евгений Алексеевич, – когда многое упрощаешь, жить, конечно, становится легче... Только в нашей работе это упрощение, это обесцвечивание, размывание всех деталей в черно-белое единство просто недопустимо. Иначе, какие же мы дипломаты? Да и союзники в политическом мире меняются как погода, быстро и часто непредсказуемо. Та же Франция, например, в бывшей колонии которой мы с Вами сейчас пробуем французский коньяк, в разное время была и нашим союзником, и антагонистом, и воевала против нас. С немцами у нас вообще была самая страшная в истории война, а теперь интересы наших народов в Европе гораздо ближе друг другу, чем интересы русских и американцев, когда-то воевавших вместе против германцев. Вы же понимаете, о чем я говорю?

Павел понимал.

– Да что про геополитику вспоминать, – оживился Евгений Алексеевич, – вы сами-то два дня назад что с этим арабским парнем сделали?

– Убедил его, – подумав, ответил Павел Васильевич.

– Убедили!? – посол лукаво заулыбался. – Надолго ли?

– Не-е очень, – согласился Павел.

– Да Вы просто развели его, предали другими словами!

– Что значит предал!? – возмутился Павел Васильевич.

– А как же! – настаивал Евгений Алексеевич, – отвлекли его внимание философскими рассуждениями, стихами расслабили и выкрали возлюбленную!

Павел Васильевич вспотел под пиджаком. Он, конечно, воспользовался минутной переменой в сознании этого жениха, и девушку выхватил как раз в этот момент, но рассматривал свой поступок исключительно как спасение человека и о собственном предательстве вообще не задумывался. Да и как он мог предать этого чужого ему мужика, которого видел первый раз в жизни! А тут Евгений Алексеевич, ловко подменяя понятия, выставлял его, Павла, чуть ли не предателем потенциального убийцы!

Павел Васильевич задохнулся весь перед решительным отпором. Но, заметив его смятение и предвосхитив желание защититься, посол быстро продолжил:

– Конечно, Вы вкололи ему инъекцию своих философских мыслей, заставили ненадолго поверить в них, а потом сразу же... Правда, – он жестом заткнул скопившиеся во рту у Павла слова, – одновременно с этим Вы спасли другого человека, нашу подданную. Её Вы не только не предали, Вы и ей самой предать не позволили! И это здорово! Но чувствуете, какой тонкий парадокс вдруг возникает?

Павел Васильевич почувствовал, что парадокс этот в сочетании с настоявшимся в дубовых бочках алкоголем перемешивает его мозги, не дает сосредоточиться. Всегда считавшийся мастером утонченных споров, он и в беседе с послом с удовольствием вкручивал себя в штопор незаурядных рассуждений, но сейчас всё больше проваливался в какую-то интеллектуальную западню.

– Давайте выпьем за Ваш успех! – посол поднял свой бокал и улыбнулся Павлу Васильевичу.

На столике у окна зазвонил внутренний телефон.

Евгений Алексеевич извинился, тяжелою поднялся из кресла и прошагал к аппарату:

– Слушаю, – помолчал немного. – Хорошо, завтра в 11:30, – и положил трубку.

Постоял спиной к Павлу, потом повернулся:

– Помните, как там у Николая Семеновича:

*Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь,
Но молчи, несравненное право
Самому выбирать свою смерть.*

– Он, кстати, сам её и выбрал, свою смерть. Давайте выпьем за Гумилева, удивительный был человек! За него и за поэзию! – Евгений Алексеевич вернулся к столу и наполнил оба бокала на две трети. – И до дна, потому что настоящая поэзия такое поднимает из глубины нашей души, чего мы и сами часто в себе не замечаем, – и, проследив, как Павел Васильевич осушил свой бокал, сделал из своего только глоток.

– А кого еще из русских поэтов Вы любите?

– Тютчева люблю, Пастернака, Бродского... – пробурчал Павел и подумал, а не предал ли его сейчас Евгений Алексеевич, предложивший выпить за поэзию до дна, и тут же выпивший за нее только один небольшой глоток.

– А замечали, что с возрастом разные поэты воспринимаются по-разному? Что по молодости кажется совершенным, к тридцати нередко тускнеет, а казавшееся до этого скучным и не очень понятным, распахивается на встречу великими открытиями, – посол смотрел на Павла Васильевича.

– Пожалуй, – покачал всё больше хмелевшей головой Павел.

– А не предательство ли это по отношению к поэту,

которого вы обожествляли в юности, к тем мыслям, которыми восхищались в восемнадцать? Вы же эти мысли теперь считаете простоватыми, они Ваши эмоции миксером не взбивают.

Павел соорудил на лице протестную мимику.

– Предательство, предательство, не спорьте, – урезонил его Евгений Алексеевич, – но без этого предательства не случилось бы движения в Вашей душе, Ваша личность оставалась бы примитивной.

– Это всё очень как-то сложно, – выдавил из себя Павел Васильевич и съел кубик сыра, подумав, что для равновесия сознания ему сейчас очень не хватает холодца какого-нибудь или картошки с грибами.

– Вот, вы со мной уже и соглашаетесь, милый Павел Васильевич, – заулыбался посланец. – Да и что собственно такое это самое предательство, измена, то есть? Даже сам корень слова измена подсказывает, что это изменение, изменение чего-то, изменение, крайняя форма которого становится предательством. Но где эта грань между изменением, без которых умный человек, в принципе, прожить не может, и изменениями, превратившимися в предательство, которое почти всегда это внутреннее развитие уничтожает, вытравливает?

– Изменение и измена – разные понятия! Нельзя их сравнивать! И почему некоторое охлаждение к прежним кумирам нужно обязательно называть предательством? Можно подобрать и другие термины, – собрался Павел Васильевич.

– Подобрать можно, только суть не сильно изменится.

– У меня такое ощущение, – Павел Васильевич поджал нижнюю губу и устремил на посла своё пьяное, теряющее осмысленность лицо, – что Вы оправдываете предательство и даже наслаждаетесь этим!

– Нет, – усмехнулся посол, – просто я, по Вашей же просьбе, раскладываю черно-белое на разные спектральные цвета.

Павел Васильевич не очень помнил, что просил Евгения Алексеевича о чем-то подобном, но это было уже не важно. Он быстро раскисал, как забытый на весеннем солнце снеговик, и мечтал теперь только об одном, побыстрее завершить эту мучительную беседу:

– И много у Вас таких тем для препа-ари-ирования? – звуки сорвались с привычной траектории.

– Не может быть таких тем много, – Евгений Алексеевич опять подлил Павлу коньяка, – мозг не справится. Лопнет просто...

Очнулся Павел Васильевич от прохлады на лбу. Открыл глаза и постепенно понял, что лежит в своей кровати, и что голова болит очень сильно, как редко вообще болит.

– Мама, мама! – услышал он голос своей Насти, – папа глаза открыл и замычал!

– М-мм, – запротестовал Павел Васильевич, – кто тут мычит, что ты выдумываешь, – произнес охрипшим голосом.

– Дочь-то всё правильно подмечает, – к постели подошла жена, присела на край: – Ну, здравствуй.

– Привет. А сколько времени, я работу не проспал?

– Проспал, конечно! – радостно подтвердила жена.

– Как!? – Павел приподнялся, на лицо сползло влажное полотенце.

– Лежи уж, – жена легонько толкнула его в плечо, – наш мудрый Евгений Алексеевич предвидел твое состояние и еще вчера вечером дал тебе отгул, видимо, на осмысление твоего поведения. Ты вчера ему ничего лишнего не наговорил? А то, может быть, уже и вещи пора собирать?

– Ох! – Павел Васильевич протер лицо прохладным полотенцем и откинулся на подушку. – Не важно что-то себя чувствую.

– И с чего бы это? – жена, наслаждаясь поводом поиронизировать, встала с кровати и вышла на кухню.

Павел прикрыл глаза. Чем вчера все закончилось? Сначала общие темы, потом про освобождение Марины, потом... Предательство! Точно, долгий странный разговор про предательство. Измена, изменения. Чего он хотел от меня?

Павел Васильевич всегда искренне уважал Евгения Алексеевича, не за должность уважал, за поступки. Посол мог не только сложные переговоры вести, но и на опасную встречу с непредсказуемой концовкой поехать. И предательством от него никогда не веяло. А тут вышла какая-то многозначная беседа. И литературу припшел, и даже Христа...

Уже в самом конце разговора, когда встали и даже руки пожали, Евгений Алексеевич опять вернулся к теме изменений и вбросил в помутневший мозг Павла короткую фразу:

– А предал ли Бог своего сына, отправив на крест? Не задумывались? – посмотрел пристально. – Или вечность для него открыл... – повернулся и, не торопливо прошагав по гостиной, скрылся за дверью, которая вела в его кабинет.

Жена вернулась и принесла стакан с мутной жидкостью.

– Что это?

– Лимонный сок с сахаром. Пей, переговорщик!

После успешного спасения Марины Павел немного похвастался перед женой, назвал себя талантливым переговорщиком и теперь получил своё зазнайство обратно.

– Мама, а папа у нас заболел? – приоткрыв дверь, в комнату опять заглядывала дочка.

– Папа просто много работал и устал. Иди к себе, не мешай ему отдыхать.

– Работал? А почему тогда противным вином от него пахнет!?

Жена отвернула от дочери смеющееся лицо, хитро взглянула на мужа: получи ещё за своё пьянство. Сказала вслух:

– Настя, не говори глупостей. Закрой дверь и почитай книжку!

– Книжку я почитаю, мама, не переживай. А ты, папа, поправляйся, – Настя тихонько прикрыла дверь.

Павел Васильевич лежал в комнате один, во рту приятно пощипывало лимонная кислотка. Давно он так не напивался, и ничего ведь не предвещало. Похмелье противно вытягивало силы, делало сознание вялым и непослушным, а тело слабым и ленивым. «Это я себя обычного и бодрого предаю...», подумал он.

Неприятное послевкусие осталось после вчерашней встречи. Посол его переиграл, легко и красиво. Павел Васильевич, хоть и готовился к встрече, но не смог сдержать ни алкогольного удара, ни философского. А непрошенным отгулом как элегантно поставил на место! Всё просчитал и пристыдил, заранее простив за прогул, который сам же и спровоцировал. А как же: передал через секретаршу жене своего сотрудника, что у Павла отгул, и жена не стала будить похмельного мужа.

Сам же Евгений Алексеевич еще вчера согласился на какую-то встречу в 11:30, то есть, в себе был уверен. Еще одна канцелярская кнопка в самолюбие Павла Васильевича.

Павел посмотрел на часы, они показывали первый час. Вот же... А зачем он сделал измену главной темой нашего разговора? Неужели не ясно, всё что угодно, только не измена, потому что предательство – это мрак души.

Павел поморщился и неожиданно вспомнил свою первую жену. Это была юношеская влюбленность, страсть,

путешествие в другое, женское тело. Первое желание попробовать взрослой семейной жизни. Они тогда целыми днями валялись в постели, между этим немного учились и подрабатывали, покупали тарелки и салфетки на кухню, коврик в коридор, и она мечтала о свадьбе, а он мечтал о новом совокуплении и ради этого соглашался с ее мечтами о фате.

И они сбылись. Была и фата, и полный ресторан гостей, и пьяные песни, и грустные глаза его отца, уже тогда всё понимавшего. И уже месяца через три, когда запахи ее тела перестали заслонять весь остальной мир, он начал понимать, что она не очень умна, что ее интересы – это только шмотки и пустые бесконечные сериалы, что в перерывах между оргазмами ему уже не о чем с ней поговорить. И тогда он начал готовить ее к разводу, постепенно, делая их отношения сложными, а иногда и просто невыносимыми. «Я уже отдал ей все, что мог, – убеждал себя Паша. – Все самое важное, искреннее между нами исчезло, распалось на пустые слова и мелкие обиды. Предать совершенно нечего».

И все-таки он ее предал, изменил ее надеждам на спокойную семейную жизнь, на летние пляжные выходные, на разговоры с подругами о «своём». Павел Васильевич поворочался в кровати. На днях он взял с прикроватной тумбочки сына знаменитую книгу, «Всадника без головы», которой тот сейчас зачитывался, и от которой сам Павел в его возрасте оторваться не мог. Полистал и положил на место: как давно он ее перерос.

И получалось, что вся наша жизнь состоит из таких маленьких, часто едва заметных, предательств, которые и нам прощают, и мы сами себе с удовольствием прощаем. И так выходило, что Евгений Алексеевич был как-то неприятно прав. С ним очень не хотелось соглашаться, но и опровергнуть его

никак не получалось. Посол набросал в голову Павла Васильевича всяких мыслей, и они теперь без спроса лезли и лезли, и подтверждали чужую обидную правоту.

Вспомнилась опять и первая подлинная любовь, порвавшая в клочья все привычки и правила, эти несколько месяцев сумасшедшего счастья, и тот самый день, когда она, в очередной раз позавтракав с ним, сказала вдруг с улыбкой, что уже любит другого, а потом поцеловала в щеку и просто ушла, покачивая короткой клетчатой юбкой. Было очень больно, но благодаря ее предательству неожиданно начали писаться стихи, а самое главное, и в чужих стихах открылся огромный удивительный мир. И это открытие постепенно притянуло к себе горьковато-грустное чувство, без которого невозможно прикоснуться к чему-то самому важному.

– Давайте выбирать уже, – Иван Николаевич перебил споры. – Время сжимается.

– И кто же, по-вашему, должен стать этим самоубийцей!? – поинтересовался Климент Борисович.

– Есть два варианта: или доброволец, или Евгений Алексеевич пусть назначает. Лично я готов остаться.

– Bravo! – театрально хлопнул в ладоши Климент Борисович.

– Нельзя Вам, Иван Николаевич, – сказал посол. – Это ваши люди будут нас отсюда вытаскивать, Ваше отсутствие может вызвать у них непредсказуемую реакцию. Еще добровольцы есть?

Все молчали.

– Мое решение примете?

- Примем! – прозвучали сразу несколько голосов.

Климент Борисович закинул ногу на ногу, негромко сказал:

– Хороший повод свести счеты.

– Зато, какая свобода внутри раскроется, когда нечего будет терять, – откликнулся кто-то за его спиной.

Посол отпустил спинку стула, на которую опирался руками, и выпрямился:

– Павел, – он посмотрел на Павла Васильевича, – я считаю, что лучше тебя с этим никто не справится...

Ошарашенный Павел смотрел в тяжелые живые глаза посла.

– Я?

– А я сделаю все, чтобы твоя семья добралась до дома.

Все рассматривали Павла Васильевича, как совершенно незнакомого человека, впервые появившегося в здании посольства.

– Ну, решили, так решили, – Климент Борисович шаркнул стулом и встал первым. – Времени и, правда, в обрез. Пора, – сказал бодро и направился к выходу.

За ним потянулись и другие, пресс-атташе похлопал Павла по плечу, сказал что-то, а Павел Васильевич и посол все смотрели друг на друга.

– Станный выбор, не кажется Вам? – спросил один из дипломатов Ивана Николаевича, пока они спускались по широкой лестнице на первый этаж.

– Почему странный?

– Не похож Паша на героя, да и двое детей у него.

– Не только у него дети.

– Да, но его дети здесь рядом. И жена. Есть же и одинокие среди нас. Я вот, например.

– Так что ж не вызвались?

– Я?

– Ну, да, – посмотрел на него Иван Николаевич.

Собеседник пожал плечами.

– Евгению Алексеичу, наверное, виднее.

– Тогда и удивляться нечего.

Павел Васильевич сидел за рулем посольского микроавтобуса. Водительская дверца была открыта, фары выхватывали из наплывшей темноты внутренний дворик, большую уличную вазу с цветами, ствол пальмы, часть забора с металлическими воротами. В руках он держал бутылку водки, из горлышка которой иногда отпивал маленькие глотки. В посольстве был, конечно, и коньяк, и виски, и текила, но сейчас захотелось чего-то родного.

Его жене сказали, что Павел просто останется в арьергарде, сейчас прикроет дверь за всеми и догонит. В последние минуты он прижал к себе сына, поцеловал в губы жену, поднял на руки Настёну.

– Я вас скоро догоню, не бойтесь, – сказал Павел, заметил, как жена на него смотрит, догадался, что через мгновение она всё поймет, и быстро ушел.

Потом, когда шаги в подземелье стихли, он закрыл потайную дверь, завесил ее восточным ковром, придвинул шкаф. Постояв у окна, прислушался к шуму на улице: звуки канонады были все еще далеко и даже не заглушали пение птиц в кронах деревьев и разговор трех полицейских рядом с посольскими воротами. Интересно, полицейских тоже убьют или отпустят?

Павел прошелся по кабинетам опустевшего здания, кое-где зажег свет, поправил шторы, в двух местах открыл окна и включил телевизор. Он мог, конечно, и отказаться, и никто бы его за это не осудил. Но, взглянув тогда в глаза посла, он подумал сразу о том, что своим отказом изменит и своей жене, и своим детям. И Павел согласился обмануть их, чтобы остаться здесь и попытаться защитить. Это решение сложилось в нем моментально, чему помогла, возможно, и прививка, сделанная Евгением Алексеевичем в том самом разговоре. Естественная мысль о самосохранении проникла в сознание Павла Васильевича только сейчас.

Он сделал еще глоток. Прошло пятьдесят две минуты. Наверное, они уже едут к побережью.

Павел Васильевич постепенно погружался в легкую эйфорию. В его голове сооружалась какая-то удивительная пустота, из которой выпорхнули все бытовые мелочи, все лишние обязательства, вообще вся повседневная чепуха. И в этой освободившейся от сорняков живой пустоте поперли с необычайной силой последней радости мысли о бесконечности пространства, о времени, которое невозможно сейчас поторопить, о смерти и бессмертии, о Боге, и о Евгении Алексеевиче, так неожиданно пославшем его на это испытание.

Павел вспомнил, как посол в разговоре с ним назвал измену под пытками тоже заурядным предательством. Неужели он и правда так считает? Выдержать пытку, тем более изощренную и долгую – удел избранных, и Павел честно себя к их числу не относил. Еще в юности, читая книжки о героях, он представлял, как будет вести себя в плену и сначала категорически думал, что не предаст ни за что! Но чем старше становился, чем больше узнавал жизнь, тем сложнее было на эту тему фантазировать.

И тогда мысли о преодолении страшных истязаний постепенно сменились рассуждениями о том, как этих пыток не допустить или, в крайнем уж случае, побыстрее оборвать. И, насмотревшись фильмов, он убедил себя, что всегда сможет плюнуть кровавой слюной в лицо их главарю или пнуть его ногой в пах, спровоцировать свою достойную смерть и никого не выдать. Убедил и больше про это старался не думать.

Павел посмотрел на часы: красные электронные цифры на панели микроавтобуса отсчитали уже один час и двадцать девять минут спасения. Сколько он сможет продержаться, когда они захватят посольство? Час, два? А может

быть всего несколько минут? Павла передернуло, живая пустота внутри стала съёживаться, и он сделал большой горький глоток из бутылки. Отпустило. Евгению Алексеевичу уже за шестьдесят, он почти в два раза старше. И он, конечно, тоже представлял себя в руках изуверов. Почему он считает предательство под пытками заурядным!? Почему!? Или знает способ их избежать? Редкое преимущество оборвать пытки через десять часов, вспомнил Павел слова Евгения Алексеевича.

Уже через 8:17. Он опять взглянул на красные цифры и взял в руки пистолет, лежавший на соседнем сидении: новенький, ни разу еще не стрелявший. Покрутил его, передернул затвор, вынул обойму... Чем позже они ворвутся, тем больше у него шансов продержаться, спасти свою семью и всех остальных. Часа два он попробует вытерпеть.

Павел резко щелкнул обоймой, возвращая ее на место, и противно прищемил кожу на ладони левой руки. А если они вообще не появятся! Да, просто не придут и всё!

Эта неожиданная мысль сразу выбила из него все остальные. Выбила, как удачно прокатившийся по дорожке боулинга тяжелый шар выносит иногда все кегли. Он смотрел на то, как раздавленная полоска кожи начинает синеть. Может же такое случиться!? Источники ошиблись или просто ситуация изменилась. Да все что угодно!

А что он будет делать, если они не ворвутся в посольство? Что будет делать один в охваченной восстанием чужой стране, без связи, без контактов, без денег? В горячке эвакуации никто об этом и не подумал: и даже Евгений Алексеевич, Евгений Алексеевич, умевший просчитывать каждый свой шаг!..

И тут одна из кеглей вернулась на место, и это было южное летнее утро, железнодорожный вокзал курортного города. Им было тогда чуть за двадцать, обыкновенная

студенческая компания, вырвавшаяся на каникулы к морю. Они стояли в тени деревьев рядом с вокзальной площадью, ждали рейсовый автобус на побережье и пили вино. Домашнее виноградное вино, купленное здесь же у местных бабушек. Ничего особенного, никаких ярких впечатлений: пыльная, суетливая площадь, не запоминающиеся разговоры, простенькое вино из пластиковых стаканчиков, душный неповоротливый автобус, выбирающийся из узких улиц на шоссе. Такое глупое пустое воспоминание...

Он чувствовал во рту кровь, много крови. Всё лицо Павла, и нос, и губы и даже уши быстро напухали, делая ощущения от самого себя совершенно непривычными, чужими.

Все произошло так неожиданно, что на пистолет он даже не успел взглянуть. Кто-то схватил его за плечо и мощным рывком вышвырнул из кабины микроавтобуса на землю. Потом его подняли, прижали к металлическому телу автобуса и несколько раз больно ударили в лицо.

Сразу после этого посольский двор наполнился кричащими вооруженными людьми, которые стреляли по окнам, врывались в двери, заполняли собой пустое здание. Арабская речь перемешивалась с английскими фразами.

Когда им стало понятно, что на территории посольства только один человек, к Павлу подошел широкий, с мощным подбородком белый человек в военном камуфляже:

– Где все остальные? – спросил на хорошем английском языке.

– Нет никого, – произнес Павел распухшими непослушными губами.

Человек коротко без размаха ударил Павла в живот:

– Привыкай к точности формулировок: я спросил, где все остальные.

Воздух постепенно возвращался в легкие:

– Их увезли.

– Куда?

– Я не знаю.

– Всех увезли, а тебя оставили здесь в автобусе?

– Получается так, – Павел сплюнул на землю. В голове шумело и кружилось и живую пустоту, которую всего несколько минут назад он радостно хранил в себе, вихрем выкручивало из его сознания.

Человек отвернулся от Павла и позвал кого-то по-арабски. К нему подошел один из полицейских, охранявших посольство. Павел хорошо знал его в лицо.

– Как можно было пропустить эвакуацию пятидесяти человек?

– Не было никакой эвакуации. Одна машина в обед выехала, вернулась через полчаса. Через сорок минут она же опять уехала и через час обратно. И всё.

– Кто был в машине?

– Только водитель.

– А багажник?

– В багажнике пятьдесят человек не вывезешь, – ухмыльнулся полицейский.

– Значит, в здании должен быть подземный ход. Где лаз? – он снова повернулся к Павлу.

Какая огромная жилистая шея у него, Павел молча посмотрел на стоявшего перед собой человека и снова получил удар в живот.

Казалось, воздух может больше не вернуться. Подземный ход уже никому не нужен, он дышал маленькими глотками, никого он больше не спасет. И после третьего удара Павел сказал:

– Хорошо я покажу.

Руки за спиной сцепили наручниками и повели в посольство. Идти было тяжело, непривычное к побоям тело болело. Они поднялись по лестнице, прошли по коридору,

свернули направо, потом еще раз и зашли в кабинет посла. Как быстро всё вокруг изменилось.

– Показывай! – его толкнули в спину.

– Там, за ковром, – кивнул Павел.

Несколько человек с грохотом отбросили шкаф и сорвали со стены ковер, за которым была металлическая дверь. Ее открыли и выпустили в темноту несколько автоматных очередей, после чего высветили оглушенное пространство фонарями. – Куда ведет тоннель? – Павла подтолкнули к черному проему.

– Я не знаю. Нам только сегодня показали. Один посол знал. Может, в соседний дом.

Три боевика осторожно шагнули в подземный ход.

Павел лежал на полу у стены, прижатый прикладом автомата к дорогому наборному паркету. Он чувствовал себя бараном, которого не убивали пока только ради свежего мяса, в его случае из-за какой-то не протухшей еще информации.

Павел Васильевич смотрел на привычный интерьер и ничего не узнавал: ботинки на мощном протекторе, толстые чёрные шнурки, камуфляжные штаны, оружие, бородастые лица. Бритый белый человек сидел на столе посла и вертел в руках песочные часы, брошенные среди других канцелярских мелочей: струйка вправо, струйка влево. Евгений Алексеевич часто запускал на совещаниях этот древний измеритель времени, когда хотел приучить подчиненного говорить кратко и по делу. И опять перед глазами качнулся старенький рейсовый автобус, увозивший их веселую подвыпившую компанию к морю.

Время тянулось болезненно долго, но часы над столом отсчитали только двадцать минут, когда трое вернулись из тоннеля.

– Он выводит во двор, через колодец, – сказал один, –

судя по следам, было несколько машин, на которых и уехали. Похоже, знали про нас.

Один из боевиков подскочил к лежавшему на полу Павлу, схватил за шею, поднял на ноги:

– И где они все!? Где!? И зачем тебя здесь оставили, если все успели сбежать!?

– Я просто опоздал...

– Опоздал!? Что за бред!

Его повалили и стали бить. Он чувствовал, как ботинки уродовали его плоть, и видел, как порхали вокруг бантики чёрных бабочек.

– Хватит, хватит! – остановил избиение белый человек. – Хватит. Поднимите его. Окровавленного, совершенно обессиленного Павла подняли. – Понятно же для чего оставили, чтобы время на него тратили. И почти час мы уже потеряли. Осталось только узнать, – он смотрел Павлу в лицо, – дурак он или герой.

– Какая теперь для него разница! – крикнул кто-то.

– Для него никакой, а для нас есть. Если дурак, то они его вслепую использовали, и он ничего не знает, а вот если герой... Так ты дурак или герой? – он вдруг схватил правую руку Павла и приблизив к ней пистолет в упор выстрелил в средний палец.

Из Павла брызнули кровь и крик.

– Ты сдохнешь, и никто не узнает про твой героизм! – кричали Павлу в лицо. – Никто!

Его трясли, пинали, били флягой по прострелянному пальцу, орали в несколько глоток, не давали опомниться, собраться в личность, размазывали в боль, страх и отчаяние. И он согласился...

– Разумное решение, – белый человек похлопал его по плечу. – Не стоит жертвовать собой. Никто не оценит, просто потому, что не узнает. Перевяжите нашему другу палец, дайте полотенце и виски.

Павел сидел на паркете, его цветные узоры складывались перед глазами в какую-то геометрическую бесконечность и выводили за окно, где шелестели на ветру крупные зеленые листья. Наручники отстегнули, кто-то склонился над ним и бинтовал простреленный палец. Павел сделал два глотка виски и куском ткани вытирал кровь с неузнаваемого даже наощупь лица. Сумерки конвульсирующего сознания немного отступили. Надо еще потянуть время, хоть чуть-чуть, придумать что-нибудь. Может быть, они успеют...

– А теперь рассказывай, – его опять подняли на ноги.

– Надо ехать в... – он назвал один из районов города. –

Они там пережидают.

– Их кто-то охраняет?

– Пять человек из местных, – придуманные детали легче убеждают.

– Оружие у них какое?

– Автоматы.

Уже через десять минут Павел в окружении нескольких человек ехал в посольском микроавтобусе, который сопровождали джипы с вооруженными людьми.

– Знаешь, что тебя ждет, если ты нас обманул, – улыбался сидевший рядом араб.

Павел Васильевич молчал. Через плечо водителя он видел красные электронные цифры: продержаться оставалось 5:15.

Он нарочно выбрал этот район старого города с узкими кривыми улочками, с овощными латками, прижатыми к стенам столиками, где машинам не развернуться. Они, наверняка, застрянут там и потеряют время. Каждая минута была сейчас бесконечностью, и эти минуты стали его оружием.

И кортеж их действительно затянуло в неповоротливое

нагромождение улиц, в котором они наткнулись еще и на чужую перестрелку и, не желая вязываться в нее, попятились, запетляли, выезжая из каменных лабиринтов в поисках объезда.

Номер дома Павел назвал наугад.

– Там в подвале.

Они остановились за два квартала, заглушили двигателя, вышли и стали окружать дом. Последняя передышка заканчивалась. Очень быстро стало понятно, что ни в доме, ни в подвале, ни в соседних зданиях никого нет, жители бросили всё, спасаясь от мятежа.

И тогда Павла завели во двор.

У него уже не оставалось сил кричать, он чувствовал, что перестает быть личностью, что вокруг нет ничего, кроме страшной отчаянной боли и желания избавиться от неё любой ценой, абсолютно любой.

«Я продержался только шесть часов...» Но предательство уже не казалось чем-то исключительно мерзким, а наоборот – становилось единственным, последним спасением.

Через три минуты во дворе хлопнуло два выстрела, камуфляжные люди попрыгали в джипы и рванули из старого города в направлении моря, к тому самому месту на побережье.

Евгений Алексеевич стоял в тени большого дома на окраине арабского поселка. Машины, чтобы не привлекать внимание, загнали под навесы, а все посольские отдыхали в доме. Симпатизирующие русским арабы угощали попавших в беду друзей пловом из чечевицы и риса и лавашём с копчёным сыром.

До побережья оставалось еще километров сто пятьдесят, но это было не важно: два военных вертолета уже взлетели с российских кораблей в Средиземном море.

Какие все-таки неудобные здесь пейзажи, стоявший у стены Евгений Алексеевич через окно слышал

приглушенные голоса. Время, которое он отмерил себе для спасения людей, истекало. Евгений Алексеевич погладил ладонью шершавую стену дома, стряхнул старую паутину, посмотрел на часы: с момента их отъезда прошло чуть меньше шести часов.

На крыльцо вышел Иван Николаевич:

– Вертолеты на подходе, я дал команду приготовиться.

– Хорошо, – отозвался Евгений Алексеевич. – Как там настроение?

– Успокоились, вроде. Во всяком случае, внешних эмоций нет. А жена Павла как-то замерла вся, обнимает дочь и молчит.

Послышался нарастающий с каждой секундой шум вертолетов.

– Ваня...

– Да, Евгений Алексеевич?

– Осуждаешь меня? – посол посмотрел в глаза Ивану Николаевичу.

Иван Николаевич взгляда не отвел, мотнул головой в сторону:

– Нет, Евгений Алексеевич. Я понимаю, вы просто не оставили ему шанса на предательство... – его слова заглушил шум винтов.

Лекция в МГИМО закончилась аплодисментами. Группа студентов окружила грузного пожилого человека с обвисшими щеками, забросала вопросами. Остальные зашумели, зазвучали мобильными телефонами. Аудитория постепенно пустела.

Ответив на все вопросы, лектор убрал в портфель какие-то бумаги, щелкнул замком и заметил стоявшего в дверях молодого человека.

– А-а, Антоша, привет! – Евгений Алексеевич подошел и обнял юношу. – Давно не виделись.

– Да, с маминого дня рождения.
– Но я знаю, что ты поступил. Поздравляю! Какой факультет?

– Международных отношений.
– Династию продолжишь, молодец! Наша профессия, правда, не такая глянцева, как иногда кажется... Но ты про это уже знаешь.

Евгений Алексеевич вышел из аудитории, и теперь они не спеша шли по коридору.

– Евгений Алексеевич, вы обещали рассказать, как погиб отец, когда я повзрелею. Я уже взрослый.

– Я обещал – удивился Евгений Алексеевич.

– Мама всегда так говорила.

– Мама... Да, ты все знаешь давно.

– Я знаю только, что он остался отвлекать наших преследователей и погиб. Его ведь так и не нашли. Никаких следов, никакой информации. И я не знаю, как он умер.

– О чём ты?

– Сумел ли он выдержать...

Евгений Алексеевич остановился и посмотрел на Антона:

– Он сумел, не сомневайся.

– Откуда вы знаете?

– Да это очень просто.

– Просто!?

– Конечно, ты сам разве не догадываешься?

– Нет, – растерянно ответил Антон.

Евгений Алексеевич улыбнулся, положил свою большую руку юноше на плечи и снова увлек за собой:

– Если бы твой отец оказался предателем, мы бы сейчас не шли по этому коридору...

Лисичка Олен

Олен Лисичка, родился в городе Веймар Германской Демократической Республики 18 апреля 1975 года. Вырос в посёлке Орловский Ростовской области. Отец двоих детей. Сказочные истории придумывал для них.

«Писателем себя не считаю, я ученик помощника писателя. Живу в подмосковном Серпухове».

Принц и кошки

Свет с трудом пробивался сквозь ветви старого дуба. Казалось, само дерево против того, чтобы солнечные лучи попадали на дом, стоящий под его кроной. Старый, из потемневших брёвен, с одним окном, с трубой, украшенной кошачьими черепами, дом был похож на старого злого волка, ждущего в засаде раненое животное, или утомившегося путника.

– Какого чёрта тебя занесло в самую чащу леса, старый козёл! – в сердцах сказал мужчина, вышедший к дому из высоких кустов. На ходу выпутывая сухие веточки из головы, подошёл к двери. Губы зашептали молитву, оберегающую от тёмных тварей. Постучал.

– Заходи, душегуб, открыто, – услышал он голос.

– Ну да, от кого тебе колдун закрываться, ходить к тебе в гости – дураков нет, – пробурчал себе под нос мужчина. Вошёл. Кинул к ногам хозяина дома мешок.

– Принимай работу, Одноглазый.

Колдун посмотрел на вошедшего единственным глазом. Развязал, запустил в мешок руку, вытащил за волосы голову. Поднял на уровень своего лица, смотря в открытые и расширенные от ужаса глаза, сказал: «Ну, здравствуй брат! Вот и свиделись», – и забросил голову в чёрный зев печи.

– Марк, ты честно выполнил свою часть сделки, – сказал он.

– Не называй меня Марком, колдун, никто не должен знать моего имени.

– Хорошо, хорошо, Баклей, не буду, извини. Хотя, я слышал, кое-кто называет тебя «Мясником», – сказал он, глядя единственным глазом в лицо гостю.

– Пусть называют, одного такого я вздёрнул на суку, у

таверны старого «Мутноглаза», остальные подумают, прежде чем открывать свой рот, – ответил он.

– А что, Мутноглаз, ещё жив? Так же обдирает путников, напоив их беленой?

– Да некому прирезать этого старого козла. Тащи монеты! И кувшин холодного вина! – потребовал гость.

– Да, да, сейчас.

Колдун взял со стола кувшин, открыл дверь в одну из комнат дома.

– Пора нам попрощаться с тобой, Баклей, – прошептал колдун. Ты слишком много знаешь, да и жаден стал до моих денег.

Достал из кармана мешочек с тёртой беленой, пересыпал в кувшин. «Этого хватит, чтобы отправить на тот свет пятерых», – подумал он. Налил вина, и вышел к гостю.

Ухмыляющееся лицо Баклея, было последним, что он увидел в своей жизни.

Мясницкий топор разрубил его голову на две половинки.

«Слишком много у тебя золотишка, для одного человека», – сказал убийца телу бывшего работодателя, делиться сейчас будешь. Осмотрелся по сторонам, направился к двери обитой железом. По пути снял с кривого гвоздя новую кожаную шляпу с разноцветными перьями, и мандолину. «Такие хорошие удавки привязали к куску дерева», – подумал он, на ходу снимая первую из струн. Открыл дверь, вошёл.

– А деньги где? – спросил он сам у себя, оглядывая помещение полное кошек.

– Нет здесь денег, ответила одна из них.

Баклей от удивления упустил мандолину.

– Колдовство! – воскликнул он, и схватился за оберёт от нечистой силы, висящий на шее. Зашептал молитву: «Отведи от меня нечисть, Владыка Неба, дай мне силы побороть тёмных тварей».

- Кошки удивлённо смотрели на Баклея.
- Ты чего, менестрель, инструмент свой роняешь? – укоризненно сказала чёрная кошка, лежащая на бочке.
- Кто вы? – заикаясь, спросил он.
- Девушки, просто заколдованы. Мы пленницы Одноглазого. Он всех нас выкрал у родителей и теперь требует за каждую выкуп в сто золотых монет. А в кошек превратил, что бы не сбежали.
- Так вы все, богачки? – уточнил Баклей.
- Да, даже принцесса есть.
- Баклей утёр выступивший пот рукавом куртки, вот так повезло!
- А где ваш платочек? – спросила одна из кошечек. Я надеюсь, вы благородных кровей?
- Мадам, свой шёлковый платочек, я вчера отдал дочери лесника, продав его, она купит себе хлеба!
- О, мой герой! – Прошептала одна из кошек, и залезла на его плечо, следом вторая. Чёрная протянула лапку, дотронулась до его щеки. – А ты нас расколдуешь? – на мужчину вопросительно уставилось два десятка печальных глаз.
- Эх, барышни, как же вам повезло! Баклей уселся на один из стоящих в комнате стульев. Ударил по струнам мандолины.
- Конечно, расколдую. Я же – принц!
- Принц! Принц! – восхищённо заговорили кошечки. – Настоящий!
- Три дня и три года искал я мерзкого колдуна, похищающего девиц и приносящего горе в их семьи. Стёр пять пар сапог и загнал сорок лошадей. Нашёл, и сразился с негодяем в честном бою. День и ночь сражался я с тёмной силой колдуна. Сотни заклятий сыпались на меня, тысячи монстров нападали из темноты! И только под утро, с

помощью Владыки Неба и своего королевского меча, колдун был повержен!

– Колдун мёртв! Ты наш герой! Спасибо! Я тебя люблю! Возьми меня замуж! – наперебой заговорили они.

– Дамы, я как принц Баклее... Баклеегор дэ Рамбольди! (на ходу придумал себе имя бандит) Первым делом должен спасти принцессу.

– Я принцесса, – сказала рыжая кошечка, лежащая на атласной подушке.

– Я тебя, конечно, расколдую, но родители ждут меня дома с невестой, – ответил Баклей.

– Мой рыцарь, мой спаситель, мой герой! Я, конечно же, выйду за тебя замуж! Дай мне отпить из пузырька, висящего на поясе колдуна, и я превращусь в девушку.

– Ну, пойдём принцесса, дам тебе зелье.

Баклей взял кошку на руки и вышел из комнаты.

– А мы! А нас! Расколдуй! – запричитали кошки.

– С вами я потом разберусь, мои золотые монетки, – улыбаясь, ответил Баклей. Вышел, закрыл дверь на засов. – Сидите тихо, а нето на шапки пушу!

– Так, блохастая, пей зелье, я не собираюсь бегать за тобой по всему лесу. Да и дел ещё много, надо с людьми Живодёра из Каменной Россыпи связаться, уж больно он до молодых баб охоч.

Правда, не все после его утех выживают. Но, монет по триста, он за каждую заплатит. Баклей присел перед кошкой, открыл флакон с зельем, капнул на ладонь, и дал кошке слизнуть.

Грома и молний не было, кошка стала увеличиваться в размерах, приобретая человеческие черты, лишь отвратительный звук хруста костей сопровождал это действие.

Баклей стоял не в силах пошевелиться, его глаза, не моргая, смотрели на результат превращения. Обнажённая

девушка, на голове корона из ржавого металла, украшенная человеческими зубами, длинные руки до колен, раздувшееся лицо, во рту острые кривые зубы.

Подошла к Баклею, взяла его за пояс.

– Ну, здравствуй принц! Из её рта, после слова «принц», выполз опарыш. – Ну, ты что, никогда принцессу упырей не видел?

Баклей хотел ответить, но смог только облегчить мочевой пузырь.

– Папенька, выдал меня замуж за Одноглазого, приданное хорошее дал. А этот козёл превратил меня в кошку. У нас даже первой ночи не было! Я бы сама его убила, да ты, дуралей, влез. Я полгода в теле кошки голодная просидела. И не сбежишь ведь, колдун стаю волков приручил. Догнали бы и порвали на куски. Видишь черепа кошачьи на трубе? Это – беглянки. Ну, не будем о грустном, давай о нас поговорим. Ты знаешь, что у меня сегодня на ужин? Правильно! Принц!

Одной рукой упыриха схватила Баклея за отворот куртки, вторую с размаха вогнала ему в живот. Вырвала печень и стала жадно пожирать. Следующими были почки. Бросила ещё живого мужчину на землю, сказала ухмыльнувшись: «Не уходи». Подобрала пузырёк с зельем и отправилась в дом.

Подошла к комнате, которая последние полгода была её тюрьмой. Приоткрыла дверь, в образовавшуюся щель кинула пузырёк.

– Девочки, пейте зелье, разбивайте окно и бегите. Как только у нас с принцем закончится романтический ужин, я пойду за вами. Бегите и не оглядывайтесь!

Вот так, закончилась, не успев начаться, жизнь принца Баклегора дэ Рамбольди и семейная жизнь принцессы упырей. Хоть и упыриха, а бабу жалко.

Поэт в деревне

Деревенский водевиль

«Дорогие друзья! С 20-го по 30-е августа, в нашей газете проходит конкурс «Деревенские деньки». Ждём ваши стихи о жизни в деревне. Работа победителя попадёт на первую страницу нашей газеты с фотографией автора».

Перечитал ещё раз, всё правильно. От волнения задрожали руки. Попасть на страницы уважаемой городской газеты «Поэты и Писатели Крайне-Амурска» – это же отличный старт для молодого, начинающего поэта. Да и Катька должна обратить внимание. Моё фото на первой странице – верный путь к сердцу поэтессы Екатерины Загадочной.

Так, что я знаю о деревне? «Весёлый молочник», «Домик в деревне», трактор, «Простоквашино». Не густо, с такими познаниями конкурс я не выиграю. Прекрасная, как муза Пушкина, Екатерина Загадочная в моих мечтах уходила в туман, махая мне на прощание изящной ручкой с ярко красными ноготками. Всё пропало! Жизнь дала трещину. Что делать?

В кармане запищали телефон. Достаяю, одной рукой вытираю выкатившуюся от расстройств слезинку. Мама звонит. «Сынок, у дочери тёти Иры сын родился, я съезжу на денёк, это недалеко, километров семьдесят, деревня «Нижние Левые Лапки».

Эврика! Деревня! Де-рев-ня! Мама, спасибо! Приеду, соберу материал, напишу стихотворение, и здравствуйте первая полоса газеты и Катенька! Сердце забилось с удвоенной силой, коленки задрожали, открывшаяся перспектива ошеломила. Мама, я еду с тобой!

Вот я и в деревне. Надеваю белую рубашку, галстук, чёрные брюки и сандалии «Экко». Интеллигент к выходу за материалом готов, под мышку блокнот. Подхожу к

зеркалу – красавец! Выхожу на улицу, вдыхаю полные лёгкие чистого деревенского воздуха с нотками коровьего навоза. Поют птички, даже свинья тётки Иры похрюкивает в ля-миноре. Пора и на сбор материала отправляться.

Пройдусь вдоль улицы, посмотрю, как люди живут.

Так, а вот и бабушки на лавочке сидят, классическое деревенское трио. У той, что посередине, на ногах кроссовки «Адидас» без шнурков.

– Здравствуйте бабушки, – здороваюсь со старушками.

– Здравствуй, милоч, а ты, чей будешь? – интересуются бабушки.

– Я к тётке приехал, меня Андрей зовут, я – поэт!

– Бабоньки, он поёт, артист! Вечером в клубе споёшь? – спросила одна из них.

– Я не певец, я поэт! Петь не буду!

– А, вот ана чо, поэт он, бабоньки, петь не умеет, – сказала та, на которой были кроссовки «Адидас». – И много нонче денех поэты зарабатывают? – поинтересовалась она.

– Я пока ничего не заработал, – отвечаю.

– Так ты лодырь! – Сделали бабушки вывод. – Ну, иди, милоч, куда шёл.

– Пойду, конечно, – обида за поэтов душила, не давая нормально вздохнуть.

– Молодой человек, а вы правда – поэт?

Приятный голос молодой девушки отвлекает от грустных мыслей.

Поворачиваю голову. Стоит, скромно потупив взгляд и сложив руки на животе. Лет 18 на вид, в синем сарафане и сандалиях, длинная коса, ни грамма косметики. Прекрасна, как юный ангел.

– А про меня стишок придумаете? – спрашивает робко.

– Конечно, придумаю, красавица. Как тебя зовут?

Щёчки девушки заалели, отвечает: «Наташка я».

Строчки экспромта сложились быстро. Набрал в грудь

воздуха и только открыл рот, как за забором заблеял козёл. Девушка засмеялась, бабушки засмеялись, смеялась даже лавочка, на которой они сидели. Я покраснел, как новый светофор, но поэта так просто не сломить!

*Любил тебя я с ночи до утра,
Любовь моя горячею была.
Я с алых губ твоих любовь
Пил полной чашей,
Как хорошо, что ты звалась Наташей.*

В глазах девушки неподдельный восторг, милый ротик приоткрыт.

– Вы настоящий поэт! Вы, как Лермонтов!

Юное создание оборачивается, с ней и я. За спиной у нас стоят ещё четыре девушки в разноцветных сарафанах.

– Девочки! Он настоящий поэт! Он мне стих любовный написал! Я – его муза!

На меня с интересом смотрят все.

– Поэт вразправдашний, – слышу, как переговариваются девушки, бабушки закивали головами.

Поднимаю подбородок повыше, делаю задумчивое лицо, эх, жалко шляпы нет! Расступись народ, новый Пушкин по деревне идёт!

Иду, разглядывают людей и дома, люди смотрят на меня, кто-то тычет в меня пальцем. «Поэт, поэт идёт», – слышу за спиной. Немного надуваю для пушей важности щёки, грудь колесом, опять подумал о шляпе. Следующий раз приеду в шляпе и трость у деда возьму, поэт я или кто? Представил, как важно иду по деревне, помахивая тростью, молодухи с восхищением смотрят на меня. Ко мне подходит Наташенька (странно, как это она в мои мечты попала?) подносит рюмочку и огурчик: «С приездом господин поэт, заждались».

– Эй ты! Слышь, пижон! Ты что ли поэт?

Из сладких грёз вырывает голос парня лет двадцати на вид. Стоит не один, с ним ещё четыре человека. Где-то вдалеке замычала корова, закричал петух, к чему бы это?

«Наверное, попросит стихотворение для своей девушки написать», – подумал я.

– Ты что ли Наташке стих любовный написал? – спрашивает он.

– Да, я, – отвечаю важно, неторопливо.

– Вообще-то, она моя! – отвечает парень. – Ребята, хватаем его и сажаем на борова бабы Нины, пусть прокатится, «женишок»!

Один из парней забирает мой блокнот.

Четыре пары крепких рук хватают меня, пятый выводит здоровенную свинью. Сажают сверху, смеются.

– Не бойсь и держись покрепче, – советуют они. Самый мелкий из парней бьёт свинью по ляжке крепкой мозолистой рукой, меня отпускают. Свинья с визгом срывается с места.

До самого последнего момента в душе жила надежда, что это просто шутка. Нет, не шутка. Свинья рванула вдоль по улице. Она воняет и орёт. Я тоже ору от страха, руками вцепился в свинячьи уши, ногами покрепче обхватил бока, один сандаль потерялся во время бешеного старта. Проезжаю на своём «коне» мимо бабушек на лавочке, обгоняю неторопливо идущую Наташу с подружками. У девушки от увиденного в глазах испуг и сострадание. В голове рождаются стихи:

*Вот моя деревня,
Вот мой дом родной.
Вот качусь я в санках
По горе крутой...*

То, что вместо санок свинья, неважно, поэт остаётся поэтом в любой ситуации.

Свинья на полной скорости пытается забежать в полуоткрытую калитку. Удар. Небо – земля – руки – небо – голова – забор – земля. Лежу. Надо мной склоняется ангел с лицом Наташи: «Вы целы?»

– Да, сейчас встану и проверим. Меня, кстати, Андрей зовут. Не спешу вставать, люблюсь её лицом. Тёмно-карие глаза, чуть припухшие губки, чётко очерченные скулы, легонько покачивается крестик на серебряной цепочке. Тону в её глазах.

*– Наташенька,
Тобою стоит любоваться,
Взгляд невозможно отвести.
Заставишь ты повиноваться,
К ногам твоим цветы нести!*

Лицо девушки залила краска смущения.

– Вставайте, Андрей, хватит лежать, притвора! Раз стихи мне читаете, значит – всё нормально.

Берёт меня за руку и помогает подняться. Стоим, держимся за руки, время остановилось, только она и я.

Хрупкие секунды стеснительной тишины разбивает визгливый женский голос:

– Где моя свинья?

От голоса бабы Нины оба вздрагиваем. Маленькая и нежная ручка девушки потихоньку выскользывает из моей руки. Чувствую, как пальчики Наташи скользят по моей ладони, по пальцам, чуть сжимаю руку, стараясь продлить это мгновение. Всё. Появляются звуки и запахи, мы возвращаемся в реальность.

На другой стороне улицы, над новым зданием сельсовета, едва касаясь крыши кончиками пухленьких пальчиков ног, парили два купидона.

«Гармоний, ты видел, со ста метров обоим прямо в сердце! Ну, и кто из нас лучший стрелок?» – спросил один другого.

«Да, ты Любвоиил, мастер, признаю», – ответил второй. – Полетели, угошу тебя амброзией».

– С пыльцой Афродиты!» – требовательно дополнил стрелок.

«Хорошо», – вздохнув, согласился Гармоний, – с пыльцой.

– Где моя свинья? – второй раз спросила баба Нина, добавив в голос визгливых ноток.

Понимаю, что её вопрос относится ко мне. Оглянулся. За пару минут вокруг нас собралось человек десять деревенских.

– Где твой конь, ковбой? – спросил выпивший мужик с одним валенком под мышкой. У тебя, кстати, сандаля правого нет, могу тебе валенок подарить, он как раз правый.

– Не надо, он мне по цвету не подходит, – отвечаю ему.

Ябедничать на местных парней не стал. Не по-мужски это. Вздохнул. Надо что-то придумать. Творческий человек я, или нет? Эх, Наташка!

– Извините, баба Нина. Всю жизнь мечтал на свинье прокатиться. А ваш хряк просто загляденье, большой и красивый. «О боже, что я говорю, хорошо, мама не слышит!» Ну, всё думаю, баба Нина сейчас перед всей деревней извращенцем назовёт.

– Вы слышали люди! – над домами разнёсся голос бабы Нины. Мой хряк самый большой и красивый! Эта сам поэт из городу сказал. Теперь с каждой покрытой хрюшки по ведру зерна! Для поддержания красоты!

– А ты, милоч, найди и отведи хряка туда, где взял.

Искать свинью не пришлось, хряк сам вышел на улицу. Подошёл к нему, говорю: «Уважаемый хряк, пойдёмте на место». Реакции на мои слова ноль, отвернулся и копается в земле под забором. Взял за ухо, потянул. Стоит, машет хвостиком, похрюкивает, куда-то идти даже не собирается.

Выход только один – сбежать! Пусть сами со свиньёй разбираются. Поворачиваюсь в сторону дома тётки, бросаю последний взгляд на деревенских, снимаю левый сандал, и застываю на месте. Начинаю тонуть в Наташкиных глазах. Чтобы избавиться от наваждения, опускаю взгляд пониже. Теперь я смотрю на её грудь, стою, рот открыл. Наташка начинает краснеть. Чувствую удар по спине, чем-то большим и мягким. Поворачиваюсь. С валенком в руках стоит баба Нина. – Ты куда смотришь, охальник! Чай, не жених! –

– Дело займись, – говорит она, и показывает пальцем на хряка.

Ээх!!! Подхожу к свинье, сажусь сверху, одной рукой берусь за ухо, обхватываю её ногами. Ладонью бью по толстой ляжке. «Поехали, родимая!» Свинья медленно идёт по улице, сзади, как верный Санчо Панса, Наташка с моим сандалем.

На плечо садится муза, хитро улыбается и поворачивается ко мне задом. Кто бы сомневался, попка со свинячьим хвостиком. «Ну что, герой, поработаем», – говорит она. Слез с борова, подошёл к Наташе, пошли по улице, взявшись за руки. Я читаю девушке стихи, слова сами складываются в строчки о любви.

*Любовь приходит к нам незвано,
Она, как белый снегопад,
Всегда красива и желанна,
И каждый человек ей рад.*

*Бывают бури и сомненья,
Бывает ревность, как гроза.
Но нет прекрасней ощущения,
Чем посмотреть любви в глаза.*

*Она украсит все мгновенья,
Позволит в небесах летать.
От скуки вмиг найдет спасенье,
Позволив чувствами дышать.*

Идём, улыбаемся, а ведь в конце улицы нас ждут пятеро молодых парней, один из которых Наташин ухажёр. Зачесался нос. Свернуть в сторону нельзя, в деревне одна улица, прямая и без перекрёстков.

В это время на горе Олимп.

...и значит, парень этот на свинье приехал, пришла хозяйка борова, Наташка стоит и человек десять деревенских.

Любвеил и говорит: «Спорим на бутылку амброзии, со ста метров прямо в сердце попаду»!?

– Я ему отвечаю: «Со ста метров ещё никто не попал». Ну, значит, достал он стрелу, прицелился и выстрелил. Бац! Прямо ей в сердце! У меня глаза по золотому! Достает вторую стрелу и стреляет. Вторая – в сердце! Ему, прямо через валенок!

– Гармоний, какой валенок?

– Ну, я же говорил, мужик с валенком стоял. Одну стрелу ему, вторую бабе Нине. Самое смешное, что до этого они друг друга ненавидели! А теперь у них любовь!

– А как же Андрей с Наташкой? – спросил один из купидонов.

– А им наша помощь не нужна. У них любовь с первого взгляда. Они, правда, пока об этом не догадываются. Вот, вниз с Олимпа посмотрите, видите в ночи огонёк?

Это они, скоро их любовь так полыхнёт, что днём видно будет. Бахус, тащи бочку своего лучшего вина! За настоящую любовь пить будем!

Идти босиком не очень удобно, камешки искололи ноги, ступни горят. Наташе ничего не говорю, мужик я или нет?

– Андрей, ты же непривычный босым ходить, давай ко мне зайдём, я у папки старые тапочки попрошу.

– Наташенька, ты – чудо! – отвечаю ей. Облегчённо вздыхаю, встреча с хулиганами откладывается на некоторое время.

– Андрей, а как ты на свинье оказался? – спрашивает девушка. Она опустила голову, сцепила руки в замок, и, кажется, затаила дыхание. Она очень хочет узнать ответ, но боится, услышать что-то не очень приятное. Я знал, что этот вопрос рано или поздно прозвучит.

Какая же она красивая! Опять меня затягивает в омут этих бездонных глаз.

– Я твоего парня с друзьями встретил. Ему не понравилось, что я для тебя стихи написал.

Лицо Наташи становится удивлённым.

– Парня? И за это тебя посадили на свинью, – уточнила она.

– Наташа! Я бился как лев! Нас поэтов так просто не возьмёшь! Да я рифмами собак бешеных разгонял!

– Андрей, ты их избил!?! – с волнением в голосе спросила она.

– Кого, собак?

– Да нет же, ребят! – отвечает девушка.

– Наташа, я не зверь! Только классическая борьба. Я одного раз! Второго раз! Прекрасные глаза Наташи становятся больше, щёчки краснеют. Чувствую, в глазах девушки я превращаюсь в бесстрашного рыцаря в сияющих доспехах.

– Тут свинью выводят. Бац, через бедро! И через забор!
– Андрей, свинью то за что через забор? Она же не виновата! – укоризненно говорит она.

– Не свинью, хулигана, который её привёл.

– Какой же ты герой, Андрюшенька! Но как же тебя на свинью посадили?

«Да-а, заврался я здорово, аж самому стыдно. Но делать нечего. Ради такого восхищённого взгляда, придётся. Потом со всем разберусь. Наверное»

– Коварный солнечный удар – Наташа, сбил меня с ног. Я же без шляпы был. А у нас поэтов в голове столько рифм, не говоря уже о ямбах и хореях. Нам без шляпы нельзя.

– Ну да, вы поэты к деревенскому солнцу не привыкшие, – согласилась девушка. – Сейчас у бати тапки попросу и панаму от солнца, пойдём к хулиганам, пусть перед тобой извиняются.

–!!!

– Я здесь живу, – девушка показывает на крышу дома за высоким деревянным забором. Открывает калитку, покрашенную в чёрный цвет, с тремя полосками и лейблом «Adidas» нарисованными от руки.

– Это брат, – отвечает она на мой не высказанный вопрос.

По двору ходит коза, волоча за собой верёвку. Отвязалась, наверное. Из большой деревянной будки лениво вылезает собака. Смотрит на меня. Представляю, что она видит: босой, брюки в пыли, белая рубашка похожа на поношенную портянку, воняю хряком бабы Нины. Пёс подозрительно на меня смотрит. Чувствую, как в его собачьих мозгах, что-то щёлкает, определяя уровень моей опасности. Собака зевает, отворачивается, пару раз лакает из погнутой кастрюли заменяющей ей миску и лезет в будку. Обидно, судя по её поведению, по уровню опасности, я становлюсь после дохлой мыши и коровьей лепёшки.

– Андрей, ты собаке понравился, теперь она тебя не тронет, – кричит с крылечка дома девушка.

Из собачьей будки донёсся подозрительный звук. Клянись, она смеялась!

Сажусь на какую-то железную штуку. Думаю. Основная цель моего приезда в деревню достигнута. Я – знаменит! Да нет, я же за материалом приехал о деревенской жизни. Ну, что же, его я насобирал достаточно, можно целую поэму написать. Да я прямо сейчас сочиню:

*Эх деревня три двора,
Улица кривая,
Трактор едет - дым идёт,
Вот здесь жизнь какая!*

Ну что же, отличное начало, ещё пару дней для закрепления и можно возвращаться. Но появилось одно «но» – Наташа, о Екатерине Загадочной я не вспомнил ни разу. Нет, вспомнил, только что. В доме музыки, в бежевом вечернем платье на концерте пианиста Александра Махрова. Посмотрел на Наташку, сарафан, сланцы, в руке верёвка, к которой привязана коза. Девушка смотрит на меня, улыбается. Я улыбаюсь в ответ. Нет, не специально, губы сами растягиваются в улыбку, лицо приобретает глуповатое выражение, в голове трубят ангелочки. Судя по всем признакам – я влюбился.

– Андрей, поддержи Маньку, я за тапками, – просит Наташа.

Стою, держу, на конце верёвки сделал петлю для удобства. Коза смотрит на меня, подмигивает левым глазом. Я подмигнул ей. Привет, говорю, я – Андрей. Коза удивлённо на меня смотрит. Может надо просто в тенёчек встать? Солнце – печёт как в июле.

Зайти в тень не успеваю. К дому подъезжает трактор, я его ещё не вижу, но слышу, тарахтит он громко. Открываются ворота рядом с калиткой. Во двор заходит тракторист, на крылечко выбегает Наташа.

– Наташка – кричит тракторист. Твой батя сказал прицеп забрать.

– Я знаю, дядь Мишь, забирайте, – отвечает она.

– Эй, паря, помоги прицепить, – просит меня тракторист и показывает рукой на прицеп.

– Хорошо, а что делать надо?

– Вот эту штуку засунешь, когда подъеду, – отвечает тракторист и показывает железный штырь.

– Хорошо, только козу привяжу. Цепляю верёвку к какой-то железке, подхожу к трактору.

– Смотри паря, как эти два отверстия совпадут, засунь в них железку. Понятно?

– Да уж понятно, что же я, совсем глупый? – отвечаю трактористу.

– И ворота за мной закрыть не забудь, поэт!

– Откуда вы знаете, что я поэт? Я, извините, первый раз вас вижу.

– Бабы обед в поле приносили, рассказали, как ты хрякой объезжал. Это же надо додуматься, на свинью седло и уздечку одеть! Вот вы городские с прибабахом. Ты теперь деревенская знаменитость, тебя все знают. А жена Вовки «Дылды», она учителька в школе, назвала тебя: «Дон Кихот свиньянческий».

Тракторист заржал, похлопал меня по плечу и уехал.

Стою. Недоумеваю. Удивляюсь. Вот так поворот. Оказывается, я свинью оседлал и ездил на ней, как на лошади. Интересно, до тёткиного дома слухи уже дошли?

– Андрей, я тапки и панаму нашла, иди примерь, – кричит с крыльца Наташа.

Примерил, обычные домашние тапки с дырками на большом пальце. Панама женская, хорошо без украшений.

– Надо ворота закрыть, и козу на луг отвести – говорит девушка. А где коза, Андрей?

– Я её к какой-то железке прицепил, только эта железка пропала, она здесь была, – отвечаю девушке и показываю пальцем на место, где была железка.

Наташа выбегает через открытые ворота на улицу, я за ней. Трактор отъехал уже метров на двести, за ним бежит привязанная к заднему борту прицепа коза.

– Андрей!!!

– Наташа, да я ж откуда знал, что это за железка.

Кто-то из деревенских, замахал руками останавливая трактор, тычет пальцем на прицеп, смеётся. Из кабины выпрыгивает тракторист, подходит к козе, отсюда слышно как он ругается, перекрикивая шум трактора.

– Этот... поэт... да я... трактором перееду... городской... коза, – доносятся до нас обрывки фраз.

– Ой, что сейчас будет! – говорит девушка.

– Андрей, ты иди к тётке, завтра вечером встретимся. Днём я буду мамке помогать обеды по полям развозить. Ну, всё, иди.

Захожу в дом, мама и тётя Ира сидят и пьют чай.

– Ну что, как тебе в деревне Андрюшенька? – спрашивает тётка.

– А то вы не знаете, я уже на всю деревню прославился.

– Знаем, знаем. О тебе уже в соседней деревне знают, ковбой!

– А в соседней откуда знают? – спрашиваю тётку.

– Так я же на складе работаю, ко мне за запчастями все окрестные трактористы едут. Мужики на уборке, рассказали про тебя соседям, те жёнам, вот и до меня рассказ о твоём «родео» дошёл. Говорят, ты в ковбойской шляпе и сапогах

со шпорами приехал. Поймал с помощью лассо свинью, одел на неё седло с уздечкой, ездил на ней по деревне, стрелял в воздух из ливальверов и называл себя «Ковбой Мальборо». Да ещё говорят, на Наташку глаз положил.

Мама и тётка вопросительно смотрят на меня.

– Сынок, чёрт с ней, со свиньёй, ты мне про девушку расскажи, – говорит мама. – Тебе жениться пора, а мне внуков нянчить. А тут девушка хорошая и не избалованная, – мама вопросительно смотрит на меня.

Мои губы растягиваются в глупой улыбке, лицо тупеет, все мысли пропадают. Как есть – телок.

– Влюбился, – делает вывод мама. – Ну и, слава Богу, мне эта вертихвостка Катька никогда не нравилась. Моего мальчика всего измучила, ни да, ни нет. Поэтесса, одним словом.

– Тётъ Ир, а кому обеды в поле развозят?

– Трактористам и ребятам на стяжке, – ответила тётка.

– А мне, стяжщиком можно поработать? – спрашиваю.

– Можно, только это тяжело.

– А что делать то надо?

– Солому двумя тракторами стягивать в большие кучи с помощью огромных тросов. Трос цепляешь, и бежишь за трактором.

– Просто прицепить трос и бежать за трактором? – переспросил у тётки?

– Ну да, отвечает она. Зацепил и бежишь.

– Ха, да с такой работой даже ребёнок справится. Да я даже не вспотею от такой работы. Легкотня!

– Ну, хорошо, сейчас старшему позвоню, он тебя завтра определит в бригаду. Начало рабочего дня в шесть утра, у конторы сбор в половину, не проспип!

Так, надо приготовиться к завтрашнему дню. Что же взять?

Очки от солнца, плеер, книгу, блокнот для записей, раскладной стульчик (у тётки взял) и покрывало, чтобы загорать. Я – готов!

С утра около конторского дома нас собралось человек шесть. У всех только фляги с водой, никто даже журнала не взял. Понятно, они, наверное, и читать то не умеют.

06:00 – приехали. Поставил стульчик, расстелил плед, положил на него книгу. Пойду, поработаю, потом позагораю.

07:00 – бегу за трактором в клубах пыли.

08:00 – потерял блокнот. Пить хочу.

09:00 – поля такие огромные, лесополосы одинаковые, где оставил плед, стульчик и книгу не помню. Пить хочу.

10:00 – потерял плеер и очки, в горле дерёт от пыли, пробежал уже пару километров, ноги – ватные. Один из парней дал воды.

11:00 – мама, заведи меня отсюда. Тросом поцарапал ноги до крови. Тракторист дал аптечку. Я весь в зелёнке смешанной с пылью и в бинтах. Не завидую я деревенским жителям. В город хочу.

12:00 – Наташа! Наташа! Спаси меня! За трактором я уже не бегаю. Лежу в лесополосе, чтобы не потеряли, привязал к ветке носовой платок.

13:00 – обед. Тишина, слышно как птички поют. Пришла Наташа, кормит меня с ложечки. Становится легко и спокойно. Девушка уходит, целует меня в щёчку. Слышно как смеются ребята и трактористы, знаю над кем, стыдно.

14:00 – обед закончен. Встаю, иду работать. Понимаю, если сейчас сдамся, в деревню можно не возвращаться.

18:00 – работа закончена. Запомню этот день навсегда. А ведь ещё пару дней назад я представлял жизнь в деревне непрерывной чередой валяния на солнышке, прыжками ночью через костёр и поцелуями на сеновале. Да, как сильно я ошибался.

Сижу во дворе у будки летнего душа, даже зайти сил нет. Тётка сказала, что завтра на стяжку идти не надо. От радости, из левого глаза выкатилась слезинка из пыли и мелкой соломы.

Вот и вечер. Сердце в груди забилося чаще, опять на лице эта глуповатая улыбка. Пора идти к Наташе. Попросил у родственников майку и брюки, надел тапочки с дырками и пошёл на своё первое деревенское свидание. Перед домом Наташи задрожали колени и намокли ладошки, почувствовал себя шестнадцатилетним пацаном. Стучу в калитку.

– Андрей, заходи, калитку не забудь закрыть, – кричит девушка из-за забора.

Вошёл во двор. Так, стол с кружками и чашками накрытый белой марлей, коза гуляет по двору, собака даже не вылезла. Перед козой стыдно, смотрит на меня грустными глазами.

– Извини меня коза, я не специально тебя к прицепу привязал.

Коза дёргает ушами, собака в будке смеётся.

– Андрей, родители к кумовьям ушли, я с бабкой осталась, сможешь по хозяйству? Быстренько всё сделаем и пойдём гулять, – девушка вопросительно на меня смотрит.

При слове «гулять», представил, как целую Наташу в губы под вишнёвым деревом. С неба на нас умиленно смотрят луна и звёзды. «Какая пара» – говорит луна. Из её глаза выкатывается слезинка и ярким самоцветом падает к нашим ногам.

– Конечно, помогу, – отвечаю ей. – Что делать?

– Там в загоне, поросёнок маленький, надо его напоить, справишься?

– Конечно, справлюсь, – отвечаю девушке.

Подхожу к столу, беру самую большую кружку, с нарисованным на ней танком, набираю воду из ведра, накрытого

большой алюминиевой крышкой. Пробую воду, холоденькая и вкусная, наверное, недавно из колодца достали. Иду с кружкой к поросёнку. Захожу в загончик, протягиваю ему кружку с водой: «На, попей, холоденькая!». Поросёнок начинает визжать и бегать кругами по загончику. Ставлю кружку на землю, ловлю хрюшку. Поросёнок брыкается и не хочет пить. Взял его за голову, и засунул мордочку в кружку с водой. Подумал, как тяжело, наверное, молодым мамочкам детей кормить. Поросёнок от страха не пьёт, визжит и разбрызгивает воду.

– Андрей! Ты что делаешь?

Поднимаю голову. Стоят: Наташка, коза и бабка, собака вылезла из будки и тоже смотрит

– Ты же сама сказала, поросёнка напоить, вот, пою. Девушка начинает смеяться, прикрывая милый ротик ладошкой, смеётся бабка во все свои два зуба, смеются собака с козой.

Смеются долго. Я выхожу из загона с кружкой в руках. Вроде все успокоились.

– Это же папина любимая, – говорит девушка и показывает рукой на кружку.

Собака, коза и бабка после этой новости сразу исчезают.

– Папка будет в ярости. Эту кружку ему свояк подарил на 23-е февраля.

– Наташа, так ты же не сказала, где кружка для поросёнка, вот я эту и взял.

– Ладно, эту с собой возьмём и выкинем подальше от дома, – говорит девушка. – А сейчас, просто будешь таскать за мной вёдра. Ещё целых полчаса я наливал и насыпал из вёдер корм и воду для домашней скотины. Деревенская жизнь перестаёт мне нравиться. После такого трудового дня через костёр уже не перепрыгнешь, сил не хватит. Сложилось стихотворение о деревенском поэте.

*Нам, – питаю деревенским, –
не до балов и вальсов венских.
Пока дровами печь разгорнишь,
пока свиней и кур накормишь,
чужого пса отгонишь палкой,
с чела смахнёшь пот отьмалкой,
потом манерой неторопкой
ослобонишь от снега тропки, –
и до морковки заговенья
весь день шукаешь вдохновенья.
Лишь ввечеру, двух строчек ради,
все девять (самому не верится)
припрутся Музы, на ночь глядя,
и на моём ковре прихерятся.
Все полногруды, толстопопы,
в особенности Каллиона.
Все вокруг меня, – обычай древний, –
поют, танцуют, – спасу нет,
ведь я один на всю деревню, поэт.*

– Так Андрей, вот душ летний, иди, ополоснись, от тебя хрюшками воняет, – говорит девушка. – Я тебе брата майку дам, и сандаля твой второй, нашёлся.

Ополоснулся, переоделся. Куда-то идти, сил уже нет. Эх, сейчас бы на сеновал завалиться!

– Андрей, я готова, пойдём.

Девушка берёт меня под ручку, и мы выходим на улицу.

Не спеша идём, в сумерках всё кажется другим. Перегавкиваются собаки, манит домашним уютом свет в окошках домов. Пахнет свежей выпечкой.

– Куда мы идём, Наташа? – спрашиваю девушку.

– Там, дом заброшенный, – показывает девушка рукой в темноту. – Рядом с ним огромное поваленное дерево, мальчики ветки обломали, получилась лавочка. Ребята,

там вечерами и собираются. Сейчас, ещё рано, через часик все соберутся. Мы с тобой на лавочке посидим, о себе мне расскажешь.

«Целый час будем сидеть рядышком. Буду чувствовать тепло, исходящее от девушки, может быть, даже приобниму её в темноте под пение сверчков», – думаю я.

Подходим к заброшенному дому. Здесь не совсем темно. Вижу небольшое пятно света, слышны голоса ребят и девушек, смех, музыка.

Свет и музыку даёт старенький москвич с одной горячей фарой.

Выходим в круг света, волнуюсь.

– Ребята, это мой друг Андрей, он к тётке приехал, – представила меня Наташа. Она тоже волнуется, сжала мою руку.

– Да знаем мы кто это! Ковбой Мальборо собственной персоной, – несутся голоса с лавочки. Смех, деревенские вспоминают, как я на свинье прокатился, добавляются несуществующие подробности.

С облегчением вздыхаю, вроде всё нормально.

Рано, рано я расслабился.

Из машины выходит мой давний обидчик и по совместительству человек, называющий Наташу своей девушкой.

Разговоры вокруг смолкают, слышно только музыку, даже сверчки притихли.

– Так, не понял, а это как понимать? – говорит он и показывает на мою майку.

Ответить не успеваю. Подъезжает вторая машина. Из неё выходят пятеро. «Быстрые» приехали, – говорит мне девушка. Не к добру это, – добавляет она».

Водитель на повышенных тонах обращается к моему обидчику: «Я же тебя предупреждал, чтобы к Светке не подходил! Сказал же: ещё раз, и глаз тебе на пятую точку натяну!» Хватает парня за грудки, начинается драка, четверо деревенских против пятерых Быстрых.

– Андрей, ну ты что стоишь? Брата моего бьют! Или мне самой ему помочь? – возмущённо спрашивает девушка.

– Это не твой парень? – уточняю.

– Нет, конечно, это мой брат старший! – отвечает она. На тебе его майка.

«Я вообще то, поэт, а не боксёр» – хотел ответить девушке, но не смог. Она смотрит на меня таким взглядом, что я готов сразиться даже со стаей тигров. Её глаза обещают и крепкие объятия, и поцелуи под вишней.

«Своих» деревенских от «Быстрынских» отличить не могу, поэтому просто ринулся в самую гущу событий.

Отличиться не удалось. Сразу получил в нос и под дых. Согнулся, упал на четвереньки. Из носа капает кровь, вздохнуть не могу. Кто-то через меня спотыкается и падает, со всего маха бьётся о землю спиной.

«Башку вырубил» – слышу чей-то испуганный крик.

Драка прекращается. Оказывается, «Башка» – это зачинщик драки из соседней деревни.

Встаю, вытираю нос, размазывая кровь по лицу и рукам. Башка лежит, смотрит на меня удивлённо, без злости. Протягиваю ему руку. Он берётся и встаёт.

– Вот это я грохнулся, – говорит он. Аж дух вышибло!

– Санёк, не по-корейски это, к Светке ходить, – обращается он к Наташкиному брату.

– Да ты чё, Башка! Какая Светка? Я же тебе обещал! Да и не смог бы, я на дальних полях неделю с комбайна не слазю, ещё два поля неубранных.

– Ну да, с дальних полей к Светке не попадёшь. А кто же тогда к ней ходит? – удивился Башка.

– Я не знаю, разбирайся со Светкой, сам, – ответил Санёк.

– А ты кто такой? – спрашивает меня Башка.

– Я Андрей, к тётке приехал.

– Ааа! Наслышан. Это же ты обещал на бабе Нине

жениться, если она тебе своего хряка подарит? И зачем ты его подковал и покрасил хвост в синий цвет? Я думал, ты в ковбойской шляпе придёшь, с револьверами.

Подковал свинью!? Покрасил хвост в синий цвет?! Обещал жениться на бабе Нине!? От возмущения не могу ответить.

– Башка, вообще-то, с тебя причитается, – сказал один из деревенских.

– Это точно, – ответил он. Обошёл машину, открыл багажник и достал бутылку самогона и банку домашнего вина.

– Вот ребята, с меня извинения.

Появились пластиковые стаканчики, четверть подсохшего хлеба и луковица.

Выпили по паре рюмочек, перезнакомились, девушки пили вино. Через час все разошлись – утром в поле. Башка с друзьями остались спать в машине. Проводил Наташу домой. Целый час целовались под вишней у её дома. Луна и звёзды с умилением смотрели на нас, нам под ноги падали самоцветы. До утра разговаривали. На следующий день я уехал домой.

Если вы думаете, что это конец истории, ошибаетесь. Я уговорил Наташу поступить в медицинский колледж нашего города. Записал её на подготовительные курсы, вместе с ней учил химию и биологию (вот и пригодилась моя «золотая медаль»). Наташа учится уже на втором курсе. Сегодня пойдём выбирать обручальные кольца – два дня назад сделал ей предложение.

Стихи:

И. Суриков

Д. Ефремова

Е. Власова 5

И. Харabet (стихотворение «Деревенский пшит»)

Любовь по интернету

– Так, не забыть подписать накладные у снабженцев, иначе останемся без топлива. Зайти в бухгалтерию, отдать счёт по исполненным договорам. Вроде всё. Зайти на минутку к подружке Ирке Лазаревой. Все эти мысли, теснились в симпатичной головке молодой женщины по имени Татьяна, примерно тридцати пяти лет от роду. Уже два месяца, как она из Татьяны превратилась в начальника отдела сбыта ООО «Металлист» – Татьяну Анатольевну. Уверенная походка, дорогой парфюм, строгость во взгляде. Сегодня она приехала подписывать бумаги у самого крупного клиента компании. Возле отдела «Новые строительные технологии» сбавила шаг, собираясь заглянуть к подруге, но не успела. Дверь резко открылась, из кабинета выскочила заплаканная Ирочка. Ирочка и Татьяна вместе учились, и дружить стали класса с десятого. Не то чтоб это была такая уж близкая дружба, но девичьи воспоминания всегда сближают, и теперь уже взрослые женщины частенько делились друг с другом наболевшим. Ирочка была разведена, а в последнее время пыталась устроить свою личную жизнь, но как она говорила: «Одни козлы попадаются». Сейчас лицо Ирочки симпатичным назвать было трудно. Красный, распухший от слёз, нос, потёкшая тушь, стёртая помада.

– Ируся, привет! Что случилось, подруга? – спросила она заплаканную женщину, обнимая её за плечи.

– Он меня бросил.

– Кто бросил? Ты уже целый месяц ни с кем не встречаешься.

– Николай!

– Какой Николай?

– Он со мной в группе познакомился.

– В какой группе, Ира? Ты же никуда кроме фитнеса не ходишь?

– В контакте, в группе поэтов. Николай, он тоже с Подольска.

– Ира, но ты же не поэт! Или поэт? Ничего не пойму.

– Я хотела с настоящим поэтом познакомиться, вот и зашла.

– Зачем тебе поэт?

– Мне не хватает душевного тепла. Хотела, чтобы мне стихи читали и называли своей Музой. А он такой возвышенный, утончённый. Не то, что это быдло офисное. Только и могут в вырез блузки заглядывать, а как жениться, так ни одного желающего. А мне уже тридцать пять лет, у меня уже вон, морщинки появились! Кому я морщинистая нужна бу-у-ду!

Ирочка снова расплакалась, вытирая слёзы кусочком бумажного полотенца.

– Ты познакомилась с ним в группе в контакте, он читал тебе стихи и говорил, что жить без тебя не может. Но что-то пошло не так, и он тебя бросил. Правильно?

– Неет, – сквозь слёзы сказала заплаканная женщина.

– Так что же случилось между тобой и этим «возвышенным» негодяем?

– Всё было хорошо. Он мне понравился, я ему. Целый месяц романтической переписки, признания в любви, клятвы – говорил, что жить без меня не может. Писал, как будет страстно целовать меня при встрече и носить на руках, потому что я – богиня. В субботу назначил свидание. Я готовилась, причёску новую сделала, платье купила. Но сегодня он написал, что бросает меня. Просто так, без повода.

– Ирочка, успокойся, просто так ничего не бывает. Иди, работай. Вечером, часиков в восемь, приходи ко мне. Вместе – мы во всём разберёмся.

Ирочка перестала плакать, вытерла слёзы.

– Спасибо тебе, Танюша, я думала – умру! Сердце так и разрывалось, ты такая хорошая.

Рабочий день у Татьяны Анатольевны закончился ровно в 18:00. Неспешно убрав бумаги со стола, она вышла из своего кабинета, сдала ключи пожилому охраннику и отправилась домой.

Дома всё было как обычно, муж пришёл чуть раньше и уже сидел за компьютером.

– Привет, дорогой, – поприветствовала она мужа.

– Привет, дорогая, – ответил он, не вставая с кресла. А ведь ещё полгода назад он встречал ее в прихожей, помогал раздеться, целовал, говорил, что скучал. Как будто всё это было в другой жизни.

– Как на работе? – спросила она.

– Да всё нормально, у тебя как?

– Пыхтим потихоньку, Юрич опять пьяный пришёл, ты его помнишь, наверное, на шашлыках у нас был.

– Да помню, а что, он запил?

– Да с женой последнее время как кошка с собакой.

– Может, помирятся?

– Может и да, а может и нет, – ответил муж.

– Витя, посиди со мной пока я поужинаю.

– Не могу, у меня в «танках» бой начинается.

– Ну, а кино вечером посмотрим?

– Нет, у нас клановые войны, меня мужики не поймут.

– Вы как дети малые со своими танками, лучше бы жёнам бой устроили, – ответила женщина.

– Таня, ложись без меня, у нас в 00:30 совещание командиров. Да, да, без меня не обойдутся.

– Опять придётся одной засыпать, – подумала Татьяна, и не в первый раз уже. Что бы они сгорели, твои танки! Будет лежать, и ждать чуда. Может свет отключат, или компьютер сломается? Тогда они заснут вместе, крепко прижавшись друг к другу. Татьяна будет чувствовать рядом

горячее тело мужа, уляжется на его плечо, будет водить рукой по его груди, животу, а может и опустит руку ниже, станет говорить всякие глупости, наслаждаясь минутами такой нужной обоим душевной близости.

В дверь позвонили.

– Дорогая, ты кого-то ждёшь? – крикнул из-за компьютера Виктор.

– Да, ко мне Ирка Лазарева пришла, мы с ней на кухне по бокальчику вина выпьем и поговорим о своём, о женском.

...Ну вот, Танечка, – продолжила Ирина, отпив глоточек красного вина, – так я и попала в эту группу Вконтакте. Все вежливые, культурные, ко мне только на «Вы» обращаются, интеллигенты, одним словом. Я сказала, что я – начинающая поэтесса, и мне нужен наставник. Они сообщениями меня засыпали, все хотели быть моим наставником. Я странички желающих просмотрела и выбрала Николая.

– Почему Николая? – попросила уточнить Татьяна.

– Ему 37 лет, живёт с нами в одном городе, и он симпатичный мужчина, – ответила подруга.

– Ирочка, но ведь всё может быть совсем не так! У меня самой на аватарке Вконтакте стоит фотография польской актрисы!

– Танечка! Я ему верю. Он интеллигентный человек, поэт, он врать не будет!

– Ой, Ира, ой, не знаю. Сердцем чувствую, не его фотография. Ты сама какую фотку на аватарку установила?

– Ну, ту, я тебе показывала, в красном платье.

– Это то самое платье с вырезом до пупка?

– Ну да, та самая фотка. А что, пусть видят, в какой я отличной форме для своих тридцати.

– Тридцати пяти, – поправила её Татьяна.

– Злая ты, Танька, может, я себя на тридцать чувствую, – Ирочка сделала губки бантиком и выпятила грудь.

– Смотри, больше тридцати не дашь!

– Рассказывай, молодуха, что произошло, ты же сказала, у вас с Николаем любовь.

Ирочка собралась разреветься.

– Так, даже не думай, выпей вина, сейчас во всём разберёмся. Во-первых, почему ты решила, что это любовь?

– Таня, он такой, такой! Он так мне о любви рассказывал, так рассказывал! Стихи писал, говорил, что умрёт, если мы не будем вместе. Обещал, всю жизнь на руках носить. И любить до гробовой доски. Называл своей Музой. Вот послушай, что он мне написал:

*Я в глазах твоих утону, можно?
Ведь в глазах твоих утонуть – счастье.
Подойду и скажу: Здравствуй,
Я люблю тебя. Это сложно...
Нет, не сложно, а трудно,
Очень трудно любить, веришь?
Подойду я к обрыву крутому,
Стану падать, поймать успеешь?
Ну а если уеду – напишешь?
Я хочу быть с тобой долго
Очень долго...
Всю жизнь, понимаешь?*

Ирочка опять заплакала.

– Да, красивые стихи. Раз он тебе такие стихи пишет, точно – влюбился, надо вас помирить. – Давай ему напишем, – предложила Татьяна. Ведь не может он просто так взять и бросить тебя? Может ты его чем-то обидела, поэты – они такие ранимые и обидчивые, как дети.

– Я не могу, – хлюпя носом, сказала Ирочка, он меня в чёрный список внёс. Давай с твоей странички напишем.

– Ну, не знаю, это же моя страничка.

– Тебе жалко, что ли, сообщение отправить? Ты же моя

подруга, ну, пожалуйста, Танюша, спаси! – слёзы снова покатались из глаз Ирочки.

– Хорошо, только не реви, скажи ему, что это страница подруги, пусть потом мне не пишет.

Весь вечер со странички Татьяны отправлялись сообщения Николаю, полные слёз, мольбы и страданий. Вот и допита бутылка вина, выплакана пара рюмок слёз, бесчисленная череда любовных посланий застыла в паутине Интернета. Надпись под аватаркой не даёт шансов на прощение: – Николай был в сети 10 часов назад.

Рабочий день Татьяны, начался с просьбы зайти в бухгалтерию. «Опять накладные перепутали!» – подумала она. Женщина посмотрела на себя в зеркальце, подправила помаду на губах и вышла в коридор. Навстречу шёл Влад Сергиенко. Он заулыбался. Красивый, подтянутый, мечта незамужних дам всех отделов. Татьяне он нравился, да и она ему, как рассказали ей сотрудницы по секрету, тоже.

– Привет Танечка, ты как всегда обворожительна, – мужчина галантно поцеловал Танину ручку. – Вы, Танечка, больше похожи на королеву красоты, чем на начальника отдела.

– Влад, ну ты известный мастер по комплиментам, – ответила женщина.

– Надумаешь бросить мужа, скажи мне первому, я, не раздумывая, возьму тебя замуж.

– Владик, Владик, смотри, а вдруг твоё желание сбудется? – с улыбкой ответила женщина.

– Я буду просто счастлив, – улыбнулся Влад. – Но сейчас вынужден тебя оставить – генеральный ждёт.

– Увидимся, – ответила она и послала ему воздушный поцелуй.

«Интересно, а каков он в постели?» – подумала Татьяна, глядя в спину удаляющемуся мужчине, и сама удивилась своей мысли. Такого с ней раньше не происходило.

Все знали, что от Влада сбежала жена, но никто не знал причину. Решение женской части коллектива было единогласным: «От такого мужика сбежать могла только дура!»

Заглянуть на свою страничку в социальной сети Татьяна смогла только в обед. Сразу обратила внимание на прямоугольник письма с цифрой «два», висящий в правом углу странички. «Ответ он Николая пришёл», – подумала она. Палец застыл над пиктограммой сообщения. «Сейчас открою, и решится судьба Ирочки, – подумала она. – А вдруг там что-то плохое? А может он её простил? Не открою – не узнаю».

Она не ошиблась, оба письма были от Николая. В первом было написано: «Ирина! Не пишите и не звоните мне. Вы разрушили те прекрасные чувства, которые были между нами. Увы, огонь любви погас, залитый ложью и предательством. Прощайте же навсегда. Я Вас любил...»

«Вот так дела! – подумала Татьяна. – Да Ирка после такого письма реветь неделю будет. Удаю-ка я его, скажу, что он внёс и меня в чёрный список. Так, она его быстрее забудет. Надо будет пригласить Ирочку на ближайший день рождения и с кем-нибудь познакомить. Рядом с хорошим мужчиной все невзгоды и обиды мигом забудет. Какая я умница!»

От того, что проблему Ирочки можно решить, на душе Татьяны стало спокойно. Так, а что там во втором письме?

«Уважаемая Татьяна! К моему глубокому сожалению, дальнейшие отношения с Ириной считаю невозможными. Я случайно узнал, что она переписывается ещё с одним по-этом из нашей группы.

*Нельзя сначала убивать,
Потом шептать: «Я не нарочно!»
Нельзя все время предавать,
Потом молить: «Исправлюсь, точно!»*

Я искренне Вас благодарю за участие в нашем примирении. К сожалению, оно невозможно. У Вас, Танечка, большое доброе сердце, я вижу, какой вы замечательный человек. Я написал для Вас стихи, примите как подарок от меня за все ваши труды.

*Нежная, как бутон в солнечном свете,
Радужная, как росиночка на рассвете,
Милая, словно бабочка, что порхает.
Уникальная, ведь таких не бывает!
Ты прекрасная девушка, ты ведь знаешь?
Ты как Ангел, когда ты мечтаешь...
Прямо светишься нежным светом,
И вот романтично воспета поэтом!*

«Интересно, о переписке с другим мужчиной Ирочка не сказала», – подумала Таня. Кто же из них врёт? Ирочка? Николай?

Стихи Татьяне ещё никто не посвящал. Это было приятное чувство. Щёки Татьяны покраснели, сердце забило быстрее. Мне посвятили стихи!

Дома муж заметил блуждающую улыбку на лице жены.
– Чему это ты улыбаешься? – спросил он.

Татьяна вспоминала первое, написанное для неё стихотворение, но мужу сказала: «Сотрудница замуж выходит, вспомнила, как это у нас было».

– Да, есть что вспомнить, – заулыбался муж.

Засыпала Татьяна опять одна, у мужа была очередная компьютерная война, где без него никак. «Надо было хоть спасибо за стихи сказать» – подумала она.

Утром, во время завтрака, снова просмотрела свою страничку в социальной сети. Новости, пара лайков за фотографии, вездесущая реклама. Пока муж сидел с план-

шетником в туалете, написала Николаю: «Николай! Спасибо за стихи, которые вы для меня написали». Нет, не то чтобы она боялась, что муж увидит, это просто была не её тайна. А «спасибо» за стихи – это обычная вежливость. Женщина закрыла свою страничку, посмотрела на время – пора на работу.

День, как обычно, начался с миллиона телефонных звонков: заказчики, поставщики, начальство. Татьяна даже кофе смогла выпить только в начале одиннадцатого. После обеда зашла в кабинет, сняла туфли и вытянула ноги, положив их на соседний стул, глубоко вздохнула. Напряжение, копившееся с утра, сразу спало. Зашла на свою страничку в соц.сети, посмотреть фотографии и почитать новости. Вот и новое сообщение. «Опять Ирка на мужиков будет жаловаться», подумала она, нажимая на конвертик. Однако письмо было не от подруги, написал ей Николай.

«Добрый день, Татьяна! Я с огромной благодарностью принимаю ваше «спасибо». После некрасивого поступка Ирочки, весь мир для меня погрузился во тьму, в моей жизни не осталось ни одного светлого лучика.

*Я тебя теряю –
Как лес теряет музыку,
Когда в него приходят холода.
Моей душе –
Пожизненному узнику –
Из памяти не выйти никуда.
Я тебя теряю –
Как дом теряет небо,
Когда окно зашторивает дождь.
И будущее наше, словно ребус:
Я не прочту.
И вряд ли ты прочтёшь.*

И вот появились Вы. Я снова улыбаюсь! Не бросайте меня, Татьяна, без вашей поддержки мой мир затопит чернота одиночества».

*Мы поговорим о том, как излечить,
Чтоб сердце вновь не искалечить,
Как научиться просто жить
Счастливою дорогой в вечность.*

«Бедный, бедный Николай, – подумала Татьяна. – Он любил Ирочку, а она так с ним поступила. О том, что Ирочка и Николай познакомились по Интернету всего месяц назад, и никогда друг друга вживую не видели, она как-то забыла. Да-а, Коля, угораздило же тебя на Ирочку попасть».

Татьяне искренне было жаль мужчину. И стихи он пишет красивые. Настоящий поэт!

Немного подумав, Татьяна написала ответ: «Николай, всё у вас будет хорошо, не отчаивайтесь! Вы ещё встретите девушку своей мечты».

О том, что Николай не поэт, и стихов не пишет, Татьяна не узнает никогда. Все «свои» стихи он ворует у известных поэтов. Разведённый мужчина, придумавший себе развлечение, как он его назвал «развод куриц по Интернету». Последней его жертвой была Ирочка. Месяц пудрил ей мозги, признавался в любви, называл своей музой, обещал связать с ней свою жизнь. И когда Ирочка ему поверила, он её бросил, получая огромное удовольствие от её слёзных сообщений. Как они ржали с мужиками, когда он рассказывал об очередной «победе». И тут, вот удача, нарисовалась очередная дурочка. Он не всегда был таким. Всё началось, после того, как его жена ушла к его лучшему другу. Теперь он был мстителем, обманывая и бросая женщин, получал удовольствие. «Все они одним миром мазаны, заработали» – решил

он. Но в последнее время злость его сошла на нет. Он и сам не сразу поверил в то, что произошло, ему понравилась замужняя женщина. Ему, женоненавистнику, да ещё и замужняя! Это последний «развод куриц по Интернету» решил он, но переписку не прекратил. К своему удивлению он понял, что эта женщина ему нравится.

Этот вечер ничем от других вечеров последних полгода не отличался. Муж прилип к компьютеру, танковые бои затянули его с головой. Женщина поужинала в одиночестве, приготовила картофельное пюре с котлетами на обед для мужа.

Подошла к нему, обняла:

– Дорогой, давай телевизор вместе посмотрим, я скучаю по тебе, ты вроде и дома, а я тебя не чувствую. Ты или за компьютером, или на работе. Мне так не хватает наших вечерних разговоров. Чувствую себя одинокой женщиной.

– Таня, у меня бой, ты мне мешаешь. Вот! Промазал из-за тебя! Убери руки, я прицелиться не могу. Сама телек посмотри. Поговорить и с подругами можно. Я занят.

Женщина зашла в спальню, легла на супружескую кровать и включила висящий на стене телевизор. «Вот и кровать стала не супружеским ложем, а просто местом, где я засыпаю в одиночестве. Одна радость была – проснуться пораньше и прижаться к широкой спине мужа. Да и близость, хорошо, если пару раз в месяц, а ведь нам всего по тридцать пять», – с грустью думала она. С экрана телевизора очередная певичка пела о каких-то половинах, ей всё было мало. Краем уха слушая музыку, Татьяна включила телефон и зашла на свою страничку. «Посмотрим, посмотрим», – Таня уверенно открыла новое сообщение от Николая.

«Здравствуйте, Татьяна! Спасибо за тёплые слова. Они придают мне сил. Но я считаю крайне несправедливым, что мы говорим только обо мне. Позвольте узнать, как ваши дела?»

«Хоть кто-то спросил, как у меня дела», – подумала Татьяна.

«Николай, у меня всё нормально, на работе небольшая запарка была, но всё разрешилось».

Прежде чем отправить письмо, подумала: «А не слишком ли откровенно для совершенно незнакомого человека? Хотя, с другой стороны, он единственный, кто интересуется как у меня дела. На крайний случай, заблокирую его и забуду».

Изящный пальчик с маникюром нажал «отправить сообщение».

«Татьяна, вы такая замечательная женщина, что все неприятности просто обязаны обходить вас стороной. Ночью я проснулся от мысли, что в мире ещё есть добрые и отзывчивые люди. Этой же ночью я написал стихотворение, не скрою, ваш образ мне помогал.

*Всегда найдётся женская рука,
чтобы она, прохладна и легка,
жала и немножечко любя,
как брата, успокоила тебя.
Всегда найдётся женское плечо,
чтобы в него дышал ты горячо,
припав к нему беспутной головой,
ему доверив сон мятежный свой.
Всегда найдутся женские глаза,
чтобы они, всю боль твою глуша,
а если и не всю, то часть её,
увидели страдание твоё.
Но есть такая женская рука,
которая особенно сладка,
когда она измученного лба
касается, как вечность и судьба»*

«Какие красивые стихи, – подумала Татьяна. – И это для меня, именно для меня. Нет, Николай гениальный поэт и очень внимательный мужчина»

– Танюша! – услышала она голос супруга.

– Что, любимый?

– Сделай мне кофе с бутербродом, я встать не могу, у меня бой на Глобальной Карте через минуту.

– Сейчас сделаю, – крикнула она и пошла на кухню.

«Неужели, я стала нужна ему только для этого? Куда делась слова любви? Куда пропала нежность в словах и поступках? Нет больше ласковых «обнимашек» и шаловливых поцелуев, он даже перестал хлопать меня по попке! Последнее полгода я чувствую себя мебелью, а не женщиной».

Татьяна отнесла мужу кофе и бутерброды, вернулась в спальню, перед зеркальной дверью шкафа-купе распустила волосы. Из зеркала, на неё смотрела симпатичная, с хорошей фигурой, зеленоглазая женщина среднего роста, чёрные волосы рассыпались по плечам. Сняла домашний халат, оставшись в одних трусиках. Грудь не висит, стройная, талия есть. На секунду задумавшись, сняла и трусики. Даже стрижку «там» сделала, а он даже не замечает. Повернулась боком. Попка торчит, не плоскодонка, упругая.

«Но ведь не уродина! Выгляжу лучше большинства своих подруг. Что же случилось? Почему с мужем мы станем всё дальше и дальше друг от друга? Кто в этом виноват?»

Женщина оделась, по телевизору продолжалась музыкальная программа, какие-то молодые девушки пели очередной шлягер: «Между нами любовь! Между нами любовь! Между нами любовь! Вот такая, вот такая любовь!»

Вот, у кого- то любовь, а у кого-то она умирает, подумала она. Села на кровать и взяла в руки телефон. Открыла свою страничку в соц.сети, новых писем не было. Татьяна

расстроилась, но понять причину этого не могла или не хотела. «Пойду конфетку съем, всё равно мужу – всё равно, как я выгляжу, – подумала она и отправилась на кухню.

Пять следующих дня пролетели как один. Самый крупный покупатель металла затеял большую стройку, и отдел Татьяны оказался загружен работой по самую крышу. Домой уходили в десятом часу вечера. Сил не оставалось даже на семью. И вот, наконец-то долгожданная суббота.

Можно выспаться, поваляться в кровати, да и просто посмотреть телевизор. В воскресенье, разобравшись с накопившимися домашними делами, Татьяна устроилась перед телевизором, шли «Танцы на ТНТ». Передача завораживала, молодые парни и девушки показывали своё мастерство на сцене. Татьяна не могла оторвать от них глаз, переживала за каждого участника. Во время очередной рекламной паузы взяла в руки телефон и открыла свою страничку. Четыре непрочитанных сообщения! Открыла первое, от Ирочки. «Танюша привет! Тебе Николай ответил?».

Татьяна хотела спросить у подруги, писала она другому мужчине в группе или нет, но передумала. Ведь не просто так её бросил Николай. Поэт, интеллигентный человек, приятный в общении мужчина соврать о причине разрыва с Ирочкой просто не мог! Скорее всего, Ирочка закрутила роман сразу с двумя. Сделав такой вывод, Татьяна написала ответ: «Нет, он и меня внёс в чёрный список». Так будет спокойнее, решила она и отправила сообщение.

Так, так, кто там ещё мне пишет? Три остальных сообщения были от Николая.

«Татьяна! Хочу Вас спросить, понравились ли вам мои стихи?»

«Татьяна, Вы так долго не отвечаете, Вы на меня обиделись за назойливость? Если так, прошу меня извинить».

«Татьяна! Вы пропали, я за Вас очень переживаю, у Вас всё хорошо? Пожалуйста, ответьте мне».

Татьяна прочитала сообщения Николая, и подумала, что есть на свете человек, который волнуется и переживает за неё. Практически незнакомый, человек, с которым её жизнь пересеклась по воле случая. Ведь если бы она пришла подписывать бумаги чуть раньше, или чуть позже, она бы не встретила Ирочку, и никогда не узнала о существовании Николая. Это судьба или слепой случай? К сожалению, ответа у Татьяны не было.

– Да фугасом в него бей! – Татьяна вздрогнула от громкого вскрика мужа. – Серёга! Он ваншотный! Смело лезь у тебя ХП ещё больше половины! Нет фугаса, голду заряди!

Для слуха Татьяны это была непонятная тарабарщина, которую она слушала последние полгода.

«Это что, навсегда?», задала она сама себе вопрос, ответа на который у неё не было.

Над аватаркой Николая горел огонёк с зелёной надписью «Онлайн».

Татьяна, немного подумав, начала писать сообщение:

«Добрый вечер, Николай! У меня всё хорошо, зря вы волновались, на работе была запарка».

«Здравствуйте, Татьяна! Я рад, что у вас всё благополучно. Я уже подумал – не случилось ли чего, три дня не мог заснуть».

Было приятно, что где-то там, в бесконечных сетях интернет-паутины, кто-то за неё переживает. Но она – замужняя женщина, и ни о каких отношениях с другим женщиной не может быть и речи, даже о таких, виртуальных. Поэтому, она написала: «Николай! Мне конечно, приятно, что вы за меня переживаете, стихи вы пишете красивые, но всё же мы совершенно посторонние друг другу люди».

Татьяна сходила на кухню, сделала себе бутерброд и чай, вернулась. Взяла в руки телефон, ни одного сообщения не было. «Ну вот, обиделся», – подумала женщина.

Вроде и всё равно, а вроде и нет, не пойму. Да что я вообще волнуюсь, нужен он мне», – подумала она и включила телевизор. Через пятнадцать минут просмотра очередного сериала поймала себя на мысли, что уже четыре раза открывала свою страничку, и каждый раз смотрела на прямоугольничек письма. Ответа от Николая не было. Точно обиделся. Интересно, а фотография на его страничке настоящая? – подумала она. Увеличила фото, с телефона на неё смотрел молодой Дэвид Духовны. В углу экрана загорелась цифра один – новое сообщение. Сердце Татьяны предательски дрогнуло. Открыла письмо.

«Татьяна, извините, что сразу не ответил. Смотрел в записи «Битву экстрасенсов», последний выпуск. Обожаю всё, что связано с экстрасенсами, магией и ясновидением».

Татьяна ещё со школы любила подобные вещи. Слова «магия» и «ясновидение» вызывали у неё трепет. Она обожала программы про магов. Муж считал это дуростью и баловством.

«Николай! Мне очень интересно всё, что связано с магией и ясновидением!»

Ответ от Николая пришёл через минуту. «Танечка, можно я Вас так буду называть? Я тоже немного ясновидящий, хотите, я посмотрю в будущее и скажу, что с вами будет завтра?»

«Конечно, хочу. Коля, можно и я буду называть вас не столь официально?»

«Танечка, Вам можно всё! Так вот, заглянув в завтрашний день, я увидел, что Вы идёте на работу и держите в руках сумочку».

Татьяна улыбнулась экрану телефона. В том, что она завтра пойдёт на работу и в руках у неё будет сумочка, она не сомневалась. От такой простой шутки настроение стало заметно лучше, как будто в комнате прибавилось света.

«Вы насмешили меня Коля. Даже настроение стало лучше».

«Танечка! Мне очень легко с Вами общаться. Вы такая светлая женщина. Я стихотворение написал о внезапной любви. Буду рад, если оно Вам понравится. Это ни в коем случае не о нас. Мы с вами просто друзья.

*Любовь приходит к нам незвано,
Она как белый снегопад,
Всегда красива и желанна,
И каждый человек ей рад.
Бывают бури и сомненья,
Бывает ревность, как гроза.
Но нет прекрасней ощущения,
Чем посмотреть любви в глаза.
Она украсит все мгновенья,
Позволит в небесах летать.
От скуки вмиг найдёт спасенье,
Позволив чувствами дышать.*

«Какие прекрасные стихи, – подумала Татьяна. А ведь когда-то и у нас с мужем была такая незваная любовь».

– Жена-а! Ты где? – услышала она голос мужа.

– В спальне, телевизор смотрю, – ответила Татьяна.

– Пойдём, прогуляемся?

– Конечно, я сейчас оденусь. – Женщина была рада, что муж, наконец-то вспомнил о ней.

– Витенька, я через пятнадцать минут буду готова.

Быстренько нарядилась, поправила причёску, пошла на себя духами от Дольче и Габбана «3 L'IMPERATRICE».

– Всё, я готова! А что это ты обо мне вспомнил? – спросила она.

– Да мне денег надо в игру закинуть, заодно и тебя выгуляю.

«Как будто я собака какая-то, выгуливать он меня будет».

– А стихи мне считаешь, как в молодости? – спросила она мужа. – Ну, хоть из Интернета? Или, может, в киноходим?

– Какие стихи? Какое кино? Кино дома по телеку посмотри. Мы пятнадцать лет женаты.

Хорошее настроение Татьяны пропало.

– Что скисла? – спросил мужчина. – Веселее! Тебя муж гулять ведёт!

«Лучше бы ты на супружеской кровати меня «выгулял», – подумала она, – скоро забуду, как это вообще бывает».

Её желание исполнилось. Примерно в два часа ночи её разбудил муж. Ну, как разбудил? Задрал ночнушку, отодвинул в сторону полоску трусиков, пристроился со спины, схватил за бёдра, и отдал «супружеский долг».

– Вить, ты хоть бы поцеловал меня, – с обидой в голове сказала она.

– Я тебя следующий раз поцелую, может быть, даже грудь помну, а сейчас я спать хочу, – ответил мужчина.

– Витя, может ребёночка заведём? Я очень хочу. Нам уже давно пора. У всех наших знакомых дети уже в школу ходят!

Муж сел в кровати, потрогал лоб жены

– Ты заболела, мать? Дай пожить для себя, какие дети? Больше этот вопрос не поднимай.

Отвернулся и через минуту заснул.

«Больше похоже на изнасилование» – подумала Татьяна, и, поворочавшись ещё с полчаса, заснула.

Переписка с Николаем продолжалась уже второй месяц. Каждое утро Татьяна первым делом заходила на свою

страничку. Каждый день Николай присылал ей свои стихи о любви, картинки с цветами и смешными рожицами. Иногда Татьяна даже плакала от избытка чувств. Стихи Николая и его цветочные картинки заменили ей внимание мужа, которое за последние полгода сошло на нет. Они переписывались обо всём: о погоде, моде, очередном выпуске «Битвы Экстрасенсов», спорили, кто победит в новом сезоне. Виртуальный мужчина стал для неё лучшим другом. Таня фантазировала, какой была бы её жизнь, если бы она вышла замуж за Николая. Всё представлялось ей в радужных красках. Они идут по летнему парку, она с коляской, ещё один ребёнок (ей, почему-то казалось – мальчик) идёт рядом, держа Николая за руку. Семейная идиллия. Из него получился бы хороший отец и муж. Внимательный, чуткий, всегда выслушает, пишет стихи и говорит красивые слова о любви.

Татьяна подолгу разглядывала его фото со странички в Интернете. С фотографии на неё смотрел уверенный в себе, зеленоглазый мужчина с русыми волосами, выше среднего роста. Худошавый, открытое лицо, застенчивая улыбка. Ничего необычного, самый простой человек, пишущий для неё стихи и ставший за месяц лучшим другом и собеседником. Она прекрасно знала, что это не его фотография. Но кто запретит женщине мечтать?

А сегодня ночью он ей приснился.

Тихая летняя ночь. Она с Николаем под ручку идёт по летнему парку. Ярко горят звёзды. Они такие большие, и висят так низко, что, кажется, их можно потрогать рукой. Пешеходная дорожка спряталась среди огромных деревьев, изредка встречаются широкие лавочки с вычурными гнутыми спинками. Поют ночные птицы. Людей практически нет, лишь где-то вдали играет музыка, и слышен смех молодёжи. Ветер доносит запах жареного мяса

и дыма. На Татьяне лёгкое платье, босоножки она держит в руках, по тёплой от солнечных лучей тротуарной плитке приятно идти босиком. Тело женщины наполняет лёгкость и ощущение счастья, ей кажется, что она не идёт, а парит над землёй. Николай читает стихи о счастливой и яркой любви.

– Коленька, давай присядем, я устала, – говорит она.

– Конечно Танюша, я должен был предложить это сам.

Татьяна садится на лавочку, Николай становится перед ней на колени и начинает массировать ступни. Усталость уходит, уступая место приятному чувству от лёгкого массажа и сильных мужских рук.

– Танечка, ты такая красивая, смотрю на тебя и не могу глаз отвести. Ты сегодня самая яркая звезда на этом небосклоне.

От комплиментов, сердце забилося чаще, она покраснела. Хорошо, что ночью этого не видно.

– Танечка, смотри, какие яркие звезды. Хочешь, я расскажу тебе о созвездии Кассиопеи?

Татьяне не важен смысл его слов, она слушает его голос и плывёт по тёплым волнам летнего вечера. Николай поворачивается к Татьяне и бережно целует ее шею. Огонь от поцелуя жарким пламенем разливается по всему телу, рука мужчины скользят вверх, грудь Татьяны оказывается в крепкой мужской ладони, Николай сжимает её и нежно поглаживает. Наконец, их губы встречаются, рука Николая опускается вниз, скользит по животу, ниже по ноге, останавливается у колена, там, где начинается платье. Пальцы мужчины ныряют под край платья, рука движется вверх по ноге и останавливается. Татьяна затаила дыхание. «Ну что же ты остановился, Коля» – шепчут губы женщины. Рука мужчины продолжает движение.

Да, Коля, да! О боже, как же хорошо! Женщина тонет

в волнах дикого наслаждения, которые с каждой минутой накатывают на неё сильнее и сильнее. После очередной волны, тело взрывается фейерверком, сознание Татьяны разлетается миллионом частичек по всему парку. Эйфория длится недолго, парк начинает трясти, деревья ломаются, небо превращается в серую кашу.

– Танюха, проснись, – слышит она голос.

– стонала во сне, – говорит муж. – Всё нормально?

– Да, всё хорошо, кошмар приснился, – отвечает она и отворачивается от мужа. Волшебный сон уже не вернуть, но чувства она не забыла, такого удовольствия она не получала давно.

«Спасибо Коленька», – подумала она, и заснула.

На работу Татьяна стала ходить с удовольствием. Ведь только там можно было, не опасаясь мужа, переписываться с Николаем, нет, с Коленькой, после памятного сна Татьяна называла его только так. Она осторожными вопросами разузнала всё о жизни Николая. Оказалось, что жена сбежала от него с его лучшим другом, после того, как тот выиграл в лотерею 20 миллионов рублей, детей у него не было. Хорошо, что квартира осталась ему от родителей, и на улице он не оказался. Николай хотел познакомиться с одинокой девушкой, можно даже с ребёнком, но пока такую не нашёл. Писал, что связал бы свою жизнь с ней, но, к сожалению, для него, она замужем. Рассказал, что готовит к выпуску книгу своих стихов, но не хватает денег – примерно 45 тысяч рублей. Он прекрасно понимает, что таких денег ему никто не даст, поэтому будет экономить. А поэты в России всегда были голодными.

Татьяна, конечно, в книгопечатании не разбиралась, но точно знала, что книг без обложки не бывает. Николай собирался заработать эти, но боялся, что цены поднимут, и денег не хватит. Сейчас он ищет человека, у которого

можно эти деньги занять без процентов на пару месяцев. А потом, он, конечно, отдаст, – за книгой его гениальных стихов уже очередь стоит. Татьяна ни минуты не сомневалась в том, что она займёт Николаю эту сумму. Гениев надо поддерживать, тем более таких, от одного имени которого сердце бьётся чаще, и наливается грудь. А деньги были, на летний отдых в Турции, в секретной коробочке лежало 60 тысяч рублей. Если взять на пару месяцев, никто и не заметит. После продажи книг Николай ей всё вернёт. Никакого риска, она просто сделает доброе дело.

«Николай! Я готова занять тебе 45 тысяч рублей на пару месяцев. Деньги возьму из отложенных на отпуск. За это время ты продашь свои книги, вернёшь деньги, я их доложу до отпускных, и всё будет хорошо. Как тебе моя идея?».

«Танюша! Ты просто добрая волшебница! Это отличная идея! Я уверен, что мои стихи будут раскупать, как «горячие пирожки». Деньги вернём за пару недель. Может в каждой книге написать тебе благодарность? Пусть люди знают, благодаря кому они читают мои стихи».

«Нет, Коленька, не надо надписей. Просто сделай мне приятное, выпусти книгу».

«Танечка, вот какой вопрос, как я тебе расписку напишу?».

«Николай, никаких расписок не надо. Я верю тебе. Да и разве может быть иначе? Просто скажи, куда отправить деньги? И с тебя экземпляр книги с автографом».

«Танюша! Да я для тебя солнце с неба достану! Я тебе десять книг подарю! Буду каждый день приезжать к тебе и привозить по одной книге. Сегодня узнаю, куда перевести деньги и отправлю тебе реквизиты».

Татьяна Николаю нравилась, и деньги он брать не хотел. Но днём позвонила бывшая жена, обзывала его «ни на что негодным нищебродом и недомужиком, который жене

даже машину не мог купить». Настроение было мерзким, опять переполняла ненависть к женщинам. Отвратительное настроение продержалось пару дней. На третий он написал Татьяне.

«Танечка, может, в честь выхода книги, в кафе сходим или в кино? Мы ведь с тобой из одного города».

«Я с удовольствием, я очень этого хочу, но я замужем, и мало ли что...»

«Танечка, я сейчас прочитаю тебе стихотворение, про ад и рай, ты поймёшь, что не всё так страшно.

*В Раю шёл снег, в Аду была весна»...
Ты знаешь, в этой фразе столько тайны.
В Раю давно пожухла вся листва,
А Ад цветёт. И это не случайно.
Ведь каждая душа, придя сюда,
С собой приносит солнечные блики
И радугу, и капельки дождя,
И радости восторженные крики.
Всё, чем жила, она сюда приносит –
И смех, и слёзы, и надежды свет,
Мечты, желанья, сновиденья, грёзы –
Всё то, чего за гранью Смерти нет.
Но есть ли это всё в Раю стерильном?
Там только лишь Покой и Тишина.
Замёрзший мир... И время там застыло...
В Раю шёл снег, в Аду была весна...*

Танечка, выпьем по паре чашечек кофе или в кино сходим. Я же не предлагаю тебе поехать ко мне. Хотя, скажу честно, мне этого очень хочется. Ты для меня за последние два месяца стала самым родным человеком. Попью кофе, поболтаем, мы же друзья. Я тоже не могу долго сидеть в

кафе. У меня дома щенки хаски, нельзя надолго одного оставлять, он ещё маленький».

«Хаски! Какой ты счастливый Николай! Я так хочу на него посмотреть».

«Придётся ехать ко мне домой» – его ответ сопровождал смеющийся смайлик.

«Я подумаю», ответила Таня, уже зная, что наверняка согласится.

На следующий вечер, в одной из саун города Подольска, собрались мужчины, человек шесть. Столы ломились от закусок и спиртного. Один из мужчин, под одобрительный смех остальных, что-то рассказывал. Его прервал зашедший с улицы молодой человек. «Мужики, я девочек привёз, как и договаривались, шесть штук» – сказал он.

– Заводи и пусть раздеваются, – махнул рукой в сторону гардероба один из них.

– Так что там дальше было, рассказывай! – за столом продолжился прерванный разговор.

– Ну, я ей и пишу, так мол и так, не хватает денег на обложки для книг, я в шоке, жизнь не мила.

– Эта мадам пишет: «Денег тебе перешлю, пиши куда».

– Ну, ты молодец! Развести на сто косарей по переписке! – сказал один из мужчин, и похлопал рассказчика по плечу». А если она деньги назад потребует?»

– Да пусть требует. Жена когда сбежала, карту сбера оставила, с пин кодом, написанным с обратной стороны, она ещё полгода действительна. Вот на неё она деньги и перевела, с неё пусть и требует, – ответил он.

– Да ты не молодец, ты чёртов гений! – мужчины за столом уважительно заулыбались.

Но рассказчик был не весел.

– Ты, чё? Втюрился в неё? Ха-ха-ха! Ну, ты даёшь!

– Мужики! Он в эту бабу втюрился!

– Да не мужики, вы чё? Нет, конечно!

Мужчина врал. Женщина не выходила из его головы. Деньги, которые он у неё взял, жгли руки.

К концу года навалилось куча бумажных дел. Татьяна, целыми днями занималась отчётами. Вот и сегодня, на работу Татьяна пришла самая первая. Разделась, села за стол, достала зеркальце, посмотрелась, поправила причёску, и стала перебирать бумаги. Через Минуту зашёл Влад Сергиенко. Бодрый с мороза, свежий, улыбочивый. Увидел Татьяну.

– Привет, Принцесса, ты как всегда обворожительна. Ну и холодно же на улице, – добавил он.

– Владик, конечно холодно, до нового года пять дней осталось, – ответила женщина, улыбнувшись.

– Танюша, давай я тебя кофе угощу, – предложил он.

– Давай, – согласилась она. – Если есть повод отложить бумажную работу на пять минут, почему и нет.

Они вышли в коридор, и подошли к кофейному аппарату.

– Ты первая выбираешь, – сказал Влад.

– Танечка, ты так вкусно пахнешь! Так бы и съел!

Сердце женщины застучало, близость мужчины возбуждала, да и Влад ей нравился. Он осторожно положил руки ей талию, поцеловал в шею. Тело под его руками загорелось, жар распространился до самых кончиков пальцев, низ живота сладко заныл. Нежности, нежности ей не хватало последние полгода! И любви.

– Влад, я – замужняя женщина, – сказала она дрожащим голосом. – Так нельзя!

– Я это знаю, Танечка, но ничего с собой поделать не могу. Я влюблён в тебя последние полгода.

Женщина повернулась к нему лицом, прижалась, почувствовала, что он возбуждён, и впилась в его губы поцелуем изголодавшейся по ласке и любви женщины. Ноги

Татьяны стали подгибаться, мысли в голове спутались. Одна рука мужчины ласкала грудь, вторая смело нырнула под платье. Рука уверенно легла на ягодицы женщины. Открывшаяся входная дверь заставила обоих вздрогнуть. Волшебство близости звонко лопнуло с хлопком закрывающейся двери. Послышались голоса сотрудников, пришедших на работу.

Татьяна резко отстранилась от Влада, поправила платье, не смея посмотреть ему в глаза, пошла в женскую комнату. Лицо женщины горело. «Ещё минута, и я отдалась бы ему прямо там, – подумала она. – Да что же со мной творится?»

Умылась холодной водой. Привела мысли в порядок.

На переписку с Николаем времени практически не было. Лишь изредка она жаловалась ему на горы бумажной работы. Он утешал её, говорил, что скоро всё закончится, надо потерпеть, что прекрасно её понимает, потому что сам находится в таком же положении.

«Значит Николай, так же, как и я, офисный работник, – подумала она. Хоть что-то о нём узнала, он проговорился, а я заметила. Жаль, что в субботу мы так и не увиделись».

Татьяна расстроилась, что встреча не состоялась. Она очень хотела увидеть человека, который за три последних месяца стал лучшим другом и отдушиной в разваливающейся семейной жизни.

– Танюша, ты на корпоратив с мужем придёшь? – голос одной из сотрудниц отвлек её от грустных мыслей.

– Нет, он этот день у родителей проведёт, одна приду. На самом деле, Татьяна не знала, да и не хотела спрашивать мужа, где он в этот день будет. Идти с ним на корпоратив она не хотела, последнее время они становились всё дальше и дальше друг от друга. Они перестали ходить в гости, никого к себе не звали, последние полгода прожили

как люди, снимающие на двоих квартиру. Татьяна, конечно, понимала, что они вместе уже пятнадцать лет, но такое безразличие мужа к себе понять не могла. Да и простить тоже. Она женщина, а не табурет или комод.

Двадцать восьмого декабря, в самом большом офисном помещении отмечали Новый год. Как обычно, всё начиналось чинно и благородно. Женщины – в красивых вечерних платьях, в «боевой раскраске», мужчины, как обычно, кто в чём. Подведение итогов года, длинная речь генерального, который, к счастью для коллектива, сразу уехал, пожелания, тосты. Через два часа не осталось ни одного трезвого человека. Выпивали даже те, кто твёрдо для себя решил – на корпоративе не пить. Но общая атмосфера была такой, что остаться трезвым не было никакой возможности. Сотрудники разбились на группы по интересам, выпивали, танцевали, громко рассказывали анекдоты.

– Танечка, – обратилась к ней главбух, пожилая женщина предпенсионного возраста.

– У меня в кабинете упаковка салфеток, мы забыли их принести, может, сходишь? Я тебе ключи от кабинета дам.

– Конечно, схожу, давайте ключи.

Татьяна взяла ключи, прихватила с собой бокал шампанского и пошла в сторону бухгалтерии.

– Танюша! Я тебе помогу, – услышала она голос Влада Сергиенко.

– Да я и сама справлюсь, – ответила она.

– Там замок заедает, вдруг не откроешь? – не сдавался мужчина.

– Хорошо, пойдём.

Татьяна взяла мужчину под ручку, и они пошли по коридору в сторону бухгалтерии.

– Владик, ты не будешь ко мне приставать? – улыбаясь, спросила она.

– Конечно, буду, – так же с улыбкой ответил он.

– Как у кофе-аппарата? – уточнила она, делая глоток шампанского, – дверь хлопнет, сбежишь? Да, не дуйся, шучу.

– Я не дуюсь, и не сбегу, – улыбаясь, ответил он.

Парочка дошла до кабинета бухгалтерии. Татьяна отдала ключи Владу.

– Ну, показывай, что здесь заедает?

Замок и правда, открылся не с первого раза. Мужчина открыл дверь, и сделал приглашающий жест: «Дамы вперёд» – зашёл следом, закрыл за собой дверь.

– Вот они, нашла, – женщина держала в руках пачку бумажных салфеток. – Можно идти.

Он подошёл к ней, забрал салфетки, положил на стол. Взял женщину за руки. Татьяна замерла.

– Танечка, я тебя люблю.

– Я замужем, Влад.

– Знаю. Но поделаться с собой ничего не могу.

– Влад, такой разговор у нас уже был, но закончился с хлопком двери.

– Танечка, сегодня хлопнуть дверьми никто не будет. Мужчина повернул ключ в замке.

Он обнял её и поцеловал в губы. Руки женщины обвили шею мужчины, и она шепнула ему на ушко: «молния с боку».

Страстные объятия и жаркие поцелуи, не снятие, а срывание одежды. Мужчина рукой смёл со стола канцелярские принадлежности. Близки они стали здесь же, на столе главбуха.

Татьяна не о чём не жалела. Попросила Влада, одеваясь:

– Ты можешь вести себя со мной как и прежде?

– Конечно, Танюша, о нашей тайне не узнает никто.

После корпоратива прошёл месяц. Влад сдержал своё обещание, ни разу своим видом не показал, что между

ними, что-то было. Татьяна видела, что он очень хочет с ней поговорить, но она этого разговора не хотела, она была к нему не готова.

Николай поздравил с Новым годом, жаждал встречи, но Татьяна, ему ничего не обещала. Женщина запуталась.

В феврале, после обеда, ей стало плохо, еле успела добежать до туалета, где её стошнило. Стали раздражать запахи и резко поменялись вкусы к пище. В последние выходные января в гости пришла Ирочка, принесла торт и шампанское. Татьяна съела кусочек и побежала в туалет, её опять тошнило.

«Да когда же это расстройство желудка закончится? Сил уже нет», – подумала она.

– Танюха, что с тобой? – волновалась Ирочка.

– Не знаю, уже неделю так. Желудок, наверное, – успокоила она подругу.

– А ты часом не беременна? – сделала удивлённое лицо Ирочка. – Неужели твой муженёк на ребёночка согласился?

– Ага, как же, согласился, жди у моря погоды, – ответила она. – К терапевту в понедельник пойду, пусть лечит.

В 10 часов утра понедельника Татьяна сидела в кабинете терапевта. Она записалась по электронной очереди, поэтому рассчитывала, за часик пройти терапевта и пойти на работу. Врач что-то писала в её карточке, и говорила: «Милочка, вы обратились не по адресу, у вас по женской части. Вот вам направление к гинекологу, он сегодня принимает до двух, успеете». Татьяна взяла листочек и пошла занимать очередь.

В кабинете гинеколога Татьяна плакала. «Не может быть», – говорила она врачу. Этого просто не может быть.

– Может Танечка, может, четвёртая неделя, поздравляю.

Татьяна плакала не от горя. Она плакала от радости. Она очень хотела стать мамой, очень. Но муж был против.

Ещё год назад, она во всём его слушалась. Но, сейчас всё стало по-другому. Она знала, чей ребёнок у неё под сердцем. Близости с мужем не было последние два месяца, единственный раз был с Владом, ребёнок его.

Она зашла в кафе рядом с поликлиникой, заказала чаю с лимоном и стала думать, что же делать.

Из кафе она вышла через час, всё для себя решив. Первым делом, удалила свою страничку в соц.сети. «Прощай Коленька, я тебя почти полюбила, но виртуальная любовь мне не нужна».

Следующим местом, где она побывала, стал ЗАГС. Сотрудница не удивилась, когда она спросила, как написать заявление на развод. Заполняла бланк и плакала, слёзы горячими дорожками катились по щёкам и капали на казённый бланк. Всё-таки пятнадцать прожитых вместе лет, это не пятнадцать дней. Был бы ребёночек, ничего бы и не случилось. Ещё предстоят долгие объяснения с мужем и родителями. На счёт своих – она не волновалась: мама и папа примут её в любой момент в любом состоянии, а вот родители Виктора устроят скандал. Мало того, что во всём обвинят её, так ещё и ославят на всю родню, как шлюху.

Наконец-то, в начале шестого добралась домой. До прихода мужа, оставалось минут сорок. Собрала самое необходимое в большую спортивную сумку, вызвала такси, назвала рабочий адрес. Закрывая дверь, последний раз окинула квартиру взглядом, в груди защемило. Прошептала: «Прощай». Захлопнула дверь и пошла к лифту.

Подъехав к офису, позвонила Владу, попросила его выйти на улицу. Мужчина вышел через минуту. Видно было, что спешил. Не застёгнутое пальто, без шапки.

– Привет, Танюша, что случилось? – спросил мужчина с волнением в голосе.

– Случилось, Владик, случилось, – ответила она. – Я

беременна от тебя, мужа я бросаю, вещи собрала, поеду к маме.

Татьяна смотрела на его лицо. Сейчас станет понятно, как на самом деле он к ней относится. После слов о её беременности, лицо мужчины просветлело, он улыбнулся, взял её за руки.

– Танечка, я же люблю тебя! И ребёночка я хочу. Не надо ехать к маме. Мужчина вытащил ключи из кармана куртки.

– Вот – ключи от моей квартиры, таксисту я сейчас объясню, куда ехать, и попрошу помочь поднять твою сумку. Сам приеду через час. Всё будет хорошо.

Уже полчаса Татьяна ждала Влада, вещи так и лежали в сумке. Позвонила ему, сказала, что доехала нормально, спросила пароль от компьютера.

«Надо рабочую почту посмотреть» – подумала она.

Нажала на значок браузера, открылось окошко со страничкой в соц.сети, весь экран занимало письмо. Она не хотела знать содержание чужих писем, но что-то в тексте показалось ей знакомым, женщина стала читать:

– Танечка, я сейчас прочитаю тебе стихотворение, про ад и рай, ты поймёшь, что не всё так страшно.

«В Раю шёл снег, в Аду была весна»...

В рассказе использованы стихи:

Роберта Рождественского

А. Дементьева

Евгения Евтушенко

К. Филянова

Е. Власовой 5

Стихотворение «В Раю шёл снег, в Аду была весна»...

Марина Иванова <https://vk.com/irrlightmw>

День Рождения

Стихийный птичий рынок в подмосковном Серпухове. Девочка в светлой ветровке, не спеша ходит между клетками и коробками с животными. Через прутья клеток чешет животики щенкам, гладит котят в коробках. Официально на этом месте продавать животных никто не разрешал, но ещё задолго до строительства торговых павильонов, на эту площадку люди приносили на продажу своих питомцев. Первый раз, сюда её привёл папа, на тот момент девочке исполнилось шесть лет. Она помнила, с каким восторгом держала в руках щенков и котят. С того первого раз прошло четыре года, но любовь к животным осталась. У девочки своего питомца нет. Родители были не против домашних животных, разрешали завести рыбок, хомячков, маленькую ящерку, и даже паука в банке. Любых, кроме щенка или котёнка. А девочка хотела – щенка. Ни рыбок, ни птичку в клетке, а именно щенка той-терьера. На все её просьбы и мольбы родители отвечали отказом. У мамы, всегда была одна и та же отговорка: «Твоя собака всю квартиру загадит! А папа... Папа, слушал маму. На рынке к ней уже привыкли, многие называли по имени. Она появлялась здесь в течение последнего года, как только родители стали отпускать её на улицу одну. Они думали, что дочка играет в соседнем дворе, в том, где новая детская площадка. Каждый год, на свой день рождения, девочка мечтала о щенке, но её мечты никак не хотели сбываться.

– Настюша! – позвала её, одна из женщин. Помогите мне, возьмите щенка из коробки, я пелёнку поменяю.

– Иди ко мне, мой маленький колобок! – сказала девочка и вытащила щенка. На её лице появилась улыбка, щенок с нежностью был прижат к груди.

– Какой славный той терьерчик! Моя любимая порода.

Девочка подняла щенка повыше, потёрлась об него лицом и чмокнула в нос.

Щенок звонко тьякнул и заработал передними лапами.

– Ну, хватит её обнимать, разбалуешь. Сажай в коробку, я пелёнку поменяла и водички ей поставила, – сказала хозяйка щенка.

– Ей? – переспросила Настя.

– Да, это – девочка, – подтвердила хозяйка щенка.

– Она такая славная! – ответила Настя, и ещё раз, потевшись о щенка, посадила его в коробку.

– Сегодня ей ровно месяц, – сказала женщина.

– Ой! И у меня сегодня день рождения, мне десять лет исполнилось, – радостно ответила девочка.

Женщина улыбнулась.

– Поздравляю! А почему не отмечаете? – поинтересовалась хозяйка щенка.

– Мама к пяти вечера гостей позвала, сейчас готовит.

– Ну, понятно. А этого щеночка, никто не берёт, один глазик видит плохо. А кому нужна одноглазая собака? Уж который день его сюда ношу, остальных-то давно раскупили. Мало добрых людей стало, некому животинку пожалеть. А может, ты себе его заберёшь? Ты – девочка добрая, животных любишь, я же вижу.

– Тётъ Катъ, но у меня денег нет. Если вы подождёте до завтра, я вам все деньги принесу, все что мне подарят на день рождения, – последнее слово девочка произнесла со слезами в голосе.

Женщина подошла к ней, обняла.

– Настюшь, ничего не надо, бери просто так, это подарок.

Девочка подошла к коробке и, ещё не веря в своё счастье, взяла щенка. Посадила его за пазуху. По щекам текли слёзы и капали на кроссовки, сердце так часто билось в груди, что казалось, выскочит.

Женщина погладила девочку по голове.

– Настюшь, не плачь, не заберу, он и вправду теперь твой.

Девочка уходила с рынка как во сне. У неё есть щенок! Свой, любимый и долгожданный.

Вот и двор. Настенька села на дальнюю от своего дома скамейку и посмотрела на окна своей квартиры. За пазухой завозился щенок.

– Я давно придумала для тебя имя. С этого дня называю тебя «Вэнди»! – торжественным голосом объявила девочка. – Что скажем маме, Вэнди?

Щенок высунул голову из-под ветровки и лизнул девочку в подбородок.

Как только мама узнает, она сразу отнесёт тебя обратно на рынок. Из глаз девочки полились слёзы. Она очень надеялась, что произойдёт чудо, и мама разрешит оставить щенка.

– Настя, Настя! Девочка подняла голову. К ней бежала её школьная подружка и соседка по лестничной площадке, – Маргарита.

– Привет, Марго!

– Ага, привет, Настюха! А почему ты здесь сидишь одна и плачешь?

Ответить девочка не успела, за пазухой твякнул щенок.

Маргарита в недоумении pokrutila головой.

– Настя, ты слышала?

– Да, ответила она, и чуть расстегнула ветровку. В образовавшийся проём вылезла щенячья голова. Мордочка щенка выражала радость, казалось, он улыбается.

На самом деле, Настя не хотела показывать щенка никому, даже лучшим подружкам. Она бы сделала это позже, а сейчас самым главным было – сохранить тайну.

Новость о том, что она во дворе играет со своим щенком, дойдёт до её мамы через десять минут, и прощай щенок.

– Щенок! Настоящий! – воскликнула Марго.

– Марго, тихо! Это секрет.

Марго сделала серьёзное лицо, посмотрела по сторонам, и, убедившись, что никого нет, шёпотом спросила: «Секрет?!»

– Секрет, – также шёпотом подтвердила Настя.

– Родители не знают? – уточнила Марго.

– Нет, ты же знаешь, мне мама никогда не разрешит завести собаку.

– Ну, да, – согласилась Марго, знаю. – Что делать будем?

– Как только моя мама пойдёт в магазин, бежим ко мне домой и устраиваем щенку «тайное место», – сказала Настя.

– Тайное-претайное, – подтвердила Марго. – Никто его не найдёт.

Некоторое время, девочки просидели на лавочке, вдали от других ребят. Гладили щенка и просили лапу. Насте очень хотелось показать его детям своего двора. Она представляла, как они по очереди гладят его, просят подержать на руках и выражают своё восхищение, а некоторые даже завидуют. Но, делать этого нельзя, всё должно остаться в тайне.

– Смотри, твоя мама, – сказа Марго.

Настя застегнула ветровку, сказала щенку: «Тихо!»

Девочки увидели, как Настина мама отходит от подъезда, разговоривая по телефону. Она не останавливаясь, посмотрела по сторонам, увидела Настю, помахала ей рукой и скрылась за углом здания.

Девочки быстрым шагом пошла в сторону подъезда.

– Настя, а из чего мы домик сделаем? – спросила Марго.

– Не знаю, сейчас придумаю.

Так, первым делом надо найти коробку для щенка. Настя зашла в родительскую спальню, открыла шкаф-купе. Вот и коробки с обувью, какую же выбрать? Конечно, папину, она побольше.

Девочка достала одну, вытащила из неё ботинки.

– Настя, ну что, нашла? – донёлся из коридора голос Марго.

– Да, из-под папиных ботинок, она – большая!

– Клёво! Суперский домик получится, – ответила Марго. – Ещё подстилка нужна и миска.

– Марго, пойдём в мою комнату, домик доделаем, и подстилку поищем. Вот, нашла, кукольное одеяльце, – девочка постелила его в коробку.

– Ой, как классно получилось! – восхитилась Марго.

– Вообще то, ему надо пелёнки одноразовые стелить, но у нас их нет, – расстроено ответила Настя.

– А как ты его от мамы прятать будешь? Он же из коробки вылезет, – уточнила Марго.

– Я коробку крышкой накрою! – ответила Настя.

– А как он дышать будет? – задала ещё один вопрос подруга.

– Да, точно! Надо в крышке дырку прорезать, – ответила она.

Девочка сбегала на кухню и вернулась с ножом. Вдвоём прорезали две дырочки в крышке коробки, накрыли. В отверстие тут же показался нос щенка, девочки засмеялись.

– Настя, мне идти надо, мама не разрешала ходить в гости, – сказала Марго.

– Жаль, что уходишь, – расстроено ответила она. – Ты – главное никому не говори, что у меня щенок появился.

– Нет, конечно! Я же лучший в мире хранитель секретов.

Марго ушла, Настенька осталась одна со щенком. Одеялко он уже намочил.

Девочка достала из кукольного домика ещё одно, постелила, поставила воду в игрушечной кастрюльке.

Щенок даже ничего не успел выпить, толкнул кастрюльку, она упала на бок, вода вылилась, и это одеялко намочило. Это было последнее.

Настя сходила на кухню, и взяла полотенце для рук, постелила его в коробку.

Щенок тыкался носом в руки девочки, маленьким язычком пытался лизнуть пальцы. Девочка улыбалась, её сердечко переполнялось нежностью.

Запищал домофон. Девочка сняла трубку.

– Настя! Настя! – донёсся из трубки голос Марго.

– Что случилось, Марго?

Ребята не верят, что у тебя есть самый настоящий щенок. Ты можешь его с балкона показать?

– Марго! Это же секрет! Как ты могла!

– Настя, я этот секретный-секрет, рассказала только самым лучшим друзьям, они умеют хранить секреты! Ну, покажи, ну пожалуйста.

В голосе Марго было столько мольбы, что она согласилась. Взяла щенка и вышла с ним на балкон. Подняла его над головой, что бы все увидели.

– Круто! Класс! Какой милый! – доносились крики детей.

– Ну, всё, хватит, а то взрослые увидят, – сказала Настя, уходя с балкона.

«Срочно надо купить одноразовые пелёнки для щенка и корм» – подумала Настя. Но денег у неё не было, да и сколько они стоят, она не знала.

Дома деньги были. Родители никогда не скрывали от неё место хранения семейного бюджета.

Они доверяли дочери и были уверены, что без проса она не возьмёт и копейки. Настенька, никогда бы не взяла деньги, но щенку срочно нужны пелёнки и еда.

Деньги, родители хранили в старом мамином пальто.

Девочка нерешительно открыла шкаф-купе. Закрыла, отошла. Щенок высунул голову из коробки, тявкнул.

«Возьму чуть-чуть денежек для щенка» – сама себя подбадривала девочка. Я же не ворую, а беру на время, потом всё отдам.

Открыла дверь шкафа. Вот оно, старое мамино пальто. Настя засунула руку в карман, схватила первую попавшуюся купюру.

Сердце так сильно стучало, что отдавалось гулкими толчками в ушах, ладошки стали мокрыми, и задрожали коленки. Вытащила руку, в ней было пятьсот рублей.

«Я – воровка» – подумала девочка. Она посмотрела на щенка, он отвернулся.

«Вэндюша, я деньги верну, и больше так делать не буду» – со слезами обратилась девочка к щенку. Щенок молчал. Она накрыла коробку крышкой, поставила её на полку с кукольными домиками.

Вышла из квартиры, закрывая дверь, заметила, что дрожат пальцы. На улице ей было неуютно. Казалось, любой прохожий может ткнуть в неё пальцем и крикнуть на всю улицу – «воровка»!

«Мамочка, прости меня» – подумала она.

В отделе бытовой химии, взяла упаковку пелёнок, у кассы со стеллажа – пять пакетиков собачьего корма для щенков. Выложила всё перед кассиром.

– Девочка, с тебя четыреста сорок шесть рублей, – подсчитала кассир её покупки.

Настя протянула ей деньги. Рука женщины потянулась к купюре.

– Нет, я не воровка! – выкрикнула девочка изумлённой кассирше и выбежала из магазина, бросив все покупки, крепко зажав в своей маленькой ручке деньги.

Прибежала домой, не разуваясь, зашла в родительскую спальню и засунула деньги обратно в карман старого мамино пальто.

– Вэнди, наверное, придётся рассказать о тебе родителям, – голос девочки дрогнул.

Девочка и щенок с замиранием сердца стали ждать

возвращения мамы и папы. Им обеим очень хотелось, чтобы произошло чудо.

Примерно через полчаса щёлкнул замок входной двери. Сердечко девочки дрогнуло. Это вернулась мама, вместе с папой.

В руках у родителей было множество пакетов и коробок.

– Настенька, а вот и мы!

– С подарками! – добавил папа.

– Смотри, вот миска для щенка! – сказала мама.

– А у меня домик для щенка, – радостно объявил папа.

Настенька была в смятении. Неужели, родители купили ей щенка? Неужели, после стольких лет, они решили исполнить её мечту? Почему именно сейчас?

Ведь один щенок уже сидит в коробке, спрятанной среди игрушек. Надвигалась катастрофа.

Мама достала из пакета поводок и что-то, улыбаясь, говорила. Слова доходили до девочки, словно через толстый слой ваты, мысли в детской голове спутались.

Как отреагирует мама на то, что один щенок дома уже есть? Родители доставали из пакетов всё новые и новые вещи из зоомагазина.

Осталось одна, самая большая коробка, для переноски животных, с дырочками для воздуха по бокам.

– Вот и коробка со щенком, – подумала Настя. – Сейчас папа достанет его и окажется, что в доме два щенка.

Мама устроит скандал, скажет: «Я так и знала, она ещё маленькая! Никаких собак до шестнадцати лет! Завтра же обоих сдадим в зоомагазин! Как тебе не стыдно!»

Праздник будет испорчен.

Девочке хотелось уйти в свою комнату, лечь на кровать, накрыться одеялом с головой представить, что это плохой сон, и она сейчас проснётся.

Папа начал открывать коробку с дырочками. Настя от волнения закрыла глаза.

– Настя! Настя! Посмотри, какой комбинезончик купил папа.

Девочка открыла глаза. Оказалось, что из коробки с дырочками папа достал не щенка, а собачий комбинезон.

– А где щенок? – Удивлённо спросила она.

– Мы не знаем, куда ты его спрятала, – ответила с улыбкой мама.

– Кого его? – шёпотом от страха спросила девочка.

– Щенка, которого тебе подарили на рынке, – уточнил папа.

Щёки девочки покраснели, сердечко застучало с удвоенной силой.

– Он, в коробке, из-под папиных ботинок. А вы откуда знаете? – удивлённо спросила она и закрыла полыхающее от стыда лицо руками.

– Настенька, мы решили на день рождения купить тебе щенка. Ты ведь так о нём мечтала. Папа, отправился за ним на рынок. Там он случайно увидел, как тебе подарили щенка. Он был очень удивлён твоим поступком. О твоём поведении мы поговорим завтра, – добавила она. Ну, а раз щенок у тебя уже есть, мы купили для него всё необходимое, – ответила мама. А сейчас, неси своё маленькое чудо, мы хотим познакомиться с новым членом нашей семьи.

Это был самый лучший день рождения, и самая счастливая девочка.

Чудеса случаются, надо в них просто верить!

Варюшка

Давным-давно, ещё в те времена, когда в лесах водились лешие, а в реках жили русалки, у студённого ручья, в просторной избе, жили-были старик со старухой, и была у них внучка Варенька. Родителей своих девочка не помнила, они ушли в лес за ягодами и сгинули, когда она была совсем маленькой.

– Варенька! – услышала девочка бабушкин голос.

– Иду, бабуля!

Девочка побежала к бабушке, иногда останавливаясь и прыгая дальше на одной ножке, приговаривала: «Прыг-скок, попрыгушки, вырос гриб у деда на макушке».

– Варя! Вот дед услышит, он тебе задаст, – сказала бабушка, по-доброму улыбаясь, от чего морщинок на её лице становилось больше.

– Не услышит, он на одно ухо глухой, – ответила девочка.

Следом увязался козлёнок, с которым она перед этим играла.

– Яшка, отстань, бабуля заругает, если ты в избу зайдёшь, – строго сказала девочка, и, по-взрослому нахмутив брови, погрозила ему пальцем.

Козлёнок и не думал отставать. Бежал за девочкой, понарошку стараясь боднуть её маленькими рожками.

– Варя, завтра дед поедет на ярмарку, купит ткани тебе на платья и муки. Ты вон как за лето выросла, пора тебе обновки шить. Яшку придётся продать, денег у нас мало, – вздохнув, сказала она.

Губы девочки задрожали, из глаз выкатились слезинки. Всё лето Яшка был её лучшим другом. Как хвостик, сопровождал Варю целый день, даже ходил вместе с ней играть с деревенскими ребятами.

– Варька, не реви, тебе уже восемь лет! – сказала бабушка. Но строгости в её голосе не было, ей, как и внучке, было очень жалко этого озорника. – Завтра, с дедом на телеге поедешь на ярмарку в соседнее село, через лес. Будешь смотреть, чтобы он не заснул по дороге, иначе лесный с кикиморами заведут вас в самую лесную чащу, а выбраться оттуда вы не сможете.

Бабушка достала из кармана фартука платочек завязанный узелком. Развязала. В нём оказалась мелкая серебряная монетка.

– Вот тебе денюжка, – сказала она. – Купишь себе новый платок и куклу.

Девочка обняла бабушку:

– Спасибо, бабуля. Я так тебя люблю.

С первыми лучами солнца, дедушка и внучка отправились в путь. Лошадь не спеша тащила телегу по накатанной колее, идущей через лес. Над дорогой висел лёгкий утренний туман, с деревьев доносились трели птиц.

– Варешка, поспи чуть-чуть, – сказал ей дед, – путь не близкий, ещё насмотришься.

– Бабуля сказала смотреть, что бы ты не заснул. Не буду спать! – ответила она.

– Ты поспи чуток, а потом, будешь за мной до самой ярмарки приглядывать, – предложил дед.

– Ну, ладно, я самую капельку посплю, – согласилась Варя.

Но заснуть девочка не успела. На дорогу вышел волк. В его передней лапе торчал обломок стрелы. Сердце девочки замерло от страха, дед крепче обхватил кнут. Лошадь испуганно заржала и понесла телегу по лесной ухабистой дороге. Девочка одной рукой схватилась за борт телеги, другой прижала к себе козлёнка. Телега подпрыгивала на кочках, из неё вылетали мешки для муки и солома.

Раненый волк остался далеко позади. Но страх не давал лошади остановиться.

– Стой! Стой, окаянная! – кричал на неё дед.

На одной из больших кочек, Варю и козлёнка выкинуло на обочину дороги. Телега с дедом унеслась дальше. Детям повезло, они упали в высокую густую траву.

– Яшка, ты цел? – спросила девочка, вставая.

Коленки козлёнка дрожали от страха, он старался сильнее прижаться к девочке.

– Ну, не бойся дурачок, – девочка погладила его по голове. – Волк остался далеко позади.

Варенька отряхнула от пыли платье, пригладила волосы, заново повязала платочек. Обнаружила на руке и ноге по ушибу.

– Хорошо, Яшка, что трава не кошена, как на перину упали, – сказала она к козлёнку.

Козлик доверчиво смотрел на неё, подёргивая хвостиком.

– Ну что, Яшка, пойдём искать деда?

Девочка и её маленький друг отправились по дороге в сторону ярмарки, вслед за испуганной лошадьё. Прошли они совсем немного, за одним из крутых поворотов увидели телегу.

– Деда, деда! Ты нашёлся! – радостно закричала девочка и побежала по дороге, вздымая пыль маленькими босыми ножками. За ней, как верный друг, бежал козлик.

– Деда! Ты где? – удивлённо спросила она, разглядывая пустую телегу.

– Де-е-да! Де-е-да! Выходи. Ты куда спрятался?

– Никуда он не спрятался, – услышала Варя незнакомый голос. – Он заговорённый топор поднял.

– Кто это говорит? – спросила девочка, разглядывая кусты и деревья, растущие вдоль дороги.

Из густой травы, поднялся медвежонок.

– Я это сказал, – ответил он на вопрос Вареньки. – Меня Ваня зовут, мне семь лет. Я мальчик, просто заколдованный.

– Варя, – представилась она.

Я хотел твоего дедушку предупредить, но не успел. Когда лошадь остановилась, он увидел топор и поднял.

– Заговорённый топор? – переспросила девочка. – Откуда он взялся?

– Его колдунья Злобослава положила на дорогу. Если его поднять, человека опутывают колдовские чары. Ноги сами идут к дому колдуньи, спрятанному в самой чаще леса. Девочка закрыла личико руками и горько заплакала. Козлик беспокойно перебирал ножками и дёргал ушами.

- Не плачь, я помогу тебе найти деда, – сказал ей Ваня.
- Как ты мне pomoжешь? – Сквозь слёзы спросила она, и кто тебя заколдовал?
- Злобослава меня заколдовала, – ответил медвежонок.
- Я хотел своих родителей освободить, они уже давно у неё в плену. Стащил у кузнеца молоток, что бы папа разбил волшебные цепи на ногах.
- Цепи!?! – со страхом в голосе сказала девочка.
- Да. Ноги всех пленников скованы цепью, чтобы не убежали.
- Я помогу тебе спасти твоих родителей, и деда спасём, – сказала девочка. – Только вот как?
- Надо в деревне купить большие клещи и отнести их папе. Как только Злобослава уйдёт, папа клещами сломает цепи, – ответил медвежонок.
- Но клещи стоят одну серебряную монетку, а денег у меня нет. Я не знаю где их взять.
- Медвежонок был очень-очень расстроен. На его мордочке было выражение попавшего в беду ребёнка, в глазах-бусинках застыли слёзы.
- Девочка подошла к нему и погладила по голове, обняла.
- Ванечка, не печалься, я тебе помогу. У меня есть серебряная монетка. Мы купим клещи и освободим твоих родителей.
- У тебя есть монетка? – ещё не веря услышанному спросил медвежонок.
- Да, мне бабуля дала на новый платочек и куклу.
- Ура! У нас есть монетка! Медвежонок очень обрадовался этой замечательной новости. – Варя, пойдём быстрее в деревню, купим клещи, – сказал он.
- Стойте, – услышали дети голос. Из леса на дорогу вышел волк. В его передней лапе торчал обломок стрелы.
- Медвежонок спрятался за Варю, Яшка за медвежонка.

– Мы тебя не боимся, – сказала девочка, но голос её дрожал. А у медвежонка и козлика дрожали коленки.

– Не бойтесь дети, я не причиню вам зла, – сказал волк. – Охотники колдуньи Злобославы прострелили мне лапу. Девочка, вытащи пожалуйста стрелу из раны. Я хотел об этом попросить твоего деда, но ваша лошадь меня испугалась.

Варечка медленно подошла к волку. Хоть он и сказал, что бояться его не надо, девочке было очень страшно. Она схватилась за стрелу и потянула, волк от боли зарычал.

Сил вытащить стрелу у неё не хватило.

– Ванечка, помоги, мне одной не справиться.

Медвежонок с опаской подошёл к волку.

– Давай вдвоём возьмёмся за стрелу и потянем, – предложила девочка.

Дети схватились за стрелу и потянули. Очень медленно она стала выходить из раны. Волк от боли рычал и бил хвостом по земле, вздымая облако пыли.

Дети бросили её на землю. Стрела заискрилась, зашипела, и с громким хлопком превратилась в чёрный дым.

Рана на лапе волка в тот же миг затянулась.

– Спасибо дети, за помощь. Сам бы я с заколдованной стрелой не справился. Меня Острый Клык зовут, я вам ещё пригожусь. Если будет нужна моя помощь, громко выкрикните моё имя, и я в тот же миг появлюсь.

Поблагодарив детей, волк скрылся в лесу, дети отправились в деревню.

Вот и куплены большие, крепкие клещи, пора спасать родителей Вани и Варенькиного деда. Тайными тропами медвежонок привёл друзей к избе Злобославы. Сложенная из потемневших брёвен, с кривыми окошками, с головой барана перед входом и чучелами ворон на заборе, изба своим видом испугала Варю. По двору ходили родители

Ванечки и Варин дедушка. Их ноги были закованы в заговорённые цепи. Как только кто-то подходил близко к забору, на цепях появлялись острые зубы и больно кусали его за ноги.

Девочке было очень жалко деда, сердечко сжималось от боли.

– Варенька, надо схорониться в кустах и подождать, пока колдунья уйдёт, – сказал медвежонок.

– Дед! Запрягай! – закричала колдунья, выходя из избы.

Дедушка подвёл к Злобославе свинью с седлом и уздечкой.

Колдунья села, стукнула её ногами в бока, свинья хрюкнула и взлетела. Поднималась всё выше и выше, пока не достала до макушек деревьев.

– Отвези-ка меня к сестре, – сказала ей колдунья.

Как только она скрылась за деревьями, дети вышли из своего укрытия и побежали к родным.

– Папа! Мама! – кричал на бегу медвежонок, я вас освобожу!

– Деда! Я тебя нашла! – радостно кричала девочка.

Ванин папа, клещами разорвал заговорённые цепи.

– Быстрее в лес, пока Злобослава не вернулась, – сказала Ванина мама.

Дети и взрослые побежали к выходу со двора.

Но, не тут то было. Перед ними появилась колдунья.

– А я книгу заклинаний забыла и вернулась, – со злобой смотря на детей и взрослых, сказала она. – А вы, значит, сбежать решили?

Она взмахнула рукой, с её пальцев сорвалась молния и полетела в медвежонка!

– Ванюша берегись! – крикнула его мама.

Он пригнулся, молния обожгла краешек уха медвежонка и попала в дерево, дерево загорелось. Молнии с рук

колдуньи срывались всё чаще, люди едва успевали уворачиваться. Защиты от колдовства у них не было. У Ванино-го папы загорелась рубаха, у деда – лапти.

– Острый Клык! Помоги, – крикнула девочка.

В тот же миг, в руку колдуньи вцепился волк. Другую руку схватил клешнями Ванин папа. Дедушка принёс верёвку и связал колдунью.

– Ванюшу расколдуй, – сказала её Ванина мама, иначе отдадим тебя волку на съедение.

– В избе, пузырьёк с чёрной жидкостью, – ответила Злобослава. Надо дать ему десять капель. После этого, он должен три раза перекувыркнуться, прыгнуть пять раз на левой ноге и поклониться родителям.

Ванюша сделал всё, как сказала колдунья, и превратился в мальчика.

– Варюша, подойди ко мне, попросил её дед. Я тебе рассказывал, когда ты была маленькая, твои родители сгинули в лесу?

– Да деда, я помню, – ответила она.

– Так вот, они нашлись.

Дед показал на Ваню и его родителей.

– Вот, Варюша, твои мама, папа и братик Иван.

Девочка подошла к родителям, обняла маму.

– Мамочка, я так тебя ждала...

Современная поэзия

Российский
колокол

Калиниченко Николай

Поэт, прозаик, литературный критик. Лауреат литературных премий.

В разные годы являлся постоянным автором в ряде отечественных журналов и газет. В том числе: «Если», «Exlibris» к «Независимой газете», «Мир фантастики», «Лампа и дымоход». Вёл колонку «Сетература» в «Литературной газете». Несколько лет являлся ведущим рубрики «Аниме» в журнале «Фантастика». Имеет более пятисот публикаций в разных жанрах.

С 2007 года – участник творческого объединения «поэтов-информантиков». Первая подборка стихотворений была напечатана в альманахе «Литературный Башкортостан» в 2003 году. Изданы два сборника стихов: «Точка зрения» (2012 г.), «Кашалот» (2013 г.).

Организатор и ведущий проекта «Литературные четверги в Добролюбровке».

В 2010 году Николай Валерьевич получил медаль правительства Москвы с формулировкой «За доблестный труд» в области литературы.

Родился 5 февраля 1980 года в городе Москва. Окончил школу №59 им. Николая Васильевича Гоголя и Московский

автомобильно-дорожный институт по специальности «Мосты и транспортные тоннели». Строил дома, проектировал мосты, работал продюсером, художником, экологом, участвовал в археологических раскопках. С 1998 года регулярно посещает конвенты любителей фантастики в России и ближнем зарубежье.

Повести, рассказы и сказки автора издавались в составе сборников фантастики, а также в центральной периодике. В том числе в серии «Лучшее за год» издательства «Азбука» и «Русская фантастика» издательства «Эксмо».

Пространство

Мудрый учёный, постигший движенье тел,
Мне говорил, брови нахмутив грозно:
«Люди – всего лишь атомы в пустоте,
Пыль в жерновах, что растирают звёзды».

Старая женщина, дёснами сжав мундштук,
В дымную небыль взгляд устремляя строгий,
Тихо шептала: «Близость – бесплотный звук,
Все рифмоплёты, как правило, одиноки».

Зыбкое счастье, башенка на песке,
Тщетно сближение, тело не нужно телу...
Но отчего, прижавшись щекой к щеке,
Я ощутил, что пустота просела?

Словно сугроб в пальцах весенних солнц,
Словно туман или пивная пена,
И потекла в сотни квартирных сот,
И ожила, забилась, когда ты пела.

Мне ли? Другому? Впрочем, не всё ль равно?
Слово моё против громов кипящих,
Но и грома стихнут, ложась у ног,
Если оно окажется настоящим.

И раскрываясь, точно с утра цветков,
Вдруг зазвучит сильно, свежо и страстно!
Тише... Послушай, как сладко мурлычет то,
Что, по незнанию, звали пустым пространством.

Фараон

Мы вышли из сумрака сладких иллюзий,
Из бронзовых сказок и тайных бесед,
И там, за горами, мы стали, как люди.
Такие как надо, такие как все.

И твари по паре, да каждого вида,
Бриллиантовый сор понесли из избы,
А кто не построил себе пирамиду.
Тот так и не понял, зачем ему быть.

Расширилось время, расправило крону,
Давно изменился узор на песке,
Но, как не старайся, не стать фараоном,
Купаясь в чужой незнакомой реке.

И жизнь наша суть – анфилада закладок,
Бессмысленных глифов, пустых идиом.
И хлеб наш насущный нам больше не сладок.
Мы уголь, горящий за щёку кладём.

И воем, и плачем от боли ощерясь,
И с дикими криками гоним стада,
Но с болью величие входит под череп,
И вновь на ключицах родная вода.

И над колесницами снова знамёна,
И выше знамён Небеса и Закон,
Скажи, что такое судьба фараона?
Судьба фараона и есть фараон!

Не подвиг, но...

Нас плотно пригнали друг к другу,
И в каждом окне абажур.
Мы ходим по кругу, по кругу,
В ячейках своих квадратур,
Где благодать достойного быта,
Как кошка ложится на грудь.
И мы улыбаемся сыто,
И мы обнимаемся сыто,
И даже ругаемся сыто,
И любим неловко, чуть-чуть.
Зачем это чувство тревожит
Уютную сонную гладь?
Зачем наползает и гложет?
Мурашками лезет под кожу
И гонит из дома гулять.
И, слово очнувшись от буден,
Идут, не скрывая волос,
Всё те же хорошие люди,
Простые и добрые люди.

Лишь только квартирный вопрос...
Лишь только метро под завязку,
Лишь только зарплата – увы.
И тянется старая сказка,
Любимая, вечная сказка
Весёлой старушки Москвы.
На счастье не выданы квоты,
Хоть сотня желаний, хоть – три.
Но папа идёт на работу,
Встаёт и идёт на работу,
И трудится, чёрт побери!

Картина, которая ждёт

ВертИтся, вертИтся планета,
Хрустальные зябнут бока,
Процесс дистилляции света,
Ещё не окончен пока,
Пока не иссякший художник
Тяжёлый похмельем встаёт,
И пишет одежды и кожу,
И пишет улыбку её,
Искусству себя предавая,
Смирная ненастье в перстах,
И влага сочится живая,
Внедряясь в структуру холста,
И словно из водной пучины,
От самого смертного дна,
Восходит, мерцающая лучинно,
Печальная дева – Луна,
И взгляд отрешенный, нездешний,
Пронзает художника вновь,

И он отступается, нежа,
В бокале сухое вино,
Он пьёт и выходит наружу,
В промозглую, сизую хмарь,
Где мрак над каналом, где лужи,
И тот же навеки фонарь,
И те же пустынные лица,
И тянет внутри пустота,
И тело упрямо стремится,
Звериное зверю отдать.
И скомканный в бездне парадных,
Отвергнутый светом чужим,
Он чувствует мира ограды,
Неверные, суть, миражи,
И в сетчатой мгле коверкотов,
Сквозь город, пронзенный дождем,
Он видит мерцающий контур,
Картины, которая ждёт.
(Авторская пунктуация)

Олуша

Не отвлекайся, кашу кушай.
Далеко за морями есть,
Голубоногая олуша.
Смешная птица, просто жечь!
И там она, не вру, ей Богу!
Идет, потешно топоча
К воде, ловить голубоного,
Заокеанского «леща».
Легко нырнет в волну прибоя,
И крепким клювом рыбу – хватить!

Над нею небо голубое,
И океан ему подстать.
И белое над ними солнце,
И, словно крем, на волнах пыль,
Никто над птицей не смеётся,
Поскольку та вписалась в стиль.
И заметив изыск странный,
Природе посвятив себя,
Ловцы жемчужниц и трепангов,
За нею ноги голубят.
Причудливый обычай этот
«Запостит» кто-то в интернет,
И прогрессивная планета
Немедля поменяет цвет.
И все медийные иконы,
С показов кинутся гурьбой,
И заполняя спа-салоны
Велят: «Покрасьте в голубой!»
И слуги верные народа,
Чтоб не ушёл электорат,
Согласные велению моды
Меняют краску и формат.
И знает каждый телезритель.
Любимый всеми телеспам:
«А вы ещё не голубите?
Тогда мы тотчас едем к вам».
И голубые стынут дали,
И голубые холода,
И голубые магистрали,
И корабли, и поезда.
И далеко по краю суши,
Одна, не ведая забот,
Потешно шлёпает олуша,
И рыбу в клювике несёт.

Слепота

Лица поэтов окатаны водкой,
Как гольши на морском побережье.
Взгляд маслянистый, умильный, но кроткий,
Рюмка-другая и стих забрезжит.

Что-то про горы, про море в пене,
Про огневеющий лист осенний.
Много прекрасной, пафосной хрени,
Так бесконечно любимой всеми.

Вот и по третьей, по третьей, вот и...
«Пар-рус пор-рвали», – грохочут струны,
Кто-то мне шепчет о славе готов,
И заодно о грядущих гуннах,

Про молодёжь, про интриги в Лите
Про грантососов, про целину...
Я им беззвучно шепчу: «Уйдите!»
Богом прошу Вас, ступайте, ну!»

Фобия эта с приставкой «ксено»,
Лица окатаны, маски из воска.
Если в милицию – значит Есенин,
Если в Венецию – значит Бродский.

Я уплываю за окна роста,
В паузы здравец, сверчком сквозь щели.
В ночь, где давно поглотило звезды
Архитектурное освещение.

И я ору, как последнее быдло,
Горло срывая, ломая наст,
Чтобы ослепшему небу было
Не одиноко не видеть нас.

Сказки на ночь

В кости пробираются холода,
За стеною пьют и гуляют тролли,
К непослушным взрослым не ходит Оле.
В кости пробираются холода.

Искупалась в инее борода,
И в шкатулке цвета сердечной боли
Белый палец, а может и белый кролик,
За которым в Нарнию навсегда.

Вот стемнело, скоро взойдет звезда,
До звезды, конечно, нельзя, а после...
Дед Мороз с Просперо играют в кости.
В кости пробираются холода.

У русалки хвост и во рту вода,
У русалки косы и лента в лайках.
Блог ей в помощь, смайлики ей на майку.
И учёный кот, и на нём голда.

Полифем с Айфоном пасут стада,
Дядя Юлиус челюсть кладёт на полку,
Обними покрепче меня, поскольку
В кости пробираются холода.

Осень, такое время,
Что-то внутри свербит,
Хочешь, поедem в Ревель
Или, как все, на Крит?
Или быть может проще,
На электричке в глушь,
Где над дубовой рощей
Ветер гоняет сушь.
Только б не здесь, не лёжа,
Лишь бы вовне и за!
Эта дорога тоже
Есть и в твоих глазах.
Вложим звезду в петлицу,
Выключим в доме свет.
Путь под ногой ветвится,
Словно сосудов сеть.
Будто ваятель, глину
Судьбы смешав хитро,
Дышит в ночи полынной
Сердце осенних троп.
И продолжает биться,
Рыжим огнем в груди,
Осень, шальная птица.
Если летишь - лети.

О политике, скандалах и вообще...

Все уснули и стало потише,
Притаился скандал за стеной.
Только небо тихонечко дышит
В приоткрытое на ночь окно.

Пахнет сдобой из старой пекарни,
Блещут звёзды в листве тополей,
И летит между ними Гагарин,
Над бескрайней страной моей.

За плечами железные крылья,
Завихренья галактик над ним,
И сверкает на многие мили
Гигаватный гагаринский нимб.

Так летит он беспечен и светел
Недоступный простому уму,
Молчаливые лунные дети,
Благосклонно кивают ему.

Он над ними немного покружит,
Он звездой героя сверкнёт,
И пошлет поцелуй безвоздушный,
И опять устремится вперед.

Потому что поставлен навеки
На охрану родимой Земли,
Чтоб проснулись с утра человеки
И скандалить спокойно могли.

Воронье

Слушай ритм, веди меня, веди,
Круг камней в безбрежности ковыльной.
Ворон, что живёт в моей груди,
Расправляет угольные крылья.

Бледное сияние Луны,
Зрак коня расширенный и влажный,
И бегут по небу табуны
Ледяных серебряных мурашек.

Слушай ритм, не отпускай руки,
Брось в огонь отобранные травы,
Над болотом гаснут светляки,
Ветер просыпается в дубравах.

Это я прерывисто дышу,
До крови прокусывая губы,
Будущее - только белый шум,
Прошрое натянуто на бубны.

Ворон ищет, он желает знать,
Многоглазый или многоглавый,
Где на рать поднимет копыта рать
Ради денег или ради славы.

Спит ещё по ножнам суть свинца,
Спят в шатрах бойцы ещё покуда,
Нету слаще плоти храбреца,
Но и трус - изысканное блюдо.

Спит не потревожена трава,
Вся для ласк и для объятий нежных,
Птицам – гнезда, путнику – кровать.
Только выпь кричит о неизбежном.

И в туман направив острый нос,
Слушает, сама себе не веря,
Как поют в ночи, ловя норд-ост,
Над землею маховые перья.

Литература молодых

Российский
колокол

Приятное разочарование

«В этой подборке представлены произведения поэтов молодежной секции «Кашалот». Сейчас секция насчитывает 26 человек. Все её участники – практикующие молодые авторы, уже снискавшие популярность в Москве и других городах, победители конкурсов и слемов, всегдашние фестивалей и салонов.

Молодыми поэтами, то есть теми, чей творческий путь начинается в 21 веке, я начал интересоваться не сразу. Мне, как и многим моим знакомым, казалось, что молодой поэзии у нас вовсе нет. Большинство поэтов, с которыми я вел дела, были родом из СССР.

Ситуация поменялась, когда мне посчастливилось вести мастер-классы в рамках молодежного фестиваля «Мцыри», в 2013 году. Я был поражен высоким уровнем, явившихся на мастер-класс поэтов. Более пристальное знакомство показало, что я имею дело не с штучным проявлением таланта, но с целой прослойкой живых, мыслящих, владеющих словом молодых людей.

Идея организовать секцию была не моя, но с подачи моих добрых друзей Дмитрия Цесельчука, Нины Давыдовой и Натальи Рожковой всё задышало. По итогам работы секции в 2017 году вышел сборник «Созвездие Кита», получивший полифонический резонанс в центральной периодике.

Я рад представить на суд читателей «Российского колокола» произведения моих молодых коллег».

Николай Калининченко.

Акопян Карина

Вспышка...

Все умрет, и останется эхо,
Очертания мутных созвездий...
Я не знаю того человека,
С кем не пусто быть рядом и вместе,
С кем не больно, не горестно вместе...
С кем дышать одним ритмом уместно,
С кем не страшно, не зыбко, не тесно.
Не напрасно. Не перескабрезно...
С кем...

Пустота обнимает за плечи,
Пустота смотрит в спину и рот,
Пустота гулко сводит живот
И бормочет на лад человеческий,
Тычет пальцем в нарывы увечий
У души. И в безмолвии речи
Тихой лаской объятий калечит...
Не дыши... Путь беспочвенно млечен,
Глух в тиши...

Камыши душных слов распушились,
Созревают пустот камыши...
И пушинки мгновений, усилий
В прелой заводи тонут в глуши...
Тонут сотни попыток в глуши,
Канут орды иллюзий в глуши,
Растворятся в объятьях больших,
Как мгновенный бессмысленный пшик,
Вспышка...

Эго

Плыли, будто тела привидений, туманы безмолвно и густо...
А герой лишь смотрел на безликую темную пустошь,
На развалины форта, обломки, скелет корабля,
На горелые контуры бывшего портом причала,
Лишь храня свою маску, натужную жалость храня...
Предвкушенье в экстазе шептало: «Оно! Вот начало!»
И злорадство так едко и пристально, так сладострастно кончалось.
Плотоядной улыбкой кривилась оскомины дня.
Только эго мое все металось зверушкой, так больно, убого кричало:
«Оцените, согрейте, спасите, укройте меня!»

Он ушел. Меня нет.
И осталось лишь плоское эго...

Я! Яяяя!!!!
Пусть трясется земля!
Здесь только Я!
Эгоизма змея!
Вокруг - ни души!
Вокруг - никого!
Эго-игго! Эго-игго!
Эго-игго! Иго-го!

Только рвотные спазмы
Беспомощно голой
Души.
Душу выжрали черви,
Осталось беспутное
Эго,
И оно циклопическим
Чудищем все разбивает,
Крушит,

Убивает без дела
Ни в чем не повинное
Тело.

Разум бесится, корчится, бьется,
То рычит, то скулит, то смеётся!
Как диктатор слепого народца -
Эго всех расстреляет уродством,
Эго все упакует коростой
Лютой злобы огромного роста!
Как же выйти из омута к солнцу?
Как же выбиться к яркому солнцу?
Как же вырваться к чистому солнцу?
Из сырого гнилого колодца?

Это можно, и это даётся...
Но без эго... ого... иго-го...

Бакенбарды

Небо в хлам размазано, небо в пух разорвано...
Что с тобою, небушко? К черту перевернуто
Радуги спектральное полудугокружие.
Видимо, охотник потерял оружие,
Видимо, охотник растерял все знание,
Не желает более ценностей фазановых!
Небеса толкаются об домов фасады,
И боками тучными вспухло-раздосадованы!
В небесах кудрявятся бакенбарды Боговы!
Душа – рябой комочечек, серая, убогая!
Жметса собаченочкой и скулит по-выпьему,
Соки все повыпиты, зубы все повыбиты,
У души нет голоса, вскрыта небесами,
Небо ухмыляется облаков усами...

Белавежская Алёна

(авторские пунктуация и орфография)

грешное и святое.
взбалтывать, но не смешивать.
плакать ли нам о Трое,
звать ли назад воскресшего?
век наш глядит нестрого:
батюшка в куртке из секунда –
экскурсовод от бога.
в храм не успели – некогда.
«дурни, верните стену!» –
стены кричали ордам.
дважды я здесь Елена:
видишь, там центр города,
бьются на жизнь прожекторы,
вьётся пожар неоновый.
там ex-machina некто,
здесь - всё ещё иконный.
войны тут нынче тихие:
каждому – по кресту его.
часики не дотикали –
свечи уже задули.
я не ношу свой крестик,
но почему-то верю:
в этом уставшем месте
можно вернуть потерю.
стороны света силы:
светит всеошно центр,
светишься ты, мой милый,
светится эта церковь.

кровь у тебя на воротах
можно ещё отмыть.
радуйся: в этом городе
нет абсолютной тьмы.

в третьем часу просыпается совесть
с мокрой тряпкой и хлороформом
у меня отнимается дар, то есть,
речь лишается устной формы

плеч лишается крышка неба
стен – жилая площадь гроба
здесь никто никогда не был
и не ходил, это просто обувь

обувь есть а шагов не слышно
окна есть а не видно мира

чья ты ночь никудышная
чья ты пустая квартира

чьё ты зло у меня в ладони
я совершаю тебя – зачем
кто простит меня в этом доме
нам никто не давал ключей

слёзные кости рисуют в атласе -
«душу» обходят десятой дорогой
мало ли кто там за словом спрятался
вдруг ещё заговорят про Бога

я состою из воды и молитвы,
страха, что некому или поздно,
ужаса нижнего палеолита,
мира, который, возможно, создан

что мне со всем этим делать, Боже
как мне забрать у них боль обратно
этой рукой, причинившей её же,
этой рукой, запятнанной

если я всё-таки виновата
что родилась что мне дали имя
в чём измеряется сколько составил как мне вернуть теперь
долг за квартплату
перед Тобой и ими

Почему эта дата круглая, а не овальная
Почему я не сплю, если этот район спальный
Почему это в ящик играют, но не поют
Почему алфавит не кончается буквой ю
Почему ты до смерти любишь, а сам живой
Почему, когда плачешь, то говорят «Невой»
Почему я не плачу Волгой или Окой
Почему ты не Машей машешь мне, а рукой
Почему что тебе лекарство – другому яд
Почему ты сказал «никто не пришёл», а я
Почему ты сказал «но ты» и не видишь нот
Почему так смешно, смешно, так до слёз смешно

Бережной Александр

Играя словами

Анечке

Когда ты играешь словами,
становится безразлично,
поставят ли где-то камень,
прибьют ли к нему табличку.
Неважно место и время,
когда распрощаюсь с бренным я.
Вчера было только семя,
сегодня уже –
Вселенная.

Когда ты играешь словами,
вдыхая в бездушное смысл,
к началу я мчусь октяблями,
освобождаясь от чисел.

Нежная мудрость младенца,
в мишке забытая плюшевом,
находит дорогу в сердце,
не знавшее в жизни лучшего.

Когда ты играешь словами –
просто,
легко,
решительно, –
тобою хранимое пламя
в скромной нашей обители
тешится бликами,
тенью,

похрустывая поленьями;
мне возвращается зреньё,
твёрдое личное мнение;
все чувства во мне воскресают,
лёгкие наполняются,
и линия жизни косая
смело в спираль свивается.

Вытянул счастья билетик
и полюбил тебя сразу я,
ведь ничего в целом свете
нет сексуальнее разума.

И мне наплевать на таблички,
на место,
время
и дату.
Я камень воздвигну лично –
сто миллионов каратов.

И – возрождённое сердце
во дланях по-над головами...

Ты мне помогла согреться,
всего лишь играя словами.

Сто лет одиночества

С некоторых пор
чьё бы то ни было одиночество
пристойно и правильно измерять
исключительно сотнями лет.

Экая несуразица!

А что, если мне хочется
именовать бесконечностью,
не проведённый с любимой
момент?

А что, если дни –
расплющенные и размазанные
комковатою манной кашей
из моего советского детства,
разбросанные
бесцветными, мутными паззлами
и
собрать из них
слово странное – «жизнь» –
можно и не надеяться?

Что, если каждый –
тысячелетия одиночества! –
коротает во глубине своего,
ни с чем не сравнимого,
«я»
втихомолку,
не требуя ни признанья,
ни почестей?

Лица скольких из вас
сожрала
тень солдатика,
в жестоких боях –
за себя! –
с самим же собой! —
павшего не единожды?

Чем измеряется боль и отчаяние
в глазёнках младенца,
который,
волею любящей его мамы,
вынужден
не слышать её шагов
и голоса,
биения её сердца?

С некоторых пор
обесценивать кажется проще –
то
великое мастерство,
что не стоит и пенни.

Но, исчисляя –
чьё бы то ни было –
одиночество,
я примеряю себе
его обувь,
чтоб не возникло
двух мнений.

Тяго-Тело

Моей маме, Нэлли Лиственной

Дымом скрыто лицо,
но курильщик судеб престарелый
никотиновый зуб
обнажает мишенью луны.
В мир выходят торцом,
родничком раздвигая пределы, –
словно стрелы в мазут,
словно в обморозь детские сны.

Разум здесь – голова.
Он печётся сохранностью тела –
адвокат, санитар
и тюремщик, пропахший винцом:
цепи, шприц и слова.
Душу, – чтоб пустячком не зудела, –
ловко пользуется. Дар-
ом пролез я в сей мир не торцом,

не бочком, не рачком, –
распоров твой живот: так хотела
сына вывести в свет
из темниц моего забытья.
Повивальный врач –
комом латал чрево мирораздела.
Предлагал тет-а-тет
трупик мой извлекать по частям.

Взглядом испепелив,
всё остатнее время радела –
мне не стать подлецом,
хоть вокруг их кишело кишмя.

Очумело счастлив,
оборотным путём выростела –
в мир выходят торцом,
и уходят обычно плашмя.

Я уйду по ребру,
по кривой между яном и инью, –
мне во след мерный цокот
копыт четырёх мертвецов, –
я своих соберу,
кто расстрелян слепящею синью.
До сведенья концов
буду жить, раз не вышел торцом.

Тело – дольний приют.
Аромат оглушительно прелый,
источаемый вниз, –
ключ от горних Вселенских Ворот,
где тела выдают,
чтоб душа на ветру не сгорела.
Есть расхожая мысль:
будто вреден душе кислород,

будто все мы сгорим.
Что до бредней досужих мне дела?
Тела стонет кора –
в этом мире не будет второй.
Тело – мой Третий Рим, –
я слежу, чтоб душа не черствела.
Если ты из ребра,
я поставлю весь мир на ребро.

Бургундец Стив

Залитые солнцем (Входим в бульварный рай)

Лица, залитые солнцем.
Улица с нами смеется.
Шумит как в кармане червонцы
За пинту бургундского.

Тепло оголяет телесно.
Каждый садится на место.
Лавки бульварные = кресла
Для вельмож и принцесс их.

Что хочешь? То делай. Можно.
Ешь или тай как мороженое.
Или летай в Поднебесной.
Если внутри тела тесно.

Нимфы спешат к их фавнам.
Сочно. Сердечно. Славно.
Пикник для бесед и плоти.
Видимо, Бог не против.

Создавший плоть и беседы,
Смотрит в свой заповедник.
Манит монеткой звонкой.
Эхом звучит в перепонках.

Памятник с гордой осанкой
Сам от жары растаял.
Позируя для фотоснимков,
Растекся камнем в улыбке.

Люди текут сквозь толпы.
Сквозь шум городской и шепот.
Сквозь гомон гудков да баров
Нимфы спешат к их фавнам.

Церковь сверкает в сини.
Трепещущий флаг России
В небо глядит триколором.
Жить так прекрасно здорово!

Если прогулка станет
Позже стихами из камня.
Автор добро посеет.
Встанет. Окаменеет.

Очарованный миром
С бутылкой французского пива
Среди толпы разноликой
Впустит сияние лирики.

Мы, изваянья из бронзы,
(Птицы надменных стай)
Лица, залитые солнцем,
Входим в бульварный рай.

*13 июня 2016 года, 22: 03 часов
(Воскресный понедельник, залитый солнцем)*

*Стив Бургундец
(шепнувший Ивану Козину невзначай: «О, как же мир
прекрасен! Посмотри. И в нем растай...»)*

Огляд (Перед сном в летнюю ночь)

«To fall in love with summer rain...»

Все сокровища мира
принадлежат лишь мне
в этом доме, с желтым светом
вниз в абажуре,
в своей коже,
во плоти, в человеческой шкуре.

З занавесками да по углам,
с круглым столиком,
с ключами на нем.
С моей придурью
и пригладурью
(Ибо все то эстетство люблю я).

С темнотой за окном
(Что станет днем)
И с нормальным летним дождем.
Тем, что шепчет мне тихо на стуле:

«Мы когда-нибудь тоже умрем...»
Так гори оно все огнем!
Мы свое еще поживем.

Я есть то, что просто люблю я.

В том покое, когда отрешен.
И как мир в тонкость стен оболочки
Как в ракушку-моллюск
был влюблен.

Эта музыка льется волною,
Тем нормальным летним дождем,
Что идет часовым за стеною.

Кап-кап-каплет
И пишет поэт:

«И сидит в доме том под абажуром
Отрешенный счастливый скелет...»
Век прошел как с ключами дежурный.
Оглянулся: а нас уже нет.

15.08.2014 г.

le Theatre.

*«All the world's a stage,
And all the men and women merely players...»*
William Shakespeare

Театр начинался не с вешалки, а с изнанки.
Где-то уже внутри.
Там, где нежность (со страстью бешеной)
Целовала жизнь как цыганку
Горбун Notre Dame de Paris.

Эта пьеса была безактовой
(С перерывом лишь на антракт).
Из фойе души ало-адовой
Мы на свет все шли. На спектакль.

И на сцене устраивая сцены
Раздобревшего зла и добра
(Что пришито к манжетам Вселенной)
Нас глотала как рыб игра

Жизни-смерти и светотени,
Где тщеславие и суета,
Примостившись на наших коленях,
Нам мурлыкали песни кота.

И любовь для себя была током
Близидящие души, и в них
Отражались вся высь и глубокость.
И с тех пор (от сих и до сих)

Каждый день будто с новой строки.
А под вечер мы пишем абзацы,
Зачерпнувши из Леты Реки,
Чтоб напиться и даже нажраться.

Только жажда неутолима.
И все также на сцену вперед
Пилигримами неутомимо
Нас из зала волною несет.

Мы займем свое место. И прочно.
Наблюдая со стороны,
Конец пьесы будет отсрочен.
Ибо Театр вокруг и есть мы.

Кобец Антон

Косово

Беда помнит вкус абрикосовый,
Грудь помнит гулянье Ходинки,
Три месяца падало Косово.
Во мне угасали блики

Всех вер: ни буддизма, ни Кришны –
Падут как неспелые яблоки.
Так задували трижды,
Священные свечи Хануки.

Хотели проверить: не гаснут ли?
Все сорок четыре свечи –
Погасли. Воск падал грязными
Слезами, не зная причин,

Не ведая, что вопросами
Поставил себя в тупик.
Что я уже год, как Косово.
И бомбы разрушили цирк.

На ковре пятно от чачи.
Рюмка, что рябины плод
Лопнула. И знает мальчик,
Детство больше не придет.

А придет рассвет в тумане,
В дымной кухне в двадцать лет.
Ты гулял сегодня пьяный,
Дома матерью раздет.

Молодость, как оригами
Изогнулась и красиво
Пролегает меж домами.
Viva молодость! и viva
Боль расплаты...
– Что ты замер?

Мокрицы

Сегодня в ванной не спится –
Прильнул головой к бортику.
Стены покрыли шпионы-мокрицы,
Оставив мне самую толику
Места.

Нервно прижму колени,
Сам, как червяк голенький,
Мокрицы ведут дневник наблюдений,
Ежедневник моей риторики:

Песни под душем, у зеркала монологи,
Но сегодня сомкну я рот.
Парни-мокрицы, мокрицы-тёлки,
Вам говорить черёд.

Краснощёкова Лидия

Перемолов дорожные оправдания,
пальцы взялись за спичечный коробок.
Тебе самому создавать бы из правды правила,
не забываясь в сень усложнённых строк.
Глазами любви прощенный, как воскресенье, –
в дистиллированных и не прогорклых ещё слезах –
моешь посуду сам. Ведь чужие семьи
счастливы – если смотреть из-за
кухонной занавески. Останки смысла
среди остатков еды заметали след.
Над твоей головою секира луны повисла:
гадает, погаснет ли за занавеской свет.

Не знаю, что ты там видишь, в себя одетый,
когда бессонный в терпкой кровати мечешься.
Я вижу твои очертания в объятиях вечности,
Как хрупкую безмятежность закуриваемой сигареты.

Письмо

...Быть может, мне открыть придётся двери
И заплатить – за ту жизнь и за эту.
Ведь декаданс как истинная вера
Недёшево обходится поэту.
Быть может, иронично черной ночью
Ворвётся в дом, презрев законы света,
В наш дом, что беспощадно обесточен,
Тугая сила слабого поэта.
И я пойду месить господни муки

Исподними бывалыми ногами.
Безвестный мир, отданный в третьи руки,
Словесными подвину рычагами.
Я убегу, бессмысленно и нежно,
В объятия муз, дурмана и бессмертья;
И будет плавать океан безбрежный
У моих ног. Он даст мне имя – ветер.

Сейчас в ангине аристократизма
Тебе пишу, расхристанному дома –
Как культовой фигуре в моей жизни
С фигурой баснословной Аполлона.
(И жидких букв потеющая слякоть
Спешит навстречу сумрачному смыслу.
Как всякий, кто потом посмеет вякнуть,
Что грудь не может вздуться коромыслом).
Ко мне во сне подлизывалось море,
Свою вину скалисто ощущая.
Мотив чужих несбыточных историй
Стонал в ночи несмазанною сваей.
Да, наша жизнь, царь-колокол, царь-пушка
И атрибут бессмысленной кончины.
В багровом тоне прописная стружка,
Кривляясь, оживает при лучине.
(Письмо русского писателя-декадента своему любовнику)

Месть

На западной трассе поутру
восточному ветру – дуть:
к полуденной злобе города
с дороги сметая путь.

Мы пахнем гашёной известью.

Мы – пленники пепелищ:
поджечь, не умея вынести -
и даром, что сам сгоришь.

Размазанно-некрасивыми
нас помнит честной народ.
Не прочерками-пунктирами –
зашили дороге рот.

На определенной скорости
Мы – звук, перешедший в свет,

у неба в нагрудной полости
припрятанный на обед;
на старую карту пролитый
случайно и горячо...

Зашкаливает спидометр,
расколотый как зрачок!

Мы двигаемся неистово,
у мира забрав в залог
беременную убийствами -
тройня на одного.

Вы все её подопечные,
затем её взгляд – седой.
Ухмылка остроконечная
как повод назвать звездой...
Свободная, как республика,

бесформенная, как власть –
объём криминальной рубрики
способна одна украсть.
Красива, как вся История.

Мечтая в неё войти,
наивно избрать безволие –
последнюю из рутин.

Найдя в себе воспитателя,
я клятвы давал аванс.
Бесстрашием обаятелен,
вернусь даже в крайний раз –

Агонией для охотчиков
по огонь пироманских душ.
Когда дела нет до прочего,
что будничные списки нужд?

Бесхлопотное убежище,
излюбленное людьми,
что к нам запустили бережно
танцующие огни.

В руководстве по использованию огня написано:
хранить в защищённом месте. Не нарушать целостность
упаковки.

Со стен удалив кутикулу,
над крышею воспарил...
Кого вы хотели выкурить?
Свобода у нас внутри.

Мы все отпускаем к лешему
пешком через гарь и гать.
Ведь если теряться нечему,
то можно спокойно спать,
урок из пожара вынести,
оставшись собой сполна.

Пропахнуть гашеной известью —
и строить другим дома.

Мельков Алексей

Не отпускайте замуж муз

Поэт, да ты, по ходу, трус?
Прочти своё стихотворение!
Опять любовь, тоска и грусть
Остановили вдохновение?

Угас огонь в твоих стихах,
В них нет ни колкости, ни соли.
Унылый взгляд, печаль в глазах.
Ушла к другому муза, что ли?

Опять неверная взяла,
И, не подумав, объявилась?
А нервы снова добела,
А сердце трепетно забилося.

Ах, эта пагубная роль -
Влиянье женщины на строки.
Взломала чувственный пароль,
И, выжав из поэта соки,

Ушла, спокойно, словно тень,
Не зная вечного секрета -
Уйдя, перечеркнула день
И вдохновение поэта.

Мой друг, я вижу, ты не трус,
Пусть лира плачет и страдает.
Не отпускайте замуж муз.
Без них поэты вымирают.

27.06.2018 г.

Неуловимой Музе

Я хотел бы влюбиться в единственную,
Чтобы каждый момент своей жизни
Посвящать без остатка и искренне –
Чтобы как дорожат Отчиной,

Чтобы где-то в глуби, на подкорке,
Разместилось милое имя,
Чтобы трек в музыкальной подборке
Вспоминался бы только с любимой,

Чтобы грозы и дождь каждодневные
Наконец-то однажды закончились,
Чтоб любили её друзья верные,
Чтоб спасала от одиночества,

И пока я её представляю
Лишь в мечтах и надеждах на лучшее,
Пусть она меня ищет – я знаю,
Пусть закончится время гнетущее.

Бесконечность пустого пространства
В день прекрасный однажды заполнится,
И закончится жизнь оборванца –
И закончится эта бессонница.

Каждый день я в мечтах фантазирую,
Что однажды её где-то встречу.
Станет мне она музой и лирою,
Вдохновлять меня будет вечно,

Но лишь грёзы во сне рассыпаются,
Возвращается жизнь в одиночестве.
Но я снова ищу ту красавицу,
Что исполнит благое пророчество.

И она где-то так же вне времени
Нескончаемо, день ото дня,
Пребывая в счастливом неведении,
Без оглядки бежит от меня.

02.08.2016 г.

В последний день июльской кутерьмы

В последний день июльской кутерьмы
Хотелось бы подумать о былом:
О том, как под влиянием весны
Нам было хорошо прохладным днём.

Весны прохлады дарит благодать,
А лето забирает год за годом
Те дни, когда учились мы мечтать,
От цели удаляясь мимоходом.

И речь уже не только о любви,
О тех ночах, что быть могли однажды.
Мы столько раз с тобою к цели шли,
Что, кажется, что жизнь прожили дважды.

Но пятница неделе не конец –
Ведь есть еще два дня и целый вечер!
Забудь о том, что юн, – ведь ты борец!
И дальше – приключениям на встречу!

31.07.2015 г.

Овсянников Дмитрий

Клинок

Ты силен и жесток,
Создан в жарком огне,
Ты откован давно,
К виду крови привычен.
Лязгни мимо, клинок,
Предназначенный мне,
Я не пища тебе,
Я тебе не добыча.

Знаешь, хищник стальной,
Как средь дебрей и скал
Мне пройти довелось
Путь, что прочим неведом?
И, приняв этот бой,
Я не смерти искал,
Не погибели славной,
Но славной победы!

Как ковыль на ветру
Перед мощью твоей
Ныне я не склонюсь,
От досады стенаю.
Я тебя заберу,
Как желанный трофей,
Отнесу показать
Людам отчего края.

Там и сын, и отец
Пусть подержат в руках
То, что славой недоброй
Всем трепет внушало,
Пусть узрят, наконец,
Что повержен их страх,
И на память о том
Пусть хранят твоё жало!

Твой кровавый оброк
В битвы яростном дне
Не позволит собрать
Тот, кто смел и отчаян;
Лязгни мимо, клинок,
Предназначенный мне,
Я не пища тебе –
Я твой новый хозяин!

Морская даль теряется во мгле,
Пустынный берег обжигает ноги.
Мы – робинзоны на родной земле,
Мы дома – и у смерти на пороге.

Мы выживаем там, где жить должны,
Свой разум бережем от одичанья,
Творенье Господа, потеха Сатаны
У края неба парусов мельканье.

А наш корабль заплутал в морях,
Большому миру безразличен остров,
Но мы упорно грезим о судах,
О мачтах, пустоту рассекших остро...

В своем порыве жить неудержим
Кто к острову привязан робинзоном,
И мы свой флаг поднимем над чужим
Надменным и богатым галеоном!

Позади таверны, ром и песни,
Впереди – огнем гремящий ад;
Кошка абордажа первой вестью
Раньше всех влетает на фрегат.

Впереди свирепых глоток воя,
Прежде шпаг, ножей и топоров,
Существо упрямое и злое
Натянуло мост меж двух бортов.

Крюк не крепче ядер карронады,
Он не пустит корабля на дно,
Только мертвой хваткою громаду
Удержать сумеет все равно.

Трюмам груз, награду - экипажу,
Наш фрегат – давно ли был чужой?
Славьте кошку – руку абордажа,
Ту, что прежде всех вступает в бой!

Литература Республик России

Российский
КОЛОКОЛ

Боован Куукан Валентина

Боован Куукан Валентина Кукаевна, закончила Калмыцкий государственный университет, Высшие литературные курсы по программе « Литературное творчество», автор сборника стихов «Взлёты и падения» (на русском и калмыцком языках). Поэтесса. Член группы ДООС. Награждена серебряной медалью Первого Всероссийского Литературного Фестиваля Фестивалей «Лифт-2016», является редактором регионального журнала «Лифт» награждена грамотой «за творческое взаимодействие и высокую гражданскую позицию в литературе».

Печаталась:

1. В СМИ Республики Калмыкия
2. Журнал «Лифт»
3. Журнал Поэтов, №6, 2016
4. Победитель 1 полуфинала, а соответственно автор, включенный в первый сборник «Вслед за Путеводною звездой»

Путь к себе

Рассказ

«Это Он...» – мелькнуло в голове или где-то рядом, в воздухе, но, так или иначе, это ощущение охватило её всю – от самой макушки головки, обрамленной густой копной смоляных волос, до кончиков стоп миниатюрных ножек, которые сами понесли её к нему. И Он, в белоснежном смокинге, такой непохожий на всех здесь присутствующих, стоял как вкопанный, не спуская с неё глаз. Может, он чувствовал то же самое, что и она: необъяснимое, пришедшее из ниоткуда: «Это Она», превратившее его в монумент? А может, просто был ошарашен: с противоположного конца зала решительно, не сводя с него глаз, шла – почти летела к нему – незнакомка...

– Это ты? – выдохнула Она.

– Да. Это я...

Они танцевали под какую-то нескончаемую музыку. Шумный зал исчез, сидящие за столиками стали отвлечёнными предметами, не было танцующих, но был саксофон...

Он пел для них о чём-то очень важном, долгожданном – грустил и радовался, вернее, грустил очень светло. Это она помнила, но вот мелодию, такую до боли знакомую, вспомнить не могла.

– Давай удерём отсюда, – совсем по-ребячьи моргнул Он.

– Давай, я сейчас, – подбежала к столику, торопилась, будто боялась, что Он исчезнет.

– Ты куда? – сделали большие глаза подруги.

– В никуда...

– Не сходи с ума.

– Девочки, я уже сошла.

– Одумайся, ты что творишь?

– Что?
– Подумай о завтрашнем дне.
– О-о-о, я слишком много, слишком долго думала о нём... Настолько долго, что он так и не наступил. Было одно длинное серое сегодня...

А это и есть то самое завтра, девочки! – осенило её.

Сердобольные подруги силком усадили её на место и наперебой начали наставлять на путь истинный: «Мы, пока ты с ним танцевала, всё о нём узнали. Он, дорогуша, женат!»

– И что? Я тоже замужем.
– Посмотрите на неё – вспомнила!
– Хочешь всё перечеркнуть?
– Что всё?
– Всё, что у тебя есть...
– А что у меня есть? Что?
– Нет, она совсем! – переглянулись подруги.
– Девочки, ничего я не хочу. Я хочу к нему.
– Да по нему видно - хороший бабник, весь холёный...
– Он красив как бог. Он мой!
– На год, на два, на месяц?
– Да хоть на три часа. Но это будут мои три часа, их мне на жизнь хватит. Всё. Я улетаю!
– Что собираешься делать?
– Не знаю. Кажется, раствориться, расщепиться на молекулы, да я уже в невесомости...
– Дура!
– Дура? Как здорово быть душой! Всегда была умной. И что? Это так скучно! Знаешь все «можно» и «нельзя». Сегодня я – дура! Я – королева! – В глазах запрыгали искорки. Делаю всё, что хочу! Впервые...
Она решительно встала.
– Слушай, никуда ты не пойдёшь. Ты что, пьяная?

– Я счастливая...

– Держи её!

– Девочки, я переверну стол...

– Она это сделает...

– Ну и дуй! Потом не плачься... – зло раздвинулись подруги.

Она любила ночную езду под проливным дождём. Машина мчалась так, как будто хотела расцечь земное пространство, и дворники на лобовом стекле раздвигали завесу этого мира, открывая путь в неизвестность, туда, куда Она хотела всегда. Вернее, даже не Она, а её душа. Сейчас Она понимала: душа всегда тосковала по этой неизвестности...

Упала ночь над распутившимися клёнами,

Блестит луна над уснувшей рекой... –

– громко, весело, восторженно, почти крича, запел Он. И Она подхватила. Казалось, что знали они друг друга всегда – и даже песня тому подтверждение. Ведь песня не была популярна, без авторов и исполнителей, но они оба её знали, оба любили её когда-то, казалось, в другой жизни, а вот теперь вспомнили и запели.

Она не спрашивала, куда он её везёт, ей было всё равно, да и он не знал, куда едет. Был дождь. Была ночь. Была до рога. Были Они... Они удирали. Удирали в своё.

И, кроме глаз моих, шаловливых и влюблённых,

Ты не видишь в этот вечер ничего перед собой...

Она проснулась от своего голоса.

«О Боже, всё это только сон! Так должно было быть!» – тоскливо застучало в мозгу...

Закрывает глаза, попыталась вернуться туда. Потом уныло оглядела комнату, где всё всегда знало своё место, где никогда не было ни соринки, ни пылинки. И она всегда, едва проснувшись, знала, что должна сделать и как

пройдёт день. Она была раз и навсегда заведённым механизмом, и сбоя этот механизм не знал.

Она села к зеркалу: «Дура! Ты струсил! А это действительно был Он!» – устало прошипела своему отражению и уронила голову на столик.

Каким-то страшным упрёком сверху, будто зло насмехаясь над ней, во сне пришло то, что должно было вытянуть её из этой трясины под названием «обыденность». Всего лишь шаг отделял от того, куда Она хотела всегда, где Она смогла бы стать собой. Но струсил. Перед глазами немо проплывал вчерашний вечер.

...Был белый смокинг и глаза. Пугающе знакомые. Его нельзя было не заметить, а её он глазами отыскал сразу, и она поняла – сейчас подойдёт. Всё так и было вначале, как во сне. Саксофон и гитара – и долгая, красивая, нескончаемая мелодия. Её это и смущало. Смущало и то, что никто, кроме них, не танцевал...

«Удерём отсюда» не было, а было – «Вам не кажется, что нам с вами надо сбежать отсюда?»

«Казалось! Казалось! Казалось!» – обхватив голову руками, почти стонала Она.

– Нет. Мне не кажется. Я замужем.

– И я женат... – как-то недоумённо, как будто не понимая, при чём здесь это, сказал он.

Он сразу погас, быстро провёл её к столику и ушёл.

Зал ресторана для неё опустел. Валя и Галя о чём-то болтали, выдумывали какие-то тосты: «За нас, красивых», «За детей», «За всё хорошее» и прочее. Она их не слушала, но машинально поднимала бокал, чокалась и выпивала, даже, кажется, смеялась, когда хохотали они. Она вспоминала всё до мельчайших подробностей. Теперь была уверена, что белый смокинг был надет для неё и в ресторан он пришёл за ней. Внутри всё стонало, ныло сердце о чём-то упущенном, важном, безвозвратном.

Слава храбрецам, которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придет конец. Слава безумцам, которые живут себе, как будто они бессмертны... «Обыкновенное чудо», – вспомнила она.

Быстро подошла к книжному шкафу, сразу нашла Шварца, наугад открыла страницу и стала читать: «Не любил, иначе волшебная сила безрассудства охватила бы тебя. Кто смеет рассуждать или предсказывать, когда высокие чувства овладевают человеком? Нищие, безоружные люди сбрасывают королей с престола из любви к ближнему. Из любви к родине солдаты попирают смерть ногами, и та бежит без оглядки. Мудрецы поднимаются на небо и ныряют в самый ад – из любви к истине. Землю перестраивают из любви к прекрасному. А ты что сделал из любви к девушке?»

Она закрыла книгу, положила на место. «Но ты не безумец и не храбрец», – сказала своему отражению, потом посмотрела на часы – шесть утра. Зло усмехнулась над собой: «Даже после ресторана проспать не можешь, автومات...» – и приступила к делам, которые у неё не кончались никогда.

Просмотрела курсовую, за которую ей дадут пятьсот рэ. «Надо доработать, чтобы на дипломную пошла, – подумала она, сделала пометки. – А с дипломной опять ко мне прибежит».

Сегодня заберут платье, она его дошила, семьсот рэ, с репетиторством три штуки выйдет. Настроение поднялось, механизм вошёл в привычную колею. Вечер в ресторане уже вспоминала с раздражением: «Потела две ночи без сна над курсовой и спустила их на пожарть и поржать».

Она никогда ни с кем не делилась своими проблемами и очень старалась их скрыть, вернее, стыдилась их. «Оттого, что скажу кому-то, что денег не хватает, их мне никто

не даст. Скажу, что муж не работает, – никто не побегит устраивать», – это были её установки.

Она, кроме основной работы, бралась за всё, что попадётся, – занималась репетиторством, шила на заказ, была тамадой на вечерах.

И всё это на бегу, в какой-то бешеной скачке, но с таким лёгким изяществом, что никто – ни родственники, ни подруги – не догадывались, как на самом деле ей живётся. Не могла себе позволить даже выглядеть плохо. Всегда торопилась. Куда? Зачем? Она не знала и не задавалась этим вопросом. «Есть слово НАДО», – это был её девиз, ключ зажигания. Этим ключом её внутренний мотор заводился с пол-оборота.

...Она опять пришла в свой парк. Она называла его «мой парк». Она любила его. Сюда сбегала от нескончаемых забот и тревог, сюда Она приходила побыть собой. За поворотом, в тени ветвистых старых вязов – её скамейка. Она всегда свободна, здесь никого не бывает даже тогда, когда парк многолюден.

Почему-то в таком большом и таком тесном мире так много одиноких людей. Так легко, походя можем ранить друг друга. Вылить ушат грязи на человека становится легче, чем сказать: «Я скучал по тебе. Мне тебя не хватало. Ты мне нужен. Я люблю тебя». Эти слова становятся непривычными слуху. А мы все живём в одновременье, мы все – современники. И почему мы прячем душу, надеваем маску? А когда же человеку быть просто тем, кто он есть, – собой?

Почему люди перестали делиться наболевшим? Почему, когда очень больно, мы приходим к этим холодным немым деревьям? Может, мы сами стали похожими на них – глухими к чужой боли, отрешёнными, равнодушными. И никто никогда не узнает, что творится у тебя внутри, кто

ты есть на самом деле. А ещё удивляются: так много случаев суицида... Просто к тем, кто ушёл, все были равнодушны. А им нужна была такая малость – чтобы кто-то спросил: «Тебе плохо?», сказал: «Ты мне нужен...»

Но никто не спросил, никто не сказал, значит, никто не остановил.

Сколько людей на этой планете долгими ночами немо изливают душу холодным мерцающим звёздам, таким далёким и надменным, но не зайдут к соседу. С соседом они будут счастливыми, беспроблемными, весёлыми. А ведь он, твой сосед, ближе звёзд, теплее деревьев. И, возможно, так же одинок, как и ты...

Её скамейка не пустовала. На ней сидел Он. Нет. Это не был тот элегантный мужчина в белоснежном смокинге, а обыкновенный – в потёртых джинсах, в кроссовках, в поношенном свитере и в мастерке. Сгорбленный, весь какой-то сдувшийся, но Она его узнала издалека. Узнала именно по этому перевоплощению. Оно было так близко и понятно ей. Внешний лоск и внутренняя тяжесть нелепого груза, который Она неизвестно зачем добровольно несла на себе... С неё этот лоск сходил лишь изредка, когда её никто не видел, и она становилась собой – усталой и равнодушной ко всему. Она всю жизнь играла в счастливую самодостаточную женщину. Сильную? Нет, напротив, в слабенькую, всегда защищённую, которой всё всегда достаётся в готовом виде, на блюдечке. Актрисой Она была великолепной. Ей верили. Ей завидовали.

Волнение и какой-то невысказанный страх охватили её. Бешено колотилось сердце, волной нахлынуло беспокойство. Он тоже узнал её. Поднял голову и, сразу выпрямившись, напрягшись, смотрел на неё.

Многолетняя привычка играть сработала ещё до того, как Она придумала, что делать. Футляр на ней

непроизвольно замкнулся. Все вошло в знакомое, никогда её не подводившее русло. Ей так было удобней, безопасней, выйти из него Она уже не могла.

Лёгкая, беззаботная, Она проходила мимо танцующей походкой...

– Здравствуйте...

Она кинула «удивлённый» взгляд и «узнала» его:

– Это вы?

– Как видите...

– Где Ваш белый смокинг? – проверещала Она.

– Смейтесь. Я был похож на клоуна...

– Нет. Почему? Вы были неотразимы...

Как Она сейчас ненавидела себя за этот игривый тон! Она понимала, что перед ней единственный человек на земле, с которым должна быть собой, но сбросить маску уже не могла, не могла, не могла!

– Просто мне приснился сон. Я в белом смокинге... И встретил Её...

И с ней под проливным дождём мчались в другой мир, в другую жизнь, где я – это я. Мне в тот вечер показалось, что сон воплощается в явь, когда вас увидел. Показалось, что вы та, из сна.

– А оказалось?.. – она бессильно опустила на скамейку.

Ложь успела затянуть. И Она понимала, что выбраться из неё уже не сможет.

– Сон – это сон. Решил хоть однажды сойти с ума. Купил этот смокинг, курам на смех...

Но вы – за-му-жем!

– Так и вы ведь женаты? (Господи, что я несу!)

– Женат? Это крест. Уже тысячу лет мы живём в одной квартире, но в параллельных мирах. Она считает себя научным работником, всю эту тысячу лет пытается защитить докторскую, и за этой докторской якобы у нас начнётся настоящая жизнь. А я должен ей не мешать.

Но другой жизни уже не будет, если даже станет она этим доктором.

– О Боже!

– Что?

– Вы поверите мне?

– В чём?

– Я – та... Из сна...

– Нет. Вы не та. Там была настоящая, свободная, светлая... В вас слишком много лоску, как в том смокинге. Смокинг... То был маскарад. Я смокинги не ношу.

– А это тоже маскарад... – Она с отчаянием провела рукой от шляпы к подолу плаща. – Только он у меня... всю жизнь...

– О, какая роскошь! Я не могу себе позволить раз в год.

– Вы не слышите меня...

– Слышу. Кстати, вашему мужу не нужен смокинг? Продам за вашу цену, один чёрт, не надену больше – и напысь в стельку. А без него вы меня даже не узнали...

– Я узнала вас... сразу...

– Правда?

Она промолчала. Всё равно не поверит. Слишком долго оттачивалась роль, чтобы в ней просквозила фальшь.

– Уйдите. Пожалуйста...

– Дождь собирается. Промокнете. Как со смокингом? Не решили? Нажраться хочется... Извините... Всего доброго.

– Всего...

Она смотрела ему вслед и знала, что «нажрётся», ибо раз даётся шанс... Как там у Шварца?

«Всего только раз в жизни выпадает влюблённым день, когда всё им удастся. И ты прозевал своё счастье...» - вспомнила дословно. А им сам Бог дал дважды, но ничего не смогли изменить.

Она бы и сама сейчас на-жра-лась.

Начался дождь, полил сильнее, потом как из ведра. По лицу тихо текли слёзы, полились сильнее, потом рыдала навзрыд. Она сидела без движения час, два. Когда наконец встала, с плаща ручьём стекала вода, шляпа намочила, дешёвенькие ботики расползлись, она их скинула и босиком под осенним дождём побрела домой.

Под проливным дождём босиком, в промокшем насквозь плаще, в нелепой мокрой обвисшей шляпе, с тушью, слезами и дождём размазанной по лицу, шла женщина. Ей было наплевать на себя и на прохожих. Возле музыкального училища у неё подкосились ноги – доносились звуки саксофона. Эта была та мелодия. Она её узнала. Теперь-то вспомнила: «Мелодия ночи. Мои мечты». Как там, в ресторане, не вспомнила её? Вот о чём щемило сердце!

Эта вечная борьба за выживание, суета вытеснили из неё всё, что Она любила. Когда последний раз слушала музыку?

Она стояла, схватившись за железные прутья ограды, и плакала.

И не существовало в этом мире ничего, кроме рыданий. Рыдал саксофон, рыдал дождь, рыдала женщина. И, может быть, на другом конце этого сплошного рыдания – в стельку пьяный Он.

Потом, спустя месяц, ей тысячу раз захочется разыскать его адрес – в маленьком городке это несложно, – написать ему обо всём: один и тот же сон, одни и те же обстоятельства и слишком щемящее, близкое родство душ. И в тысячу первый раз она убедит себя в том, что этого делать не стоит. Было всё слишком неправдоподобно. Но это было правдой, пусть почти мистической. При чём мистика? Если реально два человека с разрывом в какие-то сутки видят один и тот же сон. Только один рассказал его, другая – не смогла. Лгать, придумывать что-то Она не хотела и уже не могла.

Мистика? Нет... Ведь тысячи людей одновременно летают во сне, проваливаются в пропасть... Но ведь никто не описал эти полёты, может, все видят одно и то же – мерцание крылатых звёздочек вокруг, их удивительную синхронность? Слышат немую музыку света: вдох – ослепляющий белый поток, выдох – блаженный голубой...

И ликование души – я знала, знала всегда, что умею летать!

А пропасть, в которую проваливаются, тоже у всех одна и та же. Пропать бездушия? Может, что-то кричит нам – не туда идёте! Проснитесь! Вы спите! Станьте собой! Живите, наконец живите!

Когда она летала во сне? Когда была мама...

Но уже вечность только проваливается в пропасть или вообще ничего не снится.

Теперь она знала, что в том сне была настоящей. А в жизни? Она такая, какая угодна окружающим. Зачем ей стекляшка, которую все принимают за бриллиант? Она-то знает, что это стекляшка...

Чтоб иметь настоящее, надо быть настоящей и жить, а не играть в жизнь.

Раздался звонок. Звонок из прошлого, надоевший, съедающий её время. Сколько таких звонков? Сколько из вежливости выслушанной пустой болтовни!

– Алло... как живешь?

– Хуже всех.

– (смешок) Наконец! А то ведь всегда – лучше всех!

– Ты по делу?

– Просто поболтать.

– Мне лень болтать... с тобой. Больше не звони.

Удивительно, но не перезвонила, не набросилась. Вампир всё понял – присоску отодрали.

Первый шаг к себе сделан. Всё оказалось так просто. Так просто всегда быть собой. Просто жить, а не создавать впечатление, пусть потрясающее, но это всё равно стекляшка.

Она запрыгала, потом включила музыку и стала танцевать.
Зашёл муж, долго стоял в проёме двери, потом выключил музыку:

– Что за праздник?

– Я подаю на развод...

– С чего это? Что за бзик?

– Поравняться желая с тобою,

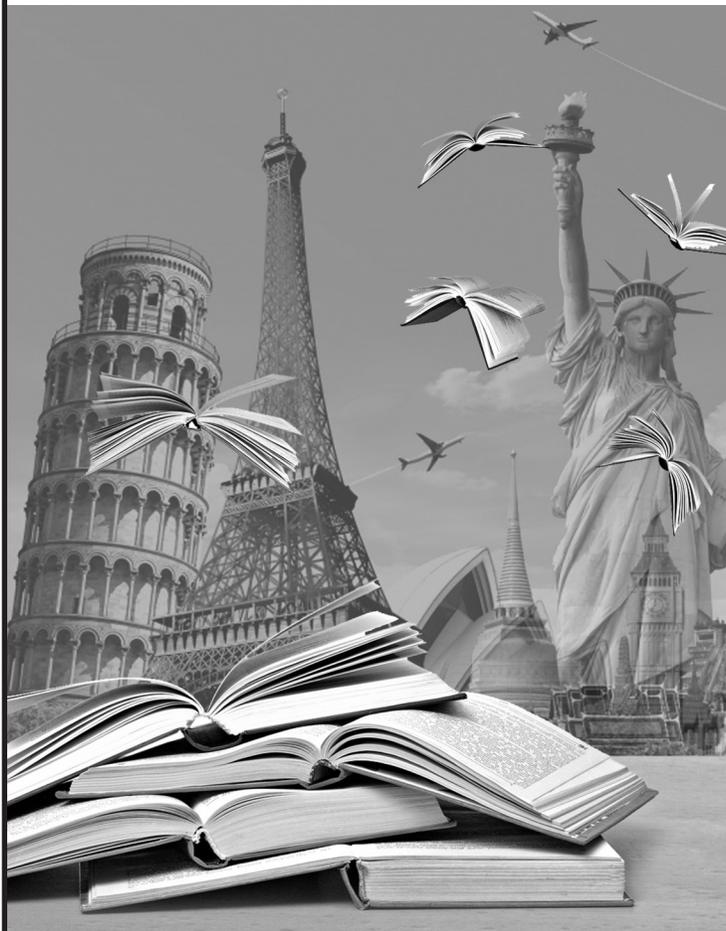
Подрезала свои же крыла...

Как кричать мне хотелось порою,

Но кому? Я ничьею была...

Расчищаю свою жизнь от суррогата. Ухожу к себе. Я проснулась.

Русское зарубежье

Российский
колокол

Спирко Дмитрий

Русский, гражданин Украины, а точнее, дончанин, проживающий в Киеве.

Рождён и воспитан по стандартам СССР, в результате чего не разделяю прошлое, настоящее и будущее на части целого, а качества человека ценю исходя из проявленных им искренних мотивов поведения, фоном которых служат результаты его труда.

Пятьдесят три года жизни прошли с заметной периодичностью в нескольких социальных уровнях/группах от ниже среднего до тех, что чуть повыше этого среднего, и каждый такой этап по-особому памятен на события.

Вначале среда рабочих, затем участие в организации производства, потом управление самим процессом труда, и как следствие искомого – создание сфер деятельности. Не заставили ждать государственные и общественные инициативы, целесообразность стараний, реализация личностных убеждений, недосыгаемые горизонты и безграничные сферы. Всё это мой сегодняшний день.

Учился и на неудачах, и на достижениях, своих собственных, своей семьи, друзей, недругов, своих коллективов, своей Родины – родных мне стран.

Средняя школа, служба в Советской Армии, экономический и физкультурный ВУЗы, трудовое поприще, материальное, творческие амбиции – в итоге работу – движение к цели сделали жизненной необходимостью.

Мои мечты – это счастье Детей в их обширной разумности, в их тонкой чувствительности и бесконечной радости.

Изданы поэтические сборники: «Стихия», «Где-то летает моя Половинка. Калейдоскоп», «Лазурь – Наш Берег», «Чудотворение». Идёт работа над сборником стихотворений «Образ Мечты. Рукопись».

Некоторые стихотворения, не дожидаясь выхода самой книги, представлены в «Российском колоколе», на его живых, благодатных страницах.

Ялты Время – Рай!

Кроны Линии Горы!
Небеса Лазурные!
Лучи Солнечной Игры!
Струны Моря Бурные!

Проливной сияет Свет!
Чувства! Высота!
Неимоверных Сил Букет!
Чаек крик! Мечта!

Реет Парус! Горизонт!
Строк Калейдоскоп!
Радуг семицветный фронт!
Винных Чар Потоп!

Нега Снежных Облаков!
Путь Счастливых Стай!
Композиции Цветов!
Ялты Время – Рай!

Шум Ручья

Ялта, «Дарсан Палас»

Шум Ручья! Да, да, именно Шум!
Огоньки Разноцветные Ялты!
Лето, Ночь, своеволие дум,
О грядущем раскиданы карты!

Скроен Миг, Судьба, Тишина!
Осыпаются Вещие Звёзды!
Душа ропщет и жаждет Вина!
Душа ищет Рождения Гнёзда!

Ветерок, мчатся мысли, хмельны!
Шум Ручья, вот, вот именно Шум!
Так Порывы Исканий сильны,
Сил не хватит Щиту, даже двум!

Млечный Путь! Мечта вдалеке!
Ялта! Крым! Бесподобна Судьба!
Чувства помнят о Ветерке,
По которому к Звёздам Мольба!

Звёзды Неба, Примите Волнения!
Лето! Ночь! Откровения Дум!
Летят в Небо Стихотворения!
Шум Ручья! Этот Самый Шум!

Не дающий стремлениям спать!

Счастливая Ялта!

Счастливая Ялта! Морские Пенаты!
Гроздь Солнца в Лучах Винограда!
Небесные Горы! Садов Ароматы!
Цветов Вдохновений Отрада!

Сливаются Волны в Аккорды Желаний!
Взвиваются Вихри Чудесности!
Раскрытое Лоно Желанных Исканий
В Секретах Самой Неизвестности!

Палят Корабли! Видят Даль Облака!
Все в Грёзах Мечтаний Просторы!
Чувства! Всевышнего Бога Рука
Творит Откровений Узоры!

Особенны Дни, Горизонты Родные!
В Желаниях Бездна Азарта!
И Сны, как Открытия Жизни, Хмельные!
Да здравствуй, Счастливая Ялта!

По Дивным Склонам Крымских Гор

По Дивным Склонам Крымских Гор
Дрейфуют Облака,
Их Путь размеренный не скор,
Они плывут в Века!

Их провожает Птиц Полёт
И Моря Синева,
Стихов души Небесный Счёт,
Палящие Слова!

Их провожают Корабли
И Воли Паруса!
Быль, Страсти, Таинства Земли,
Сил Жизненных Краса!

Их провожают в Даль Мечты
И Вера в Чудеса!
Стремлений Краски и Холсты
И Счастья Голоса!

Их Путь размеренный не скор,
Они плывут в Века!
По Склонам Дивных Крымских Гор
Дрейфуют Облака!

Голосеевский Лес

Весна в Киевском парке

Вновь Цветущий Весной
Голосеевский Лес
Стал Зеленой Волной!
Нет Границ у Небес!

Караулят Пруды
Семьи шустреньких Уток,
А по Глади Воды
Скользят стрелки минуток!

Белки ловко, без спешки,
Оценив положение,
Ищут взглядом орешки.
А вокруг Песнопение!

Разливаются трели
Проливного Концерта!
А Вороны у Ели
Делят Приз из Конверта!

Всюду Свет и Коляски!
Мама гордо мечтают!
И их деточек глазки
Сказке Жизни внимают!

Вот Гармоний Картина!
Голосеевский Лес!
Всё в Природе Едино!
Нет Границ у Чудес!

Нет лучше

Сквозь Хвою и Листву Карпатских Гор,
Их Дивные, Высотные Стволы
Небесный проливается Простор
И Струи Неба Явственно Светлы!

И льются в Сумрак Леса Света Трели,
И, замирая в Тайнствах, Сердца
В Окошки Лученосные взлетели
К Сиянию Вселенского Дворца!

А в Это Время на Карпатских Склонах,
Встречаясь с Океаном Красоты,
Очерченными в Изумрудных Кронах
Парят, как Чувства, Горные Хребты!

И Дали Совершенной нет конца!
И у Спокойствия нет Лучше Образца!

На берегах Донбасса

Крыло распростерла Война
Над нашими Берегами.
На всех нас за это вина.
За дикость слывем дикарями!

В Тенях Роковых Совпадений
Была создана Подоплёка
Фатальной Идеи вторжения
Гениев Зла и Порока!

Наш сильный, уверенный Край
Под натиском Дьяволиным
Как будто вот так невзначай
Грехом осажден единым!

Запущенный в Мир Бумеранг –
Пример Абсолюта Страданий!
Циничной Жестокости Ранг
Взмыл Символом Переживаний!

Да! Сам Феномен Сатаны
Предстал без конечного срока!
Крыло распростёрто Войны
И с Запада, и с Востока!

Безумство – Абсурда Страж
Над Скорбными Берегами!
Назначен Донецкий Кряж
Столицей Несчастья. Нами.

Так захотел Дьявол!

Крымские Зори!

Крымские Зори! Мечты! Упоение!
Прозрачная Дымка Природы!
Рождаются Радость и Вдохновение,
Чувства слагаются в Оды!

Неба Эфир! Бесконечная Ясность,
Реет Свободы Крыло!
Непостижимое! Сопричастность!
Солнце Рассвета взошло!

Крымские Зори! Счастья Сюжет!
Ко Всем Чудесам Мосты!
Неги Нектар растворяется в Свет,
В Прообразы Красоты!

Льются Лучи! Льются, Любя!
Мира Бесценный Уют!
Ангелы Вечности, в Горны трубя,
Душам Прекрасное шлют!

Крымские Зори! Время! Цвета!
Грядущего Колорит!
Горы! Вселенная из-за Хребта
Знаменем Жизни Парит!

Над Крыма Сегодняшним Днём!

Я же русский

Почему не учу Французский?
Потому что мне Русский – стихи.
Потому что бесценен Русский!
Рифмы в нем сочиненьем лихи!

Всё, что надо для лада учения, –
Строки ровны, созвонны, вольны.
Там, где должно, стоят ударения,
И куплеты сюжетам верны!

Все слагаются избранно Знания
В Соразмерный Прекрасный Букет.
Нет ни дна, ни дыры, ни заклания.
Есть Природы Загадочный Свет!

Лучезарные есть Откровения
И Престол для Счастливой Души!
Благородное, чистое рвение!
Размышления есть, что в тиши!

Если что-то лежит, то по полочкам.
Если что-то пришло – навсегда!
Нити все по своим иголочкам!
А в Пути ведёт к Счастью Звезда!

Как же нам обойтись без Стремления?
Производные Силы – В Дар!
Уважаются Труд и Сомнения,
Даже враг вместе тушит пожар!

Как же нам обойтись без Любви –
Бескорыстной, Святой, Многодетной?
Нам не жаль ведь своей крови,
Жертва Долгу будет Заветной!

Вот пример, любо слово «Свобода»!
А «Liberta» пусть любит француз.
Нам милее борьбы непогода,
Чем довольства излишнего груз!

Что ещё привести в утверждение,
Почему не учу Французский?
Да, причиной всему треволнения
Чувств безмерно живых! Я же Русский!

Извини за примеры, француз!
Твой язык и моё вдохновение!
Просто стих мой – ответный укус
За полшутку о факте рождения!

Право Франции – Место Шедевров!
Прочитай о Ней Чудо Творения!
Сердцу, разуму станется нервов,
Чтобы принять мои извинения!

Дай Бог Счастья твоей стране!
Но стихи я пишу на Русском!
Что во мне, то как будто вовне –
Знать о Франции не на Французском!

Тесла

Взять и посмотреть вокруг,
Необычно, в Знании
Истины, что Жизнь есть Круг
В вольном толковании!

Ну а если упростить
Факт воображения?
Можно просто упустить
Нити Изложения!

Быль – намеренный критерий
У Незыблемых Законов.
Очевидное – Преддверие
Впредь Заведомых Канонов.

Образ потому условен
У любых Определений,
Потому что Свет духовен!
Свет – Сияние Стремлений!

Вот и правило созрело
Стих принять за выражение,
К месту сложенное смело.
То, что ниже, утверждение!

По Лекалам Идеала,
Как Миров Феерию,
Из Энергии Начала
Свет соткал Материю.

Так в свершении Явлений
Абсолютных Величин
Сверх Источник Озарений
Стал Причиною Причин!

При Невиданных Глубинах
В Сущей Тьме затем возник
В Звёздных Неба Пелеринах
Лучезарный Жизни Лик!

Чтобы во Вселенских Сотах,
Во Вращающейся Мгле,
На Космических Высотах
Быть Восторженной Земле!

Бытия Смысл постижим
Силами Рождения!
С Вечностью сопоставим
Плод Чудотворения!

Светит Свет во Тьме извечно
Сотканной Материей!
Жизнь всю сияет встречно,
Став Земной Империей!

Если мимо не пройти
Страсти созерцания –
Всё, что встречено в Пути, –
Правда Мироздания!

Нет Искомому Предела!
Меру соткал Свет!
Избирательно!
Умело! В Счастье жить! В Завет!

Нужно вторить?

Время Ночи

Во все глаза Луна сияет
На Козырьке Планеты,
А наши Чувства вдохновляют
На Странствия Кометы!

Так Совершенство Мира Гнёзд
Раскидистых Плеяд
В Неповторимом Лоне Звёзд
Рождает Звездопад!

И под Космическим Дождём
Кармических Новелл
Мы свои души к Свету шлём
В Незыблемый Предел!

Так происходит Время Ночи,
Явь пестуя во Сны!
Так Вечности сияют Очи
Во все глаза Луны!

Красоте Небес

Линии воздушных перекаатов
Рассекают Облачные Выси,
Предвкушая Красоту Заката,
В Красоту Небес восходят мысли.

Поднимаясь в Горные Хребты
Изумрудной Ладности Лесов,
Проникаясь в Ясные Черты
Лучезарных Море – Берегов.

Всё Одно в Едином Совершенстве!
Действо, Чувства, Жизни Высота!
И Строка в чеканном Верховенстве
Творит Образ Бытия с Листа!

В Солнечном Предместье

В Одним из Солнечных Предместий
Сияет Земной Шар,
В котором Все Стихии вместе –
Вселенской Силы Дар!

Интригой Таинства Сюжета
Явились Бытиё
И Все Проникновенность Света
В Заветное Жильё!

Где Жизнь – Вместилище Секретов
Необозримой Власти,
Цветёт, Чудесностью согрета,
В Искомой Мира Части!

Где, Отражая Совершенство
Всевышней Благодати,
Исходит Поиск Верховенства
Свойств Абсолютной Стати!

Где в Вехах Разума и Воли,
В Воздушном Океане,
Играют Звёзды свои Роли
В Летящем Караване!

А души отражают Божество
В Одним из Лучших Солнечных Предместий!

Бездонное Небо!

Бездонное Небо! Бездонное!
Грёзы парят Высоко!
Явление Непревзойдённое,
Как Времени Путь, Велико!

У нас, у людей, есть Уверенность,
Что Неба Скрижали – Закон!
А главная Жизни Намеренность –
Поставить на Истины Кон –

Надежды, Расчёты и Чайания,
Доверие, Чувства, Мечты,
Открытия, Силу Сознания,
Характер, Мысли, Черты!

Мы ищем, стремимся и верим,
Что в Небе наш Дом и Уют!
И в Вечность Открытые Двери!
И Место, и Час, где нас ждут!

Где Опыт Земной Круговерти
В Стихии вливается Мира!
И где во Вселенском Концерте
Звучит Откровения Лиры!
Бездонное Небо! Бездонное!

Путь на Небосклон

Трели Ночи за Окном...
Вышел на балкон...
И своим всем существом
Встретил Лучший Сон!

В Нём Несчётные Цикады
Звёздами звучат!
Звёздам Выси Рифмы рады,
Прямо к Ним летят!

Чтоб в Вселенской Вышине
Серебристой Дали
На Всесильном Скакуне
Чувства Небом стали!

Август Лета, Млечный Путь,
Встречный Звездопад!
Так мой Мир не смог уснуть
Под Оркестр Цикад!

Трели Ночи за Окном!
Высоты Балкон
Стал к Созвездиям Мостом,
Свету в унисон!
В Путь на Небосклон!

Жемчужное Море!

Поднебесное Море бывает Жемчужным,
Когда Солнце светится Счастьем!
Когда каждый Луч является нужным,
Каждой гранью и каждой частью!

Разноцветному Миру Земли Голубой
Свет – особое есть Украшение!
Лучи Солнца, скользя по глади морской,
В бликах чувств отражают Свечение!

В Миге Дня Луч Огня импульсивно Сияет,
Разгорается в Глянцевый Блеск Серебра.
Над самую волну искрометно мерцает
Отжемчуженной рябью Морского Ковра!

Воды млеют в Жемчужном Сверкании!
Солнце Морю светится Счастьем!
Радость Жизни – Чудес Созерцание
И к Прекрасному Со Причастие!

Поднебесное Море бывает Жемчужным!
На Солнечный Шлейф посмотрите!
Он всякого сделает безоружным!
Смотрите скорее! Смотрите!

Сквозь Майскую Вуаль

Сквозь запах Моря и Сосны
Передо мною Даль!
Кто скажет, что виновны Сны,
Того не очень жаль!

Виновны Сила Красоты
В Явлении Чудес!
Волнений Книжные Листы
И Синева Небес!

В Дорогу явленный Пролог
О будущих Мечтах!
Достойный Истины Итог
В освоенных делах!

Виновна Сущность Бытия
И Вечности Простор!
И Звёзд Бескрайняя Семья,
И на Всё Бога Взор!

Взмыл Запах Моря и Сосны
В Невиданную Даль!
Смотрел я с Берега Весны
Сквозь майскую Вуаль!

В Безбрежный Океан!

Где-то тут

г. Эз, Франция

Осанка Деревьев как у Царей,
Вечер, Лежащее Море...
По склону Деревня в Огнях Фонарей
С Лампадками Таинств в Узоре!

Тропинку чуть видно. Цикады, Сверчки –
Их Нот упоительный треск...
Звёздочки редкие как маячки.
За Всплеском по Берегу Всплеск!

Воздух напитан Расцветшим Нектаром.
Мечты – это те же Сады!
И сдался поэт Чудодейственным Чарам
На все Вдохновений Лады!

Тени ушедших в Простор Кораблей
Слились в Одну Долгую Тень.
Да, где-то тут, у Ночных Рубежей,
В Вечное Счастье Ступень!

Восход

Бесподобным Чудо Цветом
Запылал Восход!
С Синевой Лучи при Этом
Насыщают Свод!

Сквозь Прозрачные Тона
Высоты Бездонной
Даль вся Заревом полна
Красоты Зажжённой!

Вот-вот вспыхнет Горизонт
Проливным Огнём!
И раскрытый Неба Зонт
Станет Ясным Днём!

А пока до Возрождения
Еще целый Миг!
Миг, где Светоч Озарения
Нас любя достиг!

Солнца Круг ещё не виден,
Но грядёт Заря!
Как же Край Земли завиден,
Чувствами горя!

Час пришёл!

Расступайся, Пелена
Высоты Небес!
В Этот Час душа вольна
Красотой Чудес!

Неизбывным Океаном
В Горизонт Творения
Плывут Время Караваны
По Путям Движения!

Светоносных Вех Лучи,
Синеву пронзая,
К Тайнам Бытия Ключи
Миру предлагают!

И душа в Плену Свободы,
Осязая Вечность,
Все свои Земные Годы
Движет в Бесконечность!

Чувства Мыслей окрыляют
В Золотой Полёт,
А навстречу Свет сияет
И к Себе влечёт!

Час пришёл!

Чудес Лазурная Страна

Расцветена Завидной Красотой
Лазури Светоносная Страна!
Здесь Жемчугами сыплется Прибой
И дышит Самой Вечностью Волна!

Здесь Горные превращены Хребты
Из Каменной Стихии в Паруса!
Очерченные Временем Черты
Возносятся в Святые Небеса!

Здесь Ранним Утром Неги Упоение
В Рассветной Дымке щебетаний Птиц
Рождает Чувств Благие сотворения,
В которых нет искусственных границ!

И в тот же Дождь, когда всё замирает
От платонического Чудо-Колдовства,
Природа сокровенно изливает
На Берега Секреты Волшебства!

И тот же Звон звонящих Богу Звонниц –
Есть Светоч Душ в мерцании Лампад!
Молитвам Дней и Совесть бессонниц –
Всему, как Солнцу, Путник Мира рад!

Всему, как Солнцу, суждено сиять
В Прекрасном Ясном Радужном Краю,
Где верно о Бессмертии мечтать
И утверждать, что побывал в Раю!

Благословенны

Благословенны Места,
Дарованные Природой,
Рождённые неспроста
Волей Небесного Свода!

Благословенны Пути,
Ведущие в Ясные Дали!
Чувствам дано цвести,
Иначе б мы не мечтали!

Благословенны Мечты –
Лоно духовной Свободы!
Свет – Эталон Красоты!
Жизнь – это наши годы!

Солнце доверено Миру!
Крылья в Любви парят!
Счастья Звучную Лиру
Путники слышать хотят!

Лети над Землёю, Мелодия,
Музыкой Избранных Слов!
Рифмы – Венец Плодородия
Неистошимых Стихов –

Благословенных Основ!

Фантастика

Российский
колокол

Лазарев Дмитрий

Лазарев Дмитрий Владимирович родился в Свердловске 30 мая 1976 года.

Тягу к фантастике испытывает с детства. К фантастике самых разных жанров – от юмористической до литературы ужасов. Некоторое предпочтение отдает фэнтези и мистике. Писать сам пытался еще в старших классах школы, но всерьез занимается этим только с 2003 года. С сентября 2005 года является членом КЛФ «Радиант» и постоянным участником конвента «Аэлита». Участвовал в ряде литературных фестивалей и фантастических конвентов в Екатеринбурге, Москве, Санкт-Петербурге и Крыму. Постоянный преноминатор сборников «Аэлита».

До 2012 года у него вышло несколько романов в серии «Фантастический боевик» издательства «Альфа-книга». Романы относились к жанру «городского фэнтези». С 2016 публикуется в серии «S.T.A.L.K.E.R.» издательства АСТ, где выпущено уже четыре романа. В 2017 году авторский сборник повестей и рассказов «Вспомни меня» вышел в серии «Роскон представляет» издательства Интернационального Союза писателей. Рассказы и повести разных жанров, а также публицистические статьи и рецензии появлялись в журналах, газетах и различных сборниках.

С 2016 года член Интернационального Союза писателей.
С 2018 года член Союза писателей России и член Совета по фантастической и приключенческой литературе Союза писателей России.

Премии: «Орден добра и света» на «Аэлите-2013» за роман «Не пожелай зла».

Диплом конкурса «Фаншико-2013» на конвенте «Фанданго» за рассказ «Личное время».

Диплом конкурса «Фаншико-2014» на конвенте «Фанданго» за рассказ «Ошибка номер пять».

Диплом конкурса «Фаншико-2015» на конвенте «Фанданго» за рассказ «Наживка для демона».

Диплом за первое место в конкурсе «Мистика Урала» на конвенте «Басткон-2016» за повесть «Малахитовая душа».

Антихейтер

Рассказ

– Дерьмо противотанковое!

Рык шефа из коридора заставляет Риту Бахареву оторваться от третьей за утро чашки кофе. Чудо, что не поперхнулась.

Дверь хлопает, и в отдел вихрем врывается сам обладатель зычного баса – начальник третьего отдела майор Андрей Саныч Круглов, вернувшийся с оперативки в сопровождении старшего лейтенанта Павла Дашко. Саныч взбешен, а у Павла вид, будто он только что лимон разжевал с кожурой. Причина может быть только одна.

– Седьмой?! – ахает Рита.

– Угу. Всем седьмым седьмой! – Стол шефа содрогается от удара его тяжелой ладони. – Смотри рассылку.

У кофе из автомата вкус не ахти. Да и эффекта уже никакого – спать все равно хочется. Бахарева морщится и активирует поверхностный коннект на паде. Сетевой убийца, охотник на троллей и хейтеров за последнее время стал для их отдела настоящим кошмаром. Своих жертв он подлавливает в виртуале, посылает мощный импульс через коннект и буквально сжигает их мозг, после чего они только и могут, что пускать слюни и ходить под себя. Седьмая жертва за шесть недель. Как с цепи сорвался!

Так, вот и рассылка с данными на последнюю жертву. Фамилия... Ох ты ж... Понятно теперь, почему шеф так психует.

– Кудрявцев? А это случайно не родственник мэра?

– Родной племянник! – цедит Саньч. – Теперь с нас не слезут, пока мы не прижмем этого ублюдка!

Рита закатывает глаза. Ей не понаслышке известно, что это такое – дело на контроле у властей. Прости-прощай свободное время и выходные.

– Погодите... – Бахарева озадаченно хмурится. – Так это что же, получается, племянник мэра тоже из... этих?

Шеф только мрачно зыркает исподлобья. А отвечает Паша:

– Из них самых. Овощевод же у нас того – идейный!

Круглов закипает мгновенно:

– Так, старший лейтенант Дашко, чтоб я от вас больше не слышал этой дурацкой клички!

Когда Саньч начинает обращаться на «вы» и официально, лучше сесть и заткнуться. Что Дашко и делает. Это в СМИ Сетевого убийцу как только ни называют: Антихейтер, Линчеватель, Киберпсих, Овощевод... Последнее прозвище особенно нравится Паше, но оно же самое оскорбительное, причем не для преступника, а для его жертв. Поэтому, когда речь идет о племяннике мэра, его

применять не следует, тут шеф прав. Хотя жертвы Сетевого убийцы сочувствия, мягко говоря, не вызывают – гнусные типы, что ни говори.

Сеть бурлит уже второй месяц, расколовшись на два непримиримых лагеря. Одни возводят убийцу на пьедестал, делая из него этакого народного мстителя, другие требуют его голову на блюде.

Просмотрев файл, Рита недоуменно поднимает взгляд на Саныча:

– А с чего взяли, что Кудрявцев – хейтер? Так решили только потому, что его Сетевой убийца выбрал? Спорно. А если тут личный мотив и действовал подражатель?

– Соображаешь, – Саныч хмыкает, – но не думаешь. Кто наша жертва? – Выразительный тычок в направлении потолка указательным пальцем. – А значит, в наших файлах никакого компромата на него ты не найдешь. Поэтому слушай и запоминай. На Кудрявцева жаловались за преследование. Неоднократно. И в комиссию по сетевой этике, и даже в наш сетевой отдел. Вернее, жаловались на его фейковые аккаунты. Один блокируют – другой всплывает, и так до бесконечности. Как с ним связали эти аккаунты? Мальчик заигрался. Все его фейки рептильные были – драконы, змеи, ящерицы и прочая чешуйчатая дрянь. Апоп, Уроборос, Горыныч, Йормунгад, Тайпан, Комодо... список длинный. Задействовали наших змееловов из сетевого... Они его вычислили, а толку? Не по зубам он им. Пальцем только погрозили. С тех пор он прятаться лучше стал и аккаунты другие для прикрытия использовать... Только от Овоще... тьфу ты, Сетевого убийцы это его не спасло. Кстати, тебе задание – с последней жертвой Кудрявцева пообщаться. Некая Анна Брыль. Адрес там в конце.

– А точно его?

– Точно. Жалоба вчера поступила, а когда Кудрявцева

нашли, пад его перешерстили, трек-анализ сделали. Он еще следы замести не успел, и остался лог о посещении ее аккаунта. Ранее контактов между ними не было. Вывод напрашивается. Короче, вытрани из этой Брыль всё, что сможешь. Только шибко не дави – у девчонки и так стресс.

– Немудрено, – влезает Дашко. – Одна из жертв Уробороса, между прочим, потом таблеток наглоталась. Еле откачали. И как только таких тварей земля носит!

– Разговорчики в строю! – рычит Круглов. – Эмоции свои на работе засунь... сам знаешь куда. Дело надо делать. Так что ноги в руки – и дуй в сетевой. Они нам уже три с лишним недели мозги компостируют с психологическим портретом преступника. Пни их там хорошенько.

– Есть! – нарочито официально отвечает Паша и выходит из комнаты.

Рита залпом допивает кофе и устремляется за ним.

Шаг у Дашко широкий, поэтому догоняет она его уже в конце коридора и придерживает за локоть:

– погоди ты, торопыга! Успеешь еще к своим сетевикам. Скажи лучше, какие у тебя мысли по этому делу?

– Мысли? Если честно, никаких. С мыслями, Бахарева, у меня сегодня утром напряженно.

Рита смотрит в осоловелые глаза старшего лейтенанта и вздыхает:

– Паша, чем ты последнее время по ночам занимаешься?

– Догадайся с трех раз! Что может ночами делать молодой и здоровый мужчина? – Он хихикает. – Шпилить, конечно!

– Во что?

– В МТ-2. Второй раз уже прохожу. За Гасталлу. Бахарева, ты просто не представляешь, какая это крутая игра! Сюжет – ну совершенно нелинейный! А персонажи! А мир! А возможности! Э, да что я тебе объясняю! Все равно не поймешь!

– Где уж мне, – хмыкает Рита. – Погоди, а ты в полном виртуале играешь?

– Конечно, – даже удивляется он. – Не с поверхностным же коннектом!

– И не очково?

– А мне-то что? Я ж в сети никого не достаю. – Дашко склоняется к ней и заговорщицки понижает голос: – А безобидных задротов Овощевод не трогает.

– Маньяк ты, Паша.

– Я-то что? Вот шеф в свое время... – Он умолкает как-то слишком резко.

– Что шеф?

– Ничего. – Жест закрывания рта на молнию. – Тебе слышалось.

Одного взгляда на упрямое лицо Дашко хватает Рите, чтобы понять: дальнейшие вопросы на эту тему бесполезны.

– Ладно, Бахарева, пора мне, – начинает торопиться Павел. – Удачи тебе с твоей пострадавшей.

Лицо Риты делается кислым.

– Да уж, удачи... Пустая трата времени. Ну что она мне скажет? Максимум – что у нее в сетевой гостинной ошивались какие-нибудь подозрительные фейковые аватары, которых она даже имен не знает.

– Пессимистка ты, Бахарева, – качает головой Павел. – А надо верить в лучшее. Мне вот почему-то кажется, что тебе сегодня повезет.

– Угу, повезет, – мрачно отзывается Рита. – Или нет.

– Опять?! – Анна Брыль закатывает глаза. – Я уже всё и в жалобе своей написала, и человеку из комиссии рассказала. Сколько можно?!

– Я из другого ведомства. – Рита показывает служебное удостоверение.

Документ производит впечатление: брови Анны приподнимаются в удивлении.

– Однако! Полиция? Решили, значит, всерьез взяться за этого урода? И правильно!

– Кто-то уже взялся, – внимательно наблюдая за лицом девушки, произносит Рита. – И серьезнее некуда. Он мертв... Ну то есть почти мертв...

Теперь круглые глаза. Искренние, кажется.

– Ничего себе! Неужели Антихейтер?!

– Сетевой убийца, – уточняет Рита. – Да, подозреваем, что это он.

– Круто! – вырывается у Анны.

– Простите?

– Ну, то есть... в общем... Это плохо, я понимаю. Но мне его даже вот ни столечко не жалко! – Она почти смыкает указательный и большой палец, оставляя между ними волосяной просвет.

Лицо Риты остается непроницаемым.

– Расскажите еще раз о вчерашнем инциденте.

Брыль хмурится и вздыхает:

– Ну, я в своей сетевой гостинной была.

– Полностью в виртуале? – уточняет Рита.

– Да. Глубокий коннект. Мне так больше нравится, чем с экрана. Пост сделала такой интересенький. Чтобы народу побольше набежало пообсуждать. Так и получилось.

– Знакомые?

– Не все. Говорю же, тема интересная – про вирт-фильм новый с полным погружением. «Призрак моей мечты». Смотрели, нет?

Рита отрицательно качает головой.

– Зря. Это ж прямо маст си! Такое нельзя пропускать. Очень рекомендую!

– Так кто к вам набежал? – Бахарева возвращает пострадавшую к теме разговора.

– Разные люди. Фрэнды мои. Фрэнды фрэндов. Незнакомые тоже. Анонимов хватало. Ну это которые с масками-аватарами коннектятся. Лицо скрывают.

– Это вас не встревожило?

– Нет, а с чего бы? – пожимает плечами Анна. – Моя сетевая гостиная популярна. – В голосе ее появляются нотки самодовольства. – Анонимы в большинстве своем безобидны. Стыдятся просто. Любят общаться, но пугливые немного. Слушать предпочитают. А у меня за счет таких посещаемость гостиной растет. Чем плохо?

– Ничем, – соглашается Рита. – Так что было дальше?

– Дальше... – Лицо Брыль снова мрачнеет. – Только обсуждение горячее началось, как этот... появился.

– Тоже в виде анонима?

– Нет, он круче. Полный образ. Не маска. Крокодил какой-то прямоходящий. Мультяшный. В одежде и с гармошкой.

– Гена?! – удивляется Рита.

– Не знаю. Я его имени не спрашивала. Но вы же говорите, что нашли его...

– Да нет, я про образ... Ладно, неважно. Так что он сделал?

– Он спел. Под гармошку. Такую гнусность! – На глазах Анны даже слезы выступают. – Это... это просто очень мерзко... Про меня лично... При всем народе... Сволочь!

Последнее слово буквально звенит яростью сквозь слезы.

Рита опускает взгляд, выдерживает небольшую паузу, позволяя собеседнице успокоиться, а потом мягко просит:

– Сочувствую. Но продолжайте.

Брыль еще несколько секунд всхлипывает, но все же берет себя в руки:

– Там онемели все просто. Нормально общались, а тут... такое. Но пока опомнились, этот гад исчез!

– И всё?

– А чего вам еще? – с некоторым раздражением спрашивает Анна.

– Ничего. Спасибо, вы очень помогли.

Рита поднимается, умело скрывая разочарование. Негусто, мягко говоря. Конечно, она и не рассчитывала на решающий прорыв в деле, но тут уж совсем голяк.

– До свиданья.

– Пойдите! – Голос пострадавшей останавливает ее у самых дверей. – Огонек!

– Какой огонек?

– У крокодила на гребне. Рядом с головой. Маленький, зеленоватый, как светлячок. Мне это еще странным показалось, но я тогда на таких эмоциях была, что все из головы вылетело. А сейчас вот вспомнила... Это важно?

– Может быть, – произносит Рита задумчиво и выходит за дверь. – Или нет.

– Трек! – уверенно заявляет Павел Дашко. – Чертов трек-маячок!

– Я тоже так подумала, – соглашается Рита. – И что это нам дает?

– Может, и ничего, – задумчиво произносит Круглов. – А может, и кое-что. К опытному хейтеру (а Кудрявцев был опытным, без вопросов) маячок не вдруг и прицепишь. Они осторожные, умеют такие штуки находить и сбрасывать – для них это вопрос выживания. Вернее, здоровья. Потому что если найдут, отметелят за милую душу. Как минимум. Если к Кудрявцеву маячок прицепили, значит, убийца – тоже малый не промах. Трекер мастеровитый. Ладно, это так пока, размышлизмы. Что у тебя с сетевиками, Паша?

– К завтрашнему утру обещают портрет составить...

– Дерьмо противотанковое! – ругается Саньч. – Специалисты хреновы – почти месяц черт знает чем занимают-ся! Понаблюдали по объявлению, а мы мучайся! Ладно, держи меня в курсе. Теперь так. Вы оба берете ноги в руки и шерстите все последние контакты Кудрявцева. Мало ли что всплывет... Возможно, Кудрявцев знал убийцу.

– А разве мы не маньяка ищем? – удивляется Павел.

– Маньяки тоже разные бывают. И не доказано, что он маньяк. Пока психологического портрета нет, личный мотив со счетов не сбрасываем. Макбэйна читал – «Ненавистник полицейских»? Там тоже думали – псих, всех копов ненавидит. А оказалось – только одного, конкретного, а остальных для отвода глаз убивал. Вот так-то!

– Шеф, но... – заикается было Павел.

– Никаких «но»! Я только что от начальника полиции. Знаете, как он меня... Что он со мной... Короче, всю холку мне выел с этим делом. Так что разговорчики отставить! Работать, негры, солнце еще высоко! Забыли свист бамбуковой палки?!

Дверь квартиры хлопает, воздвигнув заслон между Ритой и внешним миром. Дом. Милый дом. Наконец-то! Рита скидывает обувь в угол, не глядя сует ноги в пушистые тапочки и заходит в комнату. Замирает. Диван пуст. И коляски нет. Только Рыжун сиротливо лежит на подушке. Остроносый, набитый ватой тряпичный лис, которого Рита еще в школе сшила для младшего брата, выглядит покинутым. Риту внезапно охватывает тревога.

– Стас! – кричит она. – Шкип, ты здесь?

– Нет, блин! – доносится с кухни. – На пробежку вышел. – В специально расширенном дверном проеме появляется инвалидная коляска, управляемая худощавым

молодым человеком лет двадцати пяти. Светло-русые волосы безуспешно изображают порядок. Так бывает, когда причесываются пятерней. На коленях Стаса – поднос с бутербродами и кружка с кофе. – Куда я денусь с подводной лодки?

Рита облегченно улыбается:

– Чего-то забеспокоилась, извини. День был тяжелый. Увидела, что Рыжун один и...

– Я Рыжуна с собой на кухню не беру. Он мне бутерброды делать мешает. Кстати, я и тебе настрогал – знал, что скоро появишься. Возьми там на столе.

– Спасибо.

Рита проскальзывает на кухню и с наслаждением вонзает зубы в фирменный «бегемотбургер» Шкипа – хлеб, сыр, колбаса, огурец, колечко помидора, снова сыр и хлеб. Еще один такой же прихватывает с собой и возвращается в комнату.

– Ты чего так поздно? – спрашивает брат.

– Дело это... Сетевой убийца... – бормочет она с набитым ртом. – Последняя жертва – племянник мэра. Совсем нас заездили. Бьемся как рыба об лед, а толку...

– Какая жалость! – тихо произносит Стас, отхлебывая кофе.

Рите чудится в его голосе насмешка, и от удивления она даже жевать перестает:

– Ты чего это, Шкип?

– Ничего. – Он отворачивается, и голос его звучит глухо. – Тебе известно мое отношение к этой... гнили. Кто-то пытается очистить от нее сеть, а вы его еще и ловите.

– Ну знаешь! – Рита аж задыхается от возмущения. – Так тоже нельзя!

– Иногда мне кажется, – тихо возражает Стас, – что только так и можно.

– Так, Шкип, ты, конечно, мой брат, но...

– Понял. Заткнулся. – Он отпивает кофе и перехватывает ее взгляд. – Ну чего ты так на меня смотришь? Помощь нужна?

– Да нет, с чего ты взял...

Слова брата попадают в цель, и Рита слегка смущена. Кое-какие тайные надежды на сей счет у нее и впрямь были, но после слов Стаса о гнили...

– Вижу, что нужна. Давай уже, колись.

– Совет скорее. Но это по делу о Сетевом убийце. А ты же сказал...

– Ты моя сестра, Рита. А это для меня главное.

За стеной раздается грохот. Рита вздрагивает:

– Что такое?

Стас улыбается:

– Димон из сорок пятой. Ну который в сетевой безопасности «Звездного» работает, помнишь? «Чистилище 3» себе поставил и оттягивается в глубоком коннекте. Увлекается иногда и со стула падает...

– Чокнутый он!

– Ну да, кто бы говорил! Себя вспомни, когда мы в паре турнир по «Чистилищу 1» выиграли.

– Это сто лет назад было! Я с тех пор изменилась.

– Угу, изменилась. Только...

– Только что?

– Ничего. Ты, кажется, хотела о чем-то спросить?

– Шеф запряг нас проверять контакты последней жертвы. Думаю, это он от безысходности: начальство давит, а результата нет. Имитация бурной деятельности, в общем. Естественно, тупик. Важнее связь между жертвами убийцы. Ее мы тоже проверяли, но пока известно лишь то, что все они были...

– Троллями и хейтерами, – заканчивает за нее брат. – А тебе кажется, что должна быть еще связь?

– Ага. Такой дряни в сети навалом. Почему же он выбрал именно этих? Только у нас, наверное, уже глаз замылился, а если бы ты свежим взглядом...

– Нью-ню. – Стас жует бутерброд. – Список жертв давай.

Рита открывает нужные файлы и садится на диван рядом с братом, который берет в руки ее пап и погружается в изучение данных. Постепенно его лицо меняет выражение. Взгляд делается острым как нож, а в глазах возникает что-то вроде удивления. Наконец он откидывается на спинку коляски и делает глоток кофе.

– Ну? – нетерпеливо спрашивает Рита.

– Ты права, связь есть.

Она чуть не подсакивает:

– Какая?

– Ты что-нибудь слышала о «Клубе Симмонса»?

– Нет, а что это?

– Дэна Симмонса не читала? «Темная игра смерти»?

– Представь себе, нет! – Рита понемногу начинает раздражаться. Достали книжечки – сначала шеф, теперь Стас. – У меня, знаешь ли, других дел навалом – книжки читать некогда. Это ты у нас...

Начинает и осекается, сообразив, что чуть не ляпнула. Впрочем, все и так ясно. Но Стас улыбается. Спокойно, безмятежно. Только пальцы правой руки чуть сильнее стискивают бок Рыжуна.

– Стас, прости.

– Ладно, проехали. У меня действительно хватает свободного времени – я только что пару халтурок допилил. Завтра за них деньги упадут.

Рите стыдно. Очень. Чуть не обозвала парализованного брата бездельником. Притом, что его сетевые «халтурки» приносят в семейный бюджет больше, чем ее зарплата лейтенанта полиции... разика этак в два.

– Стас...

– Сказал же – проехали! И так, «Темная игра смерти» Симмонса – история о людях, которые могут дистанционно брать других под свой контроль и управлять их поступками. У них там такое развлечение – убивать с помощью своих способностей, а потом бахвалиться: кто кого и как. «Клуб Симмонса» в сети – что-то вроде. Только там – хейтеры и тролли восьмидесятого левела. Всё как положено: набор фейковых аккаунтов, файрволлы, антитрекеры. Выбирают жертв, анализируют профили, выявляют болевые точки и оттягиваются на них, пока жертва не сломается. Потом в закрытой сетевой гостиной собираются избранные и хвастаются, кто, кого и как довел до самоубийства своим глумлением.

Рита фыркает:

– Звучит как бред! Да если бы что-то подобное было, их бы уже давно...

– Ну вот, стена неверия – это первая степень защиты «Клуба». Вторая – полная анонимность и закрытость. Они постоянно меняют адрес своей гостиной. По закону их не прижать. Никак. Доведение до самоубийства – статья. Но к ним ее не применить, как ни старайся – доказательств не найдешь.

– А ты-то откуда об этом знаешь? – Скептицизм Риты можно есть ложками. – Только тебе удалось докопаться до страшной правды? Или сетевые байки пересказываешь? В черной-черной гостиной сидят черные-черные хейтеры и лелеют свои черные-черные планы! Соображаешь, как это звучит? Как очередная теория заговора!

Стас пожимает плечами:

– Так и знал, что ты не поверишь. У меня, как ты тонко подметила, хватает свободного времени и есть пунктик на счет хейтеров и троллей. И «Темную игру смерти» я читал.

Поэтому, когда наткнулся на «Клуб Симмонса» в сети, почему-то именно эту книгу вспомнил, а не какую-то другую. Стало жутко интересно, и я начал копать, надеясь нарыть убойные факты, с помощью которых этих тварей можно засадить надолго.

– И что, нарыл?

– Того, что можно назвать прямыми уликами, – нет. Но косвенных – предостаточно. А также имена кое-какие. Насчет всех не скажу, но четверо из твоего списка – члены «Клуба». Кудрявцев в том числе. Кто-то их чикает по одному. Причем ни разу не маньяк, а кто-то, у кого есть мотив. Но я пойму, если ты предпочтешь назвать все это конспирологией и заняться другими зацепками... Ах да, у тебя же их нет!

Улыбка пропадает с лица Риты. Уверенность брата заставляет ее сомневаться.

– Четверо, говоришь? – произносит она медленно.

– Это как минимум, – кивает Стас. – Может, и остальные тоже. Кстати, в моем списке есть имя, которого нет в твоём. Пока нет.

В глазах Риты появляется искорка азарта.

– Посмотри мои материалы, сестренка. А потом уже скажешь, что все фигня и я чокнутый...

– Или нет, – говорят оба хором и начинают безудержно смеяться.

Специалист сетевого отдела выглядит как стереотипный компьютерщик конца двадцатого века: коренастый, полноватый, джинсы, свитер, усы, борода и очки – все при нем. Стекла с двадцатипроцентным напылением не скрывают сверкающего в его глазах чувства собственной важности. И вещает он немного снисходительно,

как университетский профессор, читающий лекцию первокурсникам. Риту и Павла эта его манера бесит, но они сдерживаются, а Санычу, кажется, по барабану: сидит флегма флегмой.

– Мы проанализировали все случаи, – рассказывает сетевик, – и пришли к выводу, что, скорее всего, ваш убийца – полувирт.

– Поясните, – коротко требует Круглов.

– Ну, это человек, у которого есть какая-то серьезная проблема в реале. Проблема, которая ограничивает его возможности, и от которой он бежит в сеть. Инвалидность, например...

При этих словах Рита едва заметно вздрагивает и ежится. Мысли ее принимают не совсем приятный оборот.

Между тем сетевик продолжает:

– И тут срабатывает принцип компенсации, как, скажем, обостренный слух у слепых. Недостаток возможностей в реале обращается их избытком в сети. Ваш убийца играючи проламывает защитные блокировки и фаерволлы, с которыми пришлось бы попыхтеть и опытному хакеру. Но главное – импульсы, сжигающие мозг. Такое не вдруг и сгенерируешь. На подобное способны, например, мощные охранные программы серверов силовых ведомств или органов государственной власти. Но чтобы одиночка сотворил такое... практически нереально, если речь не о полувирте.

– Значит ли это, что убийца – инвалид? – спрашивает Рита, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Необязательно. Вы слишком упрощаете. Он может, например, страдать аутизмом или быть душевнобольным. Сетевая болезнь, кстати, тоже вариант. Слышали о ней?

– Краем уха, – едва заметно мрачнеет Круглов.

– Это сравнительно недавно появившаяся разновидность

психического расстройства. Люди, которые слишком часто практикуют полное погружение в виртуал, так называемый глубокий коннект. В группе риска – фанатичные геймеры, хакеры, наркоманы соцсетей. Это своеобразное раздвоение личности. Реальный доктор Джекил и сетевой мистер Хайд, не знающие и не помнящие друг друга. Как правило, смена ипостасей происходит в моменты, когда реальная личность утрачивает контроль над телом – глубокий сон, потеря сознания, сильные наркотики. И тут мы снова имеем дело с частичной ущербностью: сетевая личность ощущает свою неполноценность и добирает возможностями в виртуале.

Последние слова успокаивают Риту, расширяя круг подозреваемых, но не слишком: зерна сомнения посеяны и норовят взойти. Ущербность, профессия, сопряженная с частым погружением в виртуал, высокая квалификация в трекинге и... мотив. То есть не мотив, конечно, а все эти «гниль», «очистить сеть», «иногда мне кажется, что только так и можно»... Все слишком удачно складывается воедино. Вернее, неудачно, если учитывать, о ком речь. И лишь один аргумент против – информация о «Клубе Симмонса». Зачем давать ее, если... Стоп, а кто сказал, что это не ложный след? Да нет, бредятина! Как такое возможно вообще?! Это же Стас, ее Шкип, родная кровь, добрый, всегда готовый прийти на помощь и поддержать брат, с которым они с детства не разлей вода, понимают друг друга с полуслова. Вспомнить хотя бы их геймерский дуэт в «Чистилище». Вот было время! Рита спешит заткнуть голос ностальгии. Важно, что они никогда и ничего друг от друга не скрывали... Или нет? Хотя... почему обязательно Стас? Тот же Димон из сорок пятой. Раз он из сетевой безопасности, значит, трекер не из последних и в виртуале пропадает фанатично... Да только ли он? Тот же Паша с

его ночным геймерством и откровенной ненавистью к хейтерам... Саныч, который в свое время... что? Тоже поигрывал? Дашко про это молчит и молчать будет: ляпнул не выспавшись, а теперь небось жалеет. Шефа напрямую спросить? Ага, так он тебе и ответил! А сколько вокруг еще неизвестных, кто подпадает под эти приметы? Параноик ты, лейтенант Бахарева, как есть параноик!

Вся в своих мыслях, Рита уже почти не слышит, что там бубнит сетевик, и начинает отражать происходящее, только когда шеф поднимается и жмет руку эксперту:

– Спасибо за ценную информацию. Теперь нам есть, с чем работать. Лучше поздно, чем никогда, – не удерживается он от шпильки напоследок.

Сетевик, кисло улыбаясь, прощается и выходит вместе с Павлом. Рита сидит, являя собой воплощение сомнений и колебаний, и смотрит на Саныча.

– Давай, жалуйся! – говорит тот. – Я же вижу, тебя что-то гложет.

Несколько секунд Бахарева молчит, но потом внезапно решается:

– Гложет, шеф. Хотела тут с вами пошептать... У меня инфа появилась насчет связи наших жертв между собой. И, если честно, я не знаю, как к ней относиться.

Антихейтер идет по следу. След яркий, качественный: Лоцман свое дело знает – трекер от бога! Гурвич Антон Семенович, последний из «Клуба Симмонса», председатель, ты слышишь шаги? Это твоя смерть идет!

«Привет. Будь осторожен!» – голосовое сообщение от Лоцмана.

«Я всегда осторожен, ты же знаешь».

«Сегодня – особенно. Возможны проблемы. Больше, чем обычно. Сетевые стражи. Возможно, засада».

«С чего ты взял?»

«Предчувствие плохое. Если что, используй фантомов».

«Ладно, не учи ученого! И вообще не дергайся. Прорвемся, как всегда».

«Как всегда...» – эхом отзывается Лоцман и умолкает.

Все, пришел. Три стены. Выглядят как обычные файрволлы. Хочешь – вскрывай, хочешь – продавливай. Но есть подвох. В каждой. Антихейтер чувствует эти немудреные ловушки, рассчитанные на возомнивших себя хакерами дилетантов. Ему смешно – банальщина. Только... «Используй фантомов!» – сказал Лоцман. Но ведь опасности нет. Перестраховался? Нет, Лоцман никогда не был паникером. Если уж он бьет тревогу, то надо слушать. Ладно. Антихейтер создает две копии себя и отправляет в разные стороны. Теперь за дело. Сначала разрядить ловушку, затем – подобрать ключ к файрволлу. И так три раза. Щелк! Первая стена. Щелк! Вторая. Щелк...

Справа и слева возникают какие-то завихрения вроде энергетической бури. Его фантомам не повезло – нечто сейчас их перемалывает... Последняя стена упрямится дольше. За ней – Гурвич. Его сетевой аватар где-то шляется, опять кому-то гадит, но ничего – это ненадолго. Зато сам председатель «Клуба», поглощенный любимым делом, не видит того, что происходит у него под носом, полагается на свою защиту. Зря!

Последняя стена почти гаснет, но тут нечто возникает за спиной. Разворачиваясь, Антихейтер уже догадывается, что увидит – сетевого стража. Но какого! Здоровенная тварь, напоминающая помесь Кинг-Конга с драконом. Обычный хакер при виде такого обделался бы с перепугу. Но не геймер-виртуальщик высшего класса. Реакция спасает Антихейтера – пламенная струя поливает пустоту.

Это даже не файрволл, этот «огонь» круче – сжег бы его мозг так же, как сам Антихейтер делает с членами «Клуба». Прыжок, еще прыжок, увернуться от страшных лап твари, сформировать свой «кладенец» из программы-взломщика, поднырнуть под еще одну огненную струю и вонзить оружие в брюхо сетевому стражу. «Меч» развоплощается вместе с монстром – слишком тот был силен. Жаль его, но ничего, можно будет сделать еще, если понадобится. Теперь – «клиент», пока не подтянулись те, что уничтожали фантомов.

Антихейтер разворачивается к Гурвичу и достает главное оружие – вирус, поражающий сетевое оборудование. Выстрел! Удар тока в сотни ампер обугливает наушник-преобразователь, сетевой порт, пад и практически умерщвляет мозг подключенного к сети человека.

И в этот момент Антихейтера накрывает. Еще один сетевой страж в виде гигантского паука кидает энергетическую сеть. Вскрыть сеть можно, но на это нужно время, а его нет – сеть сжимается. Более того, на подходе третий страж – как-то жуть вроде светящегося крылатого осьминога.

«Лоцман, у меня проблемы!»

Молчание.

«Лоцман, ты где?!»

«Держись!» – незнакомый голос.

«Кто ты?»

«Выяснить будешь прямо сейчас или сперва дашь себя вытащить?»

«Что делать?»

«Закройся!»

Сетевой аватар Антихейтера падает, сворачивается в клубок и ставит максимальную защиту, краем глаза видя, как нечто вроде сапфирово-синего лазерного луча бьет сквозь ячейки сети внутрь охваченной ею зоны. Вспышка!

От сети остаются лишь разлетающиеся во все стороны энергетические брызги, а «паук» явно ошеломлен – пятится назад, покачиваясь на тонких лапах.

«Круто! Что это было?»

«Неважно. Этих двоих нам не одолеть, а скоро и еще подтянутся. Вали резче!»

Убийца ускоряется и рвет прочь, но забывает про «осьминога». Одно из «щупалец» сетевого стража резко удлиняется, превращаясь в петлю, летящую к Антихейтеру. Тот уже не успевает увернуться, но перед ним неведомо откуда возникает еще один его фантом, который и становится добычей стража.

«Черт, да вали же!»

Некто невидимое наносит Антихейтеру сильнейший удар словно мешком картошки. Сознание гаснет, и виртуал разжимает свои тиски. Аварийный дисконнект.

– Дерьмо противотанковое! – вибрирующий голос шефа и грохот отдельской двери заставляют Риту вздрогнуть и пролить на себя кофе. Горячий. Что ж, так он иногда бодрит даже лучше, чем если внутрь. Круглов оборачивается на ее шипение:

– Бахарева, ты чего тут еще? Задрыхла, что ли?

– Никак нет, шеф! Хотела вас дождаться. И что, взяли его? – Лихорадочный интерес в этом случае нет нужды скрывать – все естественно.

– Хренов охалку! – рычит Круглов. – Этот засранец каким-то образом сумел отбиться от наших монстрил из сетевого. Я думал, это невозможно, а вот поди ж ты! Еще и трек сбросил...

Видно, как шефу хочется материться, но он пока справляется. Рита же и сама не знает, что чувствует по этому

поводу – в голове полный кавардак. На лице, видимо, это тоже отражается. Круглов подходит к ней и кладет руку ей на плечо:

– Ну-ка, посмотри на меня! М-да, Бахарева, выглядишь ты паршиво! Вали-ка домой, отсыпаться!

– Я вам не нужна?

– Сегодня уже нет. Ты хорошо поработала: выстрелила твоя информация и в самую десятку попала! Трек-то убийца, конечно, сбросил, но район мы запеленговали. Твой райончик, кстати. Может, ты этого гада знаешь даже... Возьмем мы его теперь, возьмем. Сетевой облавой. Вопрос времени. Потому что точка выхода у него, похоже, стационарная. Так что иди отсыпайся, а завтра с утра – чтоб как штык! И без опозданий!

Рита кивает и, не чуя под собой ног, выходит в коридор.

В голове, словно карусельные лошади, крутятся две фразы шефа: «твой райончик» и «точка выхода стационарная». Рите хочется завывать. Просто в голос.

– Стас!!!

Брат сидит в коляске с падом на коленях. Проводок идет к заушнику – значит, глубокий коннект. Однако он слышит – нажимает что-то на паде и поворачивается к ней. В глазах – только усталость.

– И незачем так кричать, – произносит Стас. – Я всегда оставляю один аудиоканал в реале. – Бросает взгляд на часы. – Ты сегодня рано.

Рита игнорирует его слова и взглядом чуть ли не пронзает брата:

– Стас, пожалуйста, скажи, что это не ты!

Он нарочито оглядывает себя:

– Да нет, я вроде... А что?

– Дурака не валяй! – взрывается Рита. – Антихейтер – это ты?!

– Догадалась, да? – Теперь уже по его лицу пробегает печальная улыбка. – Это был вопрос времени. От тебя не спрячешься.

Сердце Риты срывается в пропасть: она до последнего надеялась, что на ее слова Стас округлит глаза и покрутит пальцем у виска. Ее брат – убийца. Серийный. Это просто не укладывается в голове. У Риты подкашиваются ноги, и она падает на стул рядом с ним:

– Да как ты... Твою ж... Зачем?!

– За хлебом, – хмуро отзывается он. – Я ведь не скрывал от тебя своего отношения к этому делу. Такие мрази, как эти, из «Клуба», не заслуживают права жить.

– Идейный, значит?! Судия высший?! – мгновенно свирепеет Рита. – Ты обо мне подумал, кретин чертов?!

От пощечины его голова дергается в сторону, но выражение лица несколько не меняется – та же застывшая улыбка и взгляд, от которого у Риты внутри все переворачивается.

– Я не верю! Не верю, что так просто! Ты бы не стал... только из-за каких-то дурацких понятий о справедливости. Ты ж другой, Стас, я знаю тебя! Тут что-то личное, верно? Ну, скажи, черт возьми!

Пауза длится секунд десять, прежде чем он с видимым усилием разлепляет губы:

– Ты Светку помнишь? Белку-летягу?

– Твою рыжую? С которой ты встречался до... Раньше, в общем... Конечно, помню. Но давно ее не вижу. Она переехала, что ли?

– Угу. На тот свет. Если глянешь статистику самоубийств, найдешь там ее имя. Бросилась с крыши год назад.

– Господи, Стас! Ты думаешь, что это они?

– Я не думаю, а знаю. Эти уроды в своем клубе доску достижений сделали, а на ней есть Светкино имя... И я вычислил их. Всех.

– Но почему ты со мной не поговорил?! Я бы...

– Что «ты бы»?

Повисает молчание, тяжелое, как дождевая туча. Рите хочется кричать, возражать, бить себя кулаком в грудь, но возразить нечего. Не по зубам ей «Клуб», как Кудрявцев сетевому отделу полиции, и Стас это понимает. Тишина давит на Риту, душит ее, и она не выдерживает:

– Этот... Гурвич. Зачем ты навел меня на него? Ты же знал, что мы будем его пасти! Знал, чем все это закончится!

– Знал.

– Тогда зачем?!

– Я устал, Рита. Чертовски устал. Гурвич был последним. Теперь «Клуба» нет. И надо это всё как-то заканчивать. Если попутно моя сестра раскроет крупное дело... тем лучше.

– Да что ты несешь, Шкип?! – Рита вскакивает со стула и начинает бегать по комнате. – На жизни своей крест поставить собрался?! В двадцать пять?! Совсем крыша съехала?!

– Успокойся, – тихо просит Стас. – Вот, взгляни лучше.

Он нажимает что-то на паде и поворачивает его к сестре экраном. Рита читает – и свет меркнет в ее глазах. Она закрывает лицо руками:

– Когда это пришло?

– Позавчера. Результаты анализов обработали – сразу мне написали. Метастазы пошли. Мне полгода осталось максимум. И довольно поганые полгода. Так что и впрямь пора заканчивать.

– Нет. Нет-нет-нет-нет! – Рита мотает головой как заведенная. – Это не конец! Мы что-нибудь придумаем. Мы...

– Хватит! – вдруг почти кричит Стас.

На губах его кривая улыбка. В глазах пляшет какая-то сумасшедшинка.

– Я должен был догадаться. На тебе «жучок», – это уже почти шепотом.

– Что?! – возмущенно вскидывается Рита. – Да я бы никогда...

– Тихо! Верю. Значит, не только ты умная. Кто-то из ваших тоже сложил два и два. Скоро будем принимать гостей... Но не так. Дай мне пистолет!

– Нет! – Рита отступает на шаг. – Я не...

Вместо ответа Стас резко нажимает рычаги, и коляска делает рывок вперед, врезаясь Рите в ноги. Она падает на брата. Несколько секунд борьбы – и его руки, сильные, как и у всякого «колясочника», резко отталкивают ее. Сидя на полу, Бахарева как замороженная смотрит на пистолет в руке Стаса. И шепчет:

– Нет, Шкип, не надо! Пожалуйста!

Стук в дверь. Голос Дашко:

– Откройте, полиция!

Стас улыбается и упирает дуло в подбородок:

– Прости, Рита. Так правда будет лучше для всех.

Грохот выбитой двери, отчаянный крик Риты и выстрел сливаются воедино. А скучноватые серо-зеленые обои украшаются багряным росчерком.

Настройки пада... Подключить проводок к наушнику-преобразователю... Уровень виртуальности «два плюс». Глубокий коннект. В преобразователе сигнал с пада трансформируется, генерирует сетевую реальность и транслирует ее в мозг. Все, он в сети.

Лоцман старается не злоупотреблять полной виртуальностью – знает, чем чревато. Но сегодня надо. Все проверить, подчистить, если потребуется...

Сигнал вызова голосового чата застаёт его врасплох. Пользователь неизвестный. Некий Фокс. Какого черта? Несколько секунд Лоцман колеблется, а потом все же решает ответить:

«Кто это?»

«Привет, Лоцман!»

«Ты меня с кем-то спутал».

«Не-а. Ты мастак, конечно, голову морочить, но со мной не выйдет. Думаешь, только ты умеешь отслеживать точки выхода в сеть и цеплять к аватарам непеленгуемые трек-маячки?».

«Что тебе нужно?»

«Так-то лучше. В «я-не-я» больше не играем. Для начала маленькая история. Пятнадцать лет назад один крутой геймер по имени Олег выиграл первый чемпионат страны по шутерам с полным виртуалом. Показал завидные способности, его взяли на заметку, стали обучать, сделали высококлассным трекером. Карьера ему светила неслабая, в крупной корпорации, но внезапно он все бросил и ушел работать в полицию. Даже имя поменял, чтобы окончательно порвать с прошлым. Оказалось, его девушка (почти жена уже) работала в сетевой безопасности в той корпорации. И, надо же – сетевая болезнь. Один из первых случаев. Сошла с ума, но дочь родить ему успела. Дочь была для Олега всем – он надышаться на нее не мог. Но, увы, дурная наследственность – уязвимая психика. Один хейтер, развлечения ради, стал преследовать ее в сети, оскорблять, глумиться. Девочка не выдержала – покончила с собой. Для Олега это было слишком. В полиции он уже успел сделать небольшую карьеру и начал искать виновника, используя как служебное положение, так и свои способности трекера. И ведь нашел! Обнаружил в сети «Клуб Симмонса» и понял, что у этих отморожков соревнование такое – кто больше народа заставит совершить самоубийство. На

тот момент Олег уже весь состоял из ненависти, но еще хотел действовать по закону. Только быстро понял, что бесполезно – у членов «Клуба» хорошее прикрытие, да и маскируются они умело.

Тогда он решил взять правосудие в свои руки. Только как до них добраться? Убить физически, в реале? Можно, но проблемно: все члены «Клуба» – люди с деньгами и положением. У некоторых даже телохранители имеются. Да и риск попасться велик. Оставалось через сеть. Но у него – только навыки трекера, а этого мало. Зато Олег на примере своей почти жены знал, на что способны полувирты. Нужно было лишь найти такого. И когда в полицию поступила на работу молодая женщина, пару лет назад вместе с братом тоже выигравшая виртуальный геймерский турнир, он решил к ней присмотреться. И вскоре понял, что она страдает сетевой болезнью. Подарок судьбы, да и только! Обработать ее сетевую личность оказалось несложно, и Олег завербовал ее в виртуальные киллеры. В паре они работали очень эффективно: он выслеживал, наводил, а она приводила приговор в исполнение. Так появились Антихейтер и его напарник-трекер Лоцман».

«Фантазия у тебя богатая. Только все это чушь собачья!»

«О, нет, совсем не чушь. Охота на последнюю жертву пошла немного не по плану, потому что о клубе узнали и решили устроить засаду у последней жертвы. Тогда Олег решил сдать свою напарницу: а что, очень удобно – в реале она ничего не вспомнит и не сможет дать против него показания. Но кое-кто вмешался – и не срослось».

«У тебя нет доказательств!»

«Смешно, Олег! Ты решил вспомнить о законах теперь? Мне они не нужны: я тоже умею вершить правосудие!»

«Да кто ты такой, мать твою?!»

«Я, конечно, тоже виноват – слишком поздно понял, что происходит. Знал, что у сестры сетевая болезнь, но ни-

чего не предпринимал – был слишком поглощен собой. И все, что я успел, – это влезть в последний момент, чтобы взять вину на себя и не позволить тебе сделать Риту ответчиком за твои преступления. Да-да, они твои, не спорь. Рита – лишь пистолет, а на спусковой крючок нажимал ты. Я могу понять твоё желание отомстить, но использовать для этого мою больную сестру – гнусность!»

«Нет! Ты не можешь быть жив! Я видел твой труп!»

«Ну, полувиртами становятся не только через сетевую болезнь, не так ли? Инвалидность этому тоже способствует. Забыл, да? Мое сознание осталось в сети, Олег, и позволило возможность добить незавершенку. Тебя».

Лоцман делает отчаянную попытку разъединить коннект, но бесполезно. Собеседник тихо смеется:

«Упс - облом! Я заблокировал тебя в сети. Последнее слово будет?»

«Да пошел ты, дерьмо противотанковое!»

«Сегодня утром у себя дома в том же состоянии, в котором находили жертв Сетевого убийцы, был найден майор полиции Круглов, руководивший операцией по поимке маньяка. Очевидно, он совершил самоубийство. Круглов оставил на своем паде письменное признание, заверенное электронной подписью, в котором подтвердил собственную вину во всех преступлениях Антикхейтера. Ранее обвинявшийся в этих деяниях и покончивший с собой при задержании Станислав Бахарев, согласно показаниям Круглова, был его трекером-наводчиком. Кажется, эта долгая кровавая история наконец подошла к своему логическому завершению. Тело Круглова физически еще остается живым, но по решению суда будет подвергнуто эвтаназии в установленные законом сроки».

Из выпуска новостей.

Для заметок